

УДК 63 (063)

ББК 4

ВЕСТНИК

**Донского государственного
аграрного университета**

Редакционный совет

Авдеенко А.П. - д.с.-х., профессор	Никитчук В.Э. - к.с.-х.н., доцент
Агафонов Е.В. - д.с.-х.н., профессор	Николаева Л.С. - д.ф.н., профессор
Баленко Е.Г. - к.с.-х.н., доцент	Пимонов К.И. - д.с.-х.н., профессор
Бардаков А.И. - д.п.н., профессор	Рудь А.И. - д.с.-х.н., доцент
Булгаков А.Г. - д.т.н., профессор	Сапрыкина Н.В. - д.э.н., профессор
Бунчиков О.Н. - д.э.н., профессор	Серяков И.С. - д.с.-х.н., профессор
Волосухин В.А. - д.т.н., профессор	Семенihin А.М. - д.т.н., профессор
Гавриченко Н.И. - д.с.х.н., профессор	Соляник А.В. - д.с.-х.н., профессор
Гайдук В.И. - д.э.н., профессор	Солодовников А.П. - д.с.-х.н., профессор
Гончаров В.Н. - д.э.н., профессор	Тариченко А.И. - д.с.-х.н., профессор
Дерезина Т.Н. - д.в.н., профессор	Ткаченко Н.А. - д.т.н., профессор
Джуха В.М. - д.э.н., профессор	Третьякова О.Л. - д.с.-х.н., профессор
Ермаков А.М. - д.б.н., профессор	Федюк В.В. - д.с.-х.н., профессор
Калинчук В.В. - д.ф.-м.н., профессор	Циткилов П.Я. - д.и.н., профессор
Кобулиев З.В. - д.т.н., профессор	Черноволов В.А. - д.т.н., профессор
Крючкова В.В. - д.т.н., профессор	Шаршак В.К. - д.т.н., профессор
Кузнецов В.В. - д.э.н., профессор	Шаталов С.В. - д.с.-х.н., профессор
Максимов Г.В. - д.с.-х.н., профессор	Чертков Д.Д. - д.с.-х.н., профессор

Редакционная коллегия

Башняк С.Е. - к.т.н., доцент	Козликин А.В. - к.с.-х.н., доцент
Гужвин С.А. - к.с.-х.н., доцент	Лаврухина И.М. - д.ф.н., профессор
Дегтярь А.С. - к.с.-х.н., доцент	Мельникова Л.В. - к.ф.н., доцент
Дегтярь Л.А. - к.т.н., доцент	Мокриевич А.Г. - к.т.н., доцент
Жуков Р.Б. - к.с.-х.н., доцент	Полозюк О.Н. - д.б.н., доцент
Зеленков А.П. - к.с.-х.н., доцент	Семенченко С.В. - к.с.-х.н., доцент
Зеленкова Г.А. - к.с.-х.н., доцент	Скрипин П.В. - к.т.н., доцент
Илларионова Н.Ф. - к.э.н., доцент	Фальнсков Е.М. - к.с.-х.н., доцент

Журнал предназначен для ученых,
преподавателей, аспирантов и студентов вузов.
Все статьи размещены на сайте eLIBRARY.RU и
проиндексированы в системе [Российского
индекса научного цитирования \(РИНЦ\)](http://www.rsc.info).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**Выпуск
№ 2 (24.2), 2017**

**Часть 2
Социально-
гуманитарные науки**

Учредитель:
Донской государственный
аграрный университет

Главный редактор:
Клименко
Александр Иванович
Зам. главного редактора:
Громаков Антон
Александрович
Поломошнов Андрей
Федорович

**Ответственный
секретарь:**

Свинарев Иван Юрьевич
Выпускающий редактор:
Поломошнов Андрей
Федорович

**Ответственная за
английскую версию:**
Михайленко Татьяна
Николаевна

Технический редактор:
Контарев Игорь Викторович

Дизайн и верстка:
Степаненко Марина
Николаевна
ISSN 2311-1968

Подписной индекс 94081

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донской ГАУ»,
346493, п. Персиановский,
Октябрьский (с) район,
Ростовская область
e-mail: dgau-web@mail.ru

SCIENTIFIC JOURNAL

**Volume
№ 2 (24.2), 2017**

**Part 2
Social and Human
Sciences**

Constitutor:
Don State
Agrarian University

Editor-in-chief:
Klimenko
Alexander Ivanovich

Managing Editor:
Gromakov Anton Aleksandrovich
Polomoshnov Andrey Fedorovich

Executiv Secretary:
Svinarev Ivan Yurjevich

Executive editor:
Polomoshnov Andrey Fedorovich

**English version
Executive:**
Mikhaylenko
Tatiana Nikolaevna

Technical editor:
Kontarev Igor Victorovich

**Computer design and make
up:**
Stepanenko Marina Nikolaevna

**ISSN 2311-1968
Editorial Office
Address:**

FSEI HE «Don SAU»
346493, Persianovski, Oktyabrski district,
Rostov region
e-mail: dgau-web@mail.ru

**УДК 63 (063)
ББК 4**

VESTNIK

**Don State Agrarian
University**

EDITORIAL REVIEW BOARD

Avdeenko A. P.	Nikitchuk V. E.
Agafonov E. V.	Nikolaeva L. S.
Baleno E. G.	Pimonov K. I.
Bardakov A. I.	Rud` A. I.
Bulgakov A. G.	Saprikina N.V.
Bunchikov O. N.	Seryakov I. S.
Volosuhin V. A.	Semenikhin A. M.
Gavrichenko N.I.	Solyanik A. V.
Gayduk V. I.	Solodovnikov A. P.
Goncharov V. N.	Tarichenko A. I.
Derezina T. N.	Tkachenko N. A.
Juha V. M.	Tretyakova O. L.
Ermakov A. M.	Fedyuk V. V.
Kalinchuk V. V.	Tsitkilov P. Y.
Kobuliev Z. V.	Chernovolov V. A.
Kryuchkova V. V.	Sharshak V. K.
Kuznetsov V. V.	Shatalov S. V.
Maksimov G. V.	Chertkov D.D.

Editorial Board

Bashnyak S. E.	Kozlikin A. V.
Guzhvin S. A.	Lavrukhina I. M.
Degtar A. S.	Melnikova L. V.
Degtar L. A.	Mokrievich A. G.
Zhukov R. B.	Polozyuk O. N.
Zelenkov A. P.	Semenchenko S.V.
Zelenkova G. A.	Skripin P. V.
Illarionova N. F.	Falynskov E. M.

The journal is intended for scientists,
Professors, graduate students and university
students. All articles posted on the site
eLIBRARY.RU and indexed in the Institute of the
Russian Science Citation index (RSCI).

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENS
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ		PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES
Поломошнов П.А. ПОСТГУМАНИЗМ: ВЕРШИНА ИЛИ КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА?	Polomoshnov P.A. POSTGUMANISM: THE TOP OR THE END OF CLASSICAL HUMANISM?	4
Морозова Э., Пойда Е.Е. ИСКУССТВО КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ	Morozova E., Poyda E.E. ART AS A SYMBOLIC FORM OF CULTURE	18
Поломошнов А.Ф. КРИЗИС И СУДЬБА ГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	Polomoshnov A.F. CRISIS AND THE FATE OF HUMANISM IN THE CONTEMPORARY WORLD	23
Винокурова И.Н. ВЛИЯНИЕ ФРЕЙДА И МАРКСА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ Э.ФРОММА	Vinokurova I.N. INFLUENCE OF FREID AND MARX ON THE FORMATION OF EFROM'S VIEWS	31
Поломошнов Л.А. НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ	Polomoshnov L.A. NATIONAL IDENTITY IN THE PARADIGM OF ETHNOPSYCHOLOGY	36
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ		SOCIAL AND POLITICAL SCIENCE
Швандерова А.Р., Асташев Р.В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	Shvanderova A.R., Astashev R.V. EFFICIENCY OF PRIVATE SCIENTIFIC METHODS IN STUDYING HISTORY AND THEORY OF LAW AND STATE	43
Брик А.Д., Прохорова Т., Данилова О. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА	Brik A.D., Prokhorova T., Danilova O. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FALSE MATERNITY	49
Швандерова А.Р., Асташев Р.В. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: РЕАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР	Shvanderova A.R., Astashev R.V. THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN STATE: IMPLEMENTATION OF ALTERNATIVE LEGAL PROCEDURES	52
Лукьянова Е.А. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ	Lukyanova E.A. CONTEMPORARY RUSSIA BY EYES OF STUDENTS	59
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ		PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY
Поломошнов А.Ф. ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	Polomoshnov A.F. THE PROBLEM OF THE DEGUMANIZATION OF RUSSIAN EDUCATION	65
Полякова Н.А. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС	Polyakova N.A. EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL PROCESS	73
РЕФЕРАТЫ	84	88

УДК 165.74

ПОСТГУМАНИЗМ: ВЕРШИНА ИЛИ КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА?

Поломошнов П.А.

В статье анализируются направления современного постгуманизма. Постгуманизм рассматривается и как обобщенное определение современного общества и как система мировоззрения, отражающая кризис личности и гуманизма в современном обществе.

В составе постгуманизма можно выделяются несколько направлений. Первое - критическое направление, занимающееся обоснованием кризиса и краха классического гуманизма, но не создающее позитивной, оптимистической альтернативы или современной формы гуманизма. Это направление опирается на философские концепции постмодернизма. Второе направление - новый, или современный гуманизм (неогуманизм), который представлен достаточно широким и разнородным спектром международных и национальных гуманистических организаций. Это направление подчеркивает свою связь и преемственность с классическим западным гуманизмом и выдвигает гуманизм как высший современный идеал человечества. Третье направление - трансгуманизм, представляющий себя как радикально новую форму гуманизма, преодолевающую ограниченность классического гуманизма, но сохраняющий его сущность. На самом деле речь здесь идет о радикальной ревизии классического гуманизма, превращающей его в радикальный антигуманизм. Автор доказывает, что все три формы постгуманизма не являются не конструктивным развитием классического гуманизма, а выражением его кризиса. Кризис классического гуманизма является лишь переходным этапом к рождению нового современного гуманизма XXI века, в котором будет сохранено и расширено все содержание предшествующих форм гуманизма.

Ключевые слова: гуманизм, личность, постгуманизм, постмодернизм, трансгуманизм, неогуманизм.

POSTGUMANISM: THE TOP OR THE END OF CLASSICAL HUMANISM?

Polomoshnov P.A.

In the article, the directions of modern posthumanism are analyzed. Posthumanism is viewed both as a generalized definition of modern society and as a system of worldview reflecting the crisis of personality and humanism in modern society.

In the composition of posthumanism, several directions can be distinguished. The first is a critical area that deals with the justification of the crisis and the collapse of classical humanism, but does not create a positive, optimistic alternative or a modern form of humanism. This direction is based on the philosophical concepts of postmodernism. The second direction is a new, or modern humanism (neohumanism), which is represented by a rather wide and diverse spectrum of international and national humanistic organizations. This direction emphasizes its connection and continuity with classical Western humanism and promotes humanism as the highest modern ideal of mankind. The third direction is transhumanism, representing itself as a radically new form of humanism, overcoming the limitations of classical humanism, but preserving its essence. In fact, it is a question of a radical revision of classical humanism, which turns it into radical anti-humanism. The author proves that all three forms of posthumanism are not a constructive development of classical humanism, but an expression of its crisis. The crisis of classical humanism is only a transitional stage to the birth of a new modern humanism of the 21st century, in which the entire

content of the preceding forms of humanism will be preserved and expanded.

Key words: *humanism, personality, posthumanism, postmodernism, transhumanism, neogumanism.*

Современный кризис гуманизма сопровождается выдвиганием разнообразных альтернатив гуманизму, которые рядятся в личину продолжателей, или нового шага в развитии гуманизма. Являются ли выдающие себя за современный этап в развитии гуманизма постгуманистические движения нашего времени, действительным развитием классического гуманизма, или же они представляют собой антиподы гуманизма, прикрывающие гуманизмом свою дегуманистическую, разрушительную для личности и человека сущность?

Понятие постгуманизма не имеет однозначного толкования в современной литературе. «Многие мыслители вкладывают в этот термин совершенно разное значение: противопоставляют «постгуманизм» классическому гуманизму, который в целом связывают с европейским Просвещением и культурой Европы.»[14] Постгуманизм рассматривается и как обобщенное определение современного общества и как система мировоззрения, отражающая кризис личности и гуманизма в современном обществе. «По-новому, остро и пронзительно, человек стремится осмыслить метаморфозы, происходящие с ним в эпоху «пост-»: постмодернизма, постколониализма, постструктурализма, постевропоцентризма, постиндустриализма, постнационализма. Некоторые критики называют современный этап в жизни человечества «постгуманизмом». В Интернете можно встретить разное понимание «постгуманизма». Осознание мировоззрения, пришедшего на смену гуманизму, иногда представлено как желание человека выйти за пределы своего естества. «Постгуманизм» – это «вышедшие из-под контроля обезумевшие искусственные интеллекты, искусственные конечности, наркотики, киберпространство и кремниевые люди» («постгуманизм» как последствие – как то, что наступило после - неограниченной веры в прогресс гуманизма?) Или, например, «постгуманизм» – это новое бытие некоего нового существа, рождённого из соединения человека с машиной («постгуманизм» как будущее гуманизма – как дальнейшее развитие гуманизма в эпоху «пост»?) А возможно, «постгуманизм» – это просто «потеря веры в декларацию Запада о величии человека» («постгуманизм» как потеря? Корней? Ценностей? Целостности своей личности?)» [14]

В данной работе проводится анализ постгуманизма как духовного феномена, как мировоззрения, отражающего дегуманистические тенденции нашего времени.

Для того чтобы разобраться с сущностью постгуманистических течений, вначале нужно выяснить основной круг идейных течений, определяемых общим термином «постгуманизм». Попытаемся определить круг постгуманистических концепций, опираясь на определение постгуманизма как совокупности мировоззренческих концепций и философских идей, возникших в результате перехода к постиндустриальному обществу и связанному с ним кризисом классического европейского гуманизма в XX веке. В составе постгуманизма можно выделить несколько направлений: 1.критическое направление, занимающееся обоснованием кризиса и краха классического гуманизма, но не создающее позитивной, оптимистической альтернативы или современной формы гуманизма (это направление опирается на философские концепции постмодернизма); 2.новый, или современный гуманизм (неогуманизм), который представлен достаточно широким и разнородным спектром международных и национальных гуманистических организаций (это направление подчеркивает свою связь и преемственность с классическим западным гуманизмом и выдвигает гуманизм как высший современный идеал человечества); 3.трансгуманизм, представляющий себя как радикально новую форму гуманизма, преодолевающую ограниченность классического гуманизма, но сохраняющий его сущность (на самом деле речь здесь идет о радикальной ревизии классического гуманизма, превращающей его в радикальный антигуманизм.

Т.о. постгуманизм крайне неоднозначен и включает в себя три весьма различные

формы. Его нельзя свести к какой-либо одной форме. Но общим для всех направлений постгуманизма является то, что он позиционирует себя всегда по отношению к классическому гуманизму и в определенной полемике с ним. ««Постгуманизм» нельзя определить как некое направление, идею или школу. «Постгуманизм» – это термин, который разные мыслители наполняют разным содержанием. Все они пытаются определить проблемное поле современной культуры, они ставят вопросы, но пока не дают на них ответов. Особенность «постгуманизма» состоит в том, что в разных теориях и точках зрения он пытается по-своему преодолеть гуманизм, выявить несправедливость и противоречия системы взглядов, свойственной эпохе Ренессанса и Нового времени, однако при всей своей новизне этот термин уже изначально вторичен. Несмотря на то что «постгуманизм» постоянно формулирует себя как «пост», он не может уйти от гуманизма, не даёт ответы на поставленные вопросы, постоянно воссоздаёт старое, недовольство человека миром, в котором тот живёт, но этим и ценен «постгуманизм» как вопрошающая мысль современного человека, переоценивающего стереотипы созданной им культуры.» [14]

Постгуманизм, полемизируя с классическим гуманизмом, с одной стороны, отвергает его ключевую идею – антропоцентризм, т.е. человека как высшей ценности и высшего существа. С другой стороны, он декларирует идею освобождения человека от власти физической природы на основе достижений науки и техники и превращения его в некое сверхприродное существо с супер-возможностями.

Начнем анализ форм постгуманизма с постмодернистской критики классического гуманизма. Начнем анализ форм постгуманизма с постмодернистской критики классического гуманизма. Постмодернизм разработал систему апологии дегуманизации современного общества и фактически превратил констатацию факта дегуманизации в сущность постгуманизма. Постмодернизм при этом не рассматривает социальные причины дегуманизации и пути ее преодоления. Он констатирует и красочно с разных сторон описывает основные проявления современного кризиса гуманизма. Постмодернизм в основу своей критики гуманизма кладет тезис о том, что гуманистические идеалы совершенно не совместимы с современной социальной реальностью. Отсюда делается вывод о «смерти человека», под которой имеется ввиду смерть гуманистического идеала человека. «В постмодернистской интерпретации человек превращается, с одной стороны, в «негативное пространство» (Розалинда Краус), «случайный механизм» (Мишель Скресс), «фрагментарного человека» (Ж.Деррида), «человека в минусовой системе координат» и т.д. Ролан Барт, например, вообще разработал постулат о смерти субъекта.

Такое переосмысление роли, возможностей человека, «места человека на координатах Вселенной», как в свое время выразился Л.М.Леонов, привело к философии антропологического пессимизма.» [9]

Постмодернизм отрицает также универсальный, общечеловеческий характер гуманистического идеала. ««Смерть человека» у Фуко – это разрушение того образа Человека, который был создан гуманизмом, это прорыв в измерение Иного, в некий «постгуманизм», отказ от представления о том, что существует единая Истина и общечеловеческое Добро. Так «постгуманизм» подходит вплотную к понятию мультикультурализма. Понятие мультикультурализма, в свою очередь, тесно связано с понятием глобализации.» [14]

Постмодернизм рассматривает гуманистический идеал человека как искусственно созданный, и поэтому временный и преходящий. При этом на смену этому идеалу ничего не предлагается, кроме констатации разрушения, фрагментации, дефундаментализации личности в современном постиндустриальном мире. «Создаваемая человеком искусственная научно-техническая реальность разрывает связь с природой, нарушая экологический баланс в современном мире. Искусственное как создание человеческого разума становится гениальной репродукцией самой природы. Талантливо выполненная копия вступает в неизбежный конфликт с оригиналом. Искусственно расширяя своё сознание и увеличивая возможности своего разума при помощи технологий, человек меняет течение времени и

понятие пространства. В отчаянной попытке угнаться за бесконечным и необратимым движением собственного разума человек сам подвергается глубокой трансформации со стороны постоянно создаваемой им новой реальности. Таким образом, если для эпохи гуманизма был характерен теoантропоцентризм, то в настоящее время можно говорить о техноантропоцентризме, когда на смену отношениям человека с создателем приходят отношения человека с создаваемым. Личность становится продуктом определённых социальных условий, т.е. результатом собственного творчества человека.» [14]

Современный технический прогресс, как констатирует постмодернизм, ведет ко все большему отчуждению и разрушению, деструкции личности. Происходит обезличивание, стандартизация, деструкция цельной личности, дефундаментализация личности, которая распадается на множество случайных ролей. Жизнь личности как цельный процесс фрагментируется, как и сама личность. Высшие ценности, сама личность заменяются симулякрами (подделками, имитациями, игрой). Жизнь человека как личности, самоутверждающей себя в мире, раскрывающей свой потенциал в своей продуктивной творческой деятельности и преобразовании мира превращается в бессмысленную игру, хаотическое переживание эпизодов. «Представление о том, что человек постепенно растворяется в современном мире, уже частично исчез и в какой-то момент без сомнения совсем исчезнет, «как лицо, начертанное на прибрежном песке» получило широкое развитие в книге Мишеля Фуко (Michel Foucault) «Слова и вещи» (“Les mots et les choses”).»[14]

Т.о., отвергая классический гуманизм и констатируя деструкцию личности в условиях глобализации и современного научно-технического прогресса, постмодернизм не предлагает никакой позитивной альтернативы и фактически является теоретической легализацией и современной дегуманизации.

Позитивной альтернативой критике классического гуманизма, философскому обоснованию фактической дегуманизации современного общества как непреодолимой данности в постмодернизме, является неогуманизм.

Современный гуманизм, или неогуманизм начал формироваться с середины XX века как крайне разнородное движение, объединяющее свободомыслящих рационалистов, стремящихся утвердить ценности гуманизма в стремительно дегуманизирующемся мире. Характерной чертой неогуманизма является его атеистическая направленность, стремление освободить гуманистические идеалы и ценности от всякого религиозного обоснования. Неогуманисты создали множество национальных гуманистических организаций, например: «Американская гуманистическая ассоциация», «Британская гуманистическая ассоциация», «Голландская гуманистическая лига», «Российское гуманистическое общество», «Индийская радикальная гуманистическая ассоциация». Образовались и международные гуманистические организации: Международная Коалиция «За Гуманизм!», Международный гуманистический и этический союз (МГЭС).

К известным деятелям неогуманизма относятся: Яаап.П. ванн Прааг, Г.Д. Блэкхем, П. Куртц, К. Ламонт, Э. Нагель, Д. Сантаяна, А. Айер, С. Хук. Неогуманисты разработали целую серию программных документов: 1.Гуманистический манифест I (1933 г.), 2.Гуманистический манифест II (1973 г.), 3.Декларация светского гуманизма (1980 г.), 4.Гуманистический манифест 2000 (1999 г.), 5.Амстердамская декларация (2002 г.), 6.Гуманизм и его устремления (2003 г.).

Все эти документы содержали в себе оценку текущей исторической ситуации в мире с точки зрения гуманистических идеалов, декларацию самих идеалов, адаптированных к современной социальной реальности, а также определенную программу по утверждению гуманистических идеалов в конкретных исторических условиях. Поскольку историческая ситуация и мировой порядок существенно изменялись, менялось и содержание неогуманистических программных манифестов. Общим для всех этих программных документов неогуманизма оставалось утверждение некоего набора гуманистических ценностей и принципов, а также декларативный характер предлагаемых программ гуманизации мира, в которых указывалось, что нужно сделать, но не раскрывалось, кто и

каким образом должен реализовать эти программы.

Мы рассмотрим содержание неогуманистических идеалов и программ гуманизации мира на примере одного из последних Манифестов (2000 г.), написанного П. Куртцем. Идеал неогуманистов представляет собой системы нравственных принципов, которые должны быть, реализованы во всемирном масштабе через реорганизацию общества и мирового порядка. Вот эти принципы: «(1) Главной ценностью являются достоинство и независимость личности; гуманистическая этика направлена на максимизацию свободы выбора, простирающегося настолько далеко, насколько это не наносит ущерба другим. (2) Человек должен отдавать себе отчет в своей ответственности и обязанностях по отношению к другим и среде обитания. (3) Этика совершенствования, которую разделяют гуманисты, предполагает такие добродетели, как способность к творчеству, самостоятельному выбору, мышлению и поведению; долг человека на деле реализовывать полученные им от природы таланты и способности. (4) Существенно для нравственного поведения сопереживать и заботиться о ближнем. (5) Гуманистическая этика ратует за моральное воспитание детей и юношества. (6) Моральные суждения и поступки должны совершаться не только на основе непосредственного нравственного мотива, но и на основе разума, играющего важную роль в осмыслении и принятии решения. В случаях нравственных коллизий важную роль играет разумный диалог и поиск согласия. (7) Этика гуманизма признает необходимой готовность человека к корректировке своих моральных принципов и ценностей в свете будущего и возможности возникновения новых уникальных ситуаций. (8) Гуманисты утверждают, что достойной следует считать этику, основанную на принципах, а не только на целях. Это значит, что цель не оправдывает средства, характер целей определяется средствами; существуют границы дозволенного. Невозможно не ощущать трагедию миллионов людей, причиненную им теми, кто смел оправдывать великое зло обещаемым великим будущим благом.» [3]

На базе этой довольно абстрактной этики неогуманизм разрабатывает концепцию планетарного гуманизма. Сущность планетарного гуманизма сводится к семи основным тезисам: «(1) Стремительная глобализация жизни человечества требует признать, что основополагающим принципом планетарного гуманизма является необходимость уважать достоинство всех людей мирового сообщества. К числу обязанностей человека по отношению к традиционным социумам (семья, круг родственников и друзей, община, нация, общество) следует прибавить еще одну – нашу ответственность за судьбу человечества, за людей, живущих за пределами нашего государства. Физически и морально мы связаны так сильно, как никогда прежде. Сегодня, когда звонит колокол, он звонит по каждому из нас. (2) Планетарность этики гуманизма требует распространения на человечество как целое принципа: поступай так, чтобы сумма человеческих страданий уменьшалась, а счастья – возрастала. (3) Следует воздерживаться от чрезмерного подчеркивания национальных культурных особенностей, поскольку это может вызывать взаимное отчуждение и быть деструктивным фактором общественной жизни. (4) Уважение к достоинству должно в равной мере относиться ко всем людям. (5) Принципы планетарной этики предполагают перспективизм (постериоризм), т.е. они обращены не только к мировому сообществу, как оно сложилось в настоящее время, но и к его будущему. Мы ответственны за ближайшее и отдаленное будущее, за людей, которые будут жить после нас. (6) Каждое поколение обязано оставить последующему более благоприятную окружающую среду. Реально это означает возможность для человека сегодняшнего дня быть представителем будущего, которое ожидает от нас лучшего, подобно тому как мы нуждаемся в культурных достижениях, получаемых от предшествующих поколений. (7) Возрастающая мощь и последствия человеческих деяний заставляют нас остерегаться совершать что-либо из того, что может подвергнуть опасности саму жизнь будущего человечества. Таким образом, Манифест 2000 утверждает новый жизнеспособный планетарный гуманизм, подчеркивающий идею обеспечения безопасного и благополучного настоящего и будущего мира. Ее осуществление связано с выполнением ряда обязательств, которые

сформулированы в Планетарном Билле о правах и обязанностях.» [3]

Абсолютная социальная абстрактность этого планетарного гуманизма делает его простым набором благих пожеланий. Однако, неогуманизм не ограничивается декларацией общих принципов, но и предлагает «глобальный план действий», в котором в форме всеобщих обязанностей человечества формулируются конкретные задачи по переустройству современного мира и принципы новой гуманистической социальной организации. Т.о. здесь неогуманизм конкретизируется до описания гуманистических принципов социальной организации. Формулируется десять принципов гуманистической организации современного общества. Основную роль здесь играет формулировка прав человека.

Список этих прав достаточно обширен: 1.право на здравоохранение, 2.право на жилье 3.право на экономическую безопасность и достойный заработок, 4.право на руд (гарантия от безработицы), 5.социальная защита престарелых, 6.право на жизнь (защита от посягательств на жизнь, от насилия будь то со стороны частных лиц, общественных или политических институтов, защита от сексуальных домогательств), 7.право на семью, защита социальных прав детей, 8.право на образование и доступ к культурным ценностям, 9.социальное равенство: «никто не должен подвергаться дискриминации по признаку расы, этнического происхождения, национальности, культуры, касты, классовой принадлежности, вероисповедания, пола или сексуальной ориентации», [6] 10.право на свободное творчество, 11.право на счастье: «каждый человек вправе пользоваться жизненными благами, стремиться к счастью, творить и отдыхать сообразно собственным представлениям, поскольку это не наносит ущерба благополучию других», [6] 12. «свобода мнений и совести — безусловное право исповедовать какую-либо веру или не исповедовать никакой, свобода слова», [6] 13.право на собственный образ жизни и частную жизнь, поскольку оно не входит в противоречие с правами других.

Особое внимание в списке социальных принципов неогуманизма занимает принцип равенства, в котором выделяется четыре момента: 1.равенство всех перед законом, 2.равенство возможностей «преследовать свои интересы и воплощать в жизнь мечты, проявлять свои, уникальные в каждом, способности и таланты», [6] 3.равенство в социальном уважении и социальных правах, 4.удовлетворение основных потребностей каждого (социальная помощь нетрудоспособным и нуждающимся, благотворительность).

Особой новизны в этом списке прав и свобод человека нет. Он не может вызвать особых возражений, за исключением того, что декларация прав и свобод человека не сопровождается описанием хоть каких-то реальных механизмов их гарантии и практической реализации.

Неогуманизм, сформулировав в форме «Планетарного билля о правах и обязанностях» основные права человека, которые должны быть обеспечены в современном мире, переход к мерам, которые необходимо предпринять для их реализации, которые определяются как **«глобальный план действий»**.

Глобальный план действий неогуманистов включает в себя шесть основных направлений: 1.обеспечение международной безопасности, прекращение и предотвращение войн, международных и межэтнических конфликтов; 2.помощь развитых стран отсталым в экономическом развитии, сокращение и преодоление разрыва между развитыми и отсталыми странами в экономическом и культурном развитии; 3.утверждение в мире принципа социальной справедливости в форме принятия всеми странами «Планетарного билля о правах и обязанностях»; 4.установление контроля общества над деятельностью транснациональных корпораций: «необходимы весьма необычные реформы, чтобы заставить международных богачей, как корпорации, так и отдельных лиц, заплатить свою долю налогов без ущерба для механизма мировой экономики.»; [6] 5.выработка наднациональной, общечеловеческой системы права; 6.защита окружающей среды, решение экологической проблемы.

Предлагаемый список действий, во-первых, неполон и не приведет к реализации декларируемых гуманистических принципов, во-вторых, носит безадресный и слишком

обобщенный характер. Не указаны конкретные адресаты действий и не прописаны конкретные механизмы и способы действий. План действий выглядит как маниловское мечтание: хорошо бы было сделать так-то и так-то.

Однако, неогуманисты все-таки находят главного субъекта, который должен реализовать неогуманизм: мировое гуманистическое правительство, которое должно радикально преобразовать современный мировой порядок, далекий от принципов и стандартов гуманизма. Мировое правительство должно включать в себя: Всемирный парламент, Всемирный суд, международную полицию, планетарное агентство международного уровня по контролю над состоянием окружающей среды

Финансироваться деятельность мирового правительства должна за счет международной системы налогообложения. Большую роль в построение неогуманистической системы во всемирном масштабе играет, по мнению неогуманистов, принцип свободы информации: «мы должны поддерживать свободный обмен идеями, уважать разные мнения и культивировать право на инакомыслие. Так, существует особая настоятельная необходимость противостоять попыткам контроля над средствами сообщения, как со стороны государственных властей, так и со стороны преследующих собственные интересы мощных экономических групп или глобальных институтов.» [6]

Фактически признавая неэффективность современных международных организаций и, прежде всего, ООН, при одновременном всевластии мировой олигархии и транснациональных корпораций, неогуманисты предлагают их качественное реформирование и подчинение олигархии интересам всего человечества. Упования неогуманистов на гуманистическое мировое правительство выглядят абсолютной утопией в современном мире, подобно упованиям на Бога, или инопланетян.

В целом, неогуманизм – неудачный синтез принципов гуманистической социальной организации и гуманистической этики с описанием современного мира. Он носит декларативный абстрактный характер прекраснодушных мечтаний, не способных реально противодействовать мощным угрозам дегуманизации современного мира. Он не содержит в себе никакой реальной и действенной программы гуманизации современного мира.

Особое место в системе постгуманистических идейных течений занимает трансгуманизм.

Трансгуманизм сформировался в середине XX века международное движение, поддерживающие использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека, с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными — страданий, болезней, старения и даже смерти. Сам термин «трансгуманизм» ввел Джулиан Хаксли, брат известного писателя антиутопий Олдоса Хаксли, который также развивал идеи трансгуманизма. В своей книге «Новые бутылки для нового вина» Д. Хаксли так формулирует идею трансгуманизма: «Мы начинаем понимать, что даже самые счастливые люди живут много ниже своих возможностей и что большинство людей развивают не более ничтожной доли своей потенциальной умственной и духовной мощи. Человечество в действительности окружено обширной областью нереализованных возможностей, требующих изучения. Человек как вид может превзойти себя - не просто спорадически, один индивид каким-то образом здесь, другой индивид другим путём там, но именно как человечество в целом. Если нужно назвать новую цель, то, может быть, подойдет слово «трансгуманизм»: человек останется человеком, но возвысится над собой, реализуя новые возможности своей человеческой природы ради самой этой природы. Я верю в трансгуманизм: если однажды появится достаточно много людей, способных устремиться к нему, человеческий вид окажется на пороге нового образа жизни, столь же отличного от нашего, как наш - от образа жизни синантропа. Человек наконец станет сознательно осуществлять своё истинное назначение.» [4, С.130]

Идеи трансгуманизма развивали Р. Эттингер, Э. Купер, Ф. М. Эсфендиари, М. Мор и другие. В 1998 году Н. Бостром и Д. Пирс основали Всемирную ассоциацию

трансгуманистов. В 2000 году образовалось Российское трансгуманистическое движение. Известной международной трансгуманистической организацией является Институт Экстропии.

В 2010 году трансгуманисты многих стран Запада и США перешли к созданию собственных политических партий, для которых придумывают оригинальные названия: «Космическая партия», «Партия продления жизни» и т.п. Т.о. трансгуманизм очень быстро преобразовался из философской концепции в идеологию, лежащую в основе нового формирующегося политического движения.

Является ли трансгуманизм добром или злом? Трансгуманизм – это отрицание классического гуманизма, его антипод, или же его дальнейшее развитие, его современная, новая форма? Чтобы ответить на эти вопросы недостаточно опираться лишь на собственные заявления трансгуманистов, которые представляют себя продолжателями классического гуманизма. «Трансгуманисты считают себя последователями идей эпохи Просвещения, однако заменяют её центральные проблемы, такие как вопросы социальной справедливости, реформирования социальных институтов, на стремление к бесконечному улучшению человеческого тела в поисках лучших форм существования.» [14]

Чтобы понять его сущность, необходимо проанализировать не только декларативные цели трансгуманизма, но и предлагаемые им практические действия и их последствия.

Декларативные цели трансгуманизма, на первый взгляд, выглядят крайне привлекательно. Главной целью трансгуманизма является бесконечное совершенствование человека, основанное на новейших достижениях научно-технического развития. «Трансгуманизм – совокупность различных доктрин, ставящих своей главной целью достижение земного бессмертия, создание сверхчеловека.

Трансгуманизм – естественный этап развития науки, опирающейся исключительно на рационализм. Важнейшей основой трансгуманизма является теория эволюции. Трансгуманисты считают, что эволюция человека не закончена и будет продолжаться дальше. Более того, с помощью инструментария, предлагаемого наукой, трансгуманисты считают возможным полностью преодолеть само человечество.» [16]

Итак, главная цель трансгуманизма – достижение личного бессмертия человека и абсолютного здоровья. Фактически эта цель предполагает радикальное искусственное изменение природы человека. Какими же путями трансгуманисты рассчитывают достичь своих целей.

«Предлагается с помощью генной инженерии добиться выращивания человека с заданными генетическими свойствами. Обычно говорится, что это необходимо для преодоления наследственных болезней, обеспечения полного здоровья. Предполагается, что люди будут обладать иммунитетом к любым болезням, переносить любые температуры, радиацию, жить под водой, уметь летать.

Далее, должен осуществиться синтез человека и машины. Это предполагается осуществить путем внедрения в тело и мозг искусственных имплантантов и чипов, в результате чего получатся люди-киборги.

Однако этот путь биолого-технический не рассматривается в качестве главного.

Основные усилия направлены сейчас на использование при создании сверхчеловека информационных и нанотехнологий. Человеческая личность воспринимается представителями трансгуманизма исключительно как набор генной информации, закодированной в ДНК, плюс носитель сознания – мозг, который рассматривается как нейрокомпьютер.

Сознание в таком представлении – это определенный информационный набор, основанный на электронных импульсах головного мозга. Поэтому считается, что полностью скопировав такие импульсы, можно перенести их на другие, технические носители.

Перенос процесса сознания из биологического мозга в компьютер трансгуманисты называют «загрузкой сознания», «реконструкцией мозга» или просто «загрузкой». После того, как такой перенос будет осуществлен, сознание, с точки зрения трансгуманистов, будет

жить уже в виртуальной реальности, предоставляющей, как они полагают, безграничные возможности для самореализации человека.

Еще одним важным термином в трансгуманизме является «сингулярность». Это такой момент, когда, с точки зрения сторонников этой доктрины, произойдет качественный скачок от человека к сверхразуму, а прогресс постчеловечества начнет развиваться с необычайной быстротой.

В совокупности биологические (как вспомогательные) и информационно-технологические методы, по мнению трансгуманистов, позволяют достигнуть бессмертия. Так как конечная цель трансгуманистов – преодоление смерти, то обычно в качестве его ядра выделяют именно иммортализм – поиск вечной жизни.» [16]

Трансгуманисты уповают исключительно на научно-технический прогресс. В их арсенале, во-первых, уже имеющиеся научные достижения: искусственные органы, клонирование, протезирование, пластическая хирургия, экзоскелет, комплекс препаратов, подавляющих негативные переживания, нейрокомпьютерный интерфейс, нейропротезирование и другие.

Однако программа трансгуманистов предусматривает гораздо более радикальные технические средства, которые должна создать наука: долгосрочные и безвредные средства подавления страданий и увеличения счастья (например, более совершенные энтактогены и антидепрессанты), геновая инженерия человека, загрузка сознания (технология необходима для полного превращения человека в электромеханическое существо), экзокортекс (внешняя система обработки информации, которая поможет усилить интеллект или выступить нейропротезом для коры головного мозга), изолированный мозг (технология необходима для превращения человека в киборга с человеческим мозгом и электромеханическими прочими компонентами), крионика (восстановление после размораживания).

Речь идет о том, чтобы освободить сознание человека от зависимости от биологического тела и даже от мозга, как органа психики, о создании некоего киборга с искусственными легко сменяемыми частями «тела» и сменными носителями сознания.

Сама постановка такой задачи является неким интеллектуальным безумием, ведущим к фактическому самоуничтожению человека. Можно ли рассматривать подобную идеологию как новый шаг в развитии гуманизма? Очевидно, что нет. Эта крайне циничная форма современного научно-технического антигуманизма.

Практическая реализация программы трансгуманизма приведет к фактическому уничтожению современного человека и человечества.

«Представим себе, что планы трансгуманистов осуществляются. Что ждало бы человечество в результате их осуществления?

Те люди, которые принадлежат сейчас к элите, сосредоточили в своих руках большую часть финансовых средств человечества, стали бы бессмертной сверхрасой, перешедшей на новый уровень существования. Остальное человечество, то есть все, кто беден, не занимает соответствующей социальной ниши, станут, фактически, ненужным мусором под ногами этой элиты. Человечество отчетливо разделится на «сверхразумное» меньшинство и всех остальных.

По-сути, это не просто неофеодализм. Все предыдущие формы порабощения и подавления, даже Освенцим, были в любом случае отношениями между людьми. Ныне же мы стоим на пороге подавления людей не просто роботизированными сверхчеловеками, но и вообще теми, кто будет отрицать человечество как таковое.

В самом деле, человечество для современных трансгуманистов является отжившей примитивной формой. Соответственно, отжившими являются и все стороны современной социальной человеческой жизни.

В этом смысле активное насаждение гомосексуализма и лесбиянства, разрушение традиционной семьи – просто средство подготовки трансгуманистического будущего, где человеческое сознание на новом носителе сможет, как предполагают носители этого мировоззрения, превратить себя в виртуальной реальности в кого угодно.

Таким образом, человечество подошло к этапу, когда оно, опираясь на науку и технический прогресс, готово полностью отринуть.» [16]

Впрочем, трансгуманисты и не скрывают, что современный человек, с их т.зр. – несовершенная, подлежащая замене киборгом-постчеловеком форма. Один из современных деятелей трансгуманизма Р. Курцвейл, считает, что постчеловек будет создан уже к середине XXI века. Сами себя они рассматривают как переходную форма человека, т.е. как транслюдей. «Но трансчеловек – всего лишь шаг на пути к постчеловеку. На этапе трансчеловека происходит замена живых органов и частей тела электронными имплантатами, приветствуется бесполость и искусственное размножение, происходит симбиоз с искусственным разумом. Транслюди не обязательно должны быть наиболее ориентированными на будущее или самыми сведущими в технологии людьми, не обязаны осознавать свою «связующую роль в эволюции». Достаточно бездумно следовать моде, плыть по течению не сопротивляясь и становиться все в большей степени придатком телевизора, компьютера, мобильного, всевозможных гаджетов и прочих интерактивных ретрансляторов масс-культуры.» [4, С.133]

Трансгуманистическая идеология подвергается серьезной критике с самых разных позиций. Наиболее аргументированной и принципиальной является критика трансгуманизма с позиций православной религии. Прежде всего православная христианская критика отмечает противоположность трансгуманизма христианскому пониманию природы и предназначения человека. «Трансгуманизм пытается преодолеть смерть. Он пытается создать бессмертного сверхчеловека. Всё, что этому мешает, с точки зрения трансгуманистов, должно быть отвергнуто. И среди этого отвергаемого, конечно же, окажется православное христианство.

Ибо оно предлагает нам совершенно другое видение человека, нежели у трансгуманистов. Человек не есть просто набор генов, не есть совокупность электрических импульсов головного мозга.

Человек – это бессмертная личность, созданная по образу и подобию Божию. Сотворение человека не стало результатом эволюции животного мира. Оно было творческим актом Бога. Но призванный к райской жизни человек отпал от Бога в акте грехопадения. В результате он получил «ризы кожаные» — нынешние условия человеческого существования. Более того, именно результатом грехопадения стала физическая смерть. Смерть является даром Божиим людям, ибо она кладет предел укоренению человека во грехе. Если бы смерти не было, то люди бесконечно возрастали бы во зле, всё больше и больше сближаясь по своему состоянию с падшими ангелами – демонами.» [16]

Православная критика подчеркивает, что трансгуманизм, абсолютизируя дегуманистический идеал постчеловека отрицает высшие ценности, веру в Бога и самого Бога. «Трансгуманизм бросает вызов Богу. По сути, предполагается, что сверхлюди сами станут богами, а Творец и Создатель им будет не нужен. Да, трансгуманисты и не верят в Бога, они исходят из чисто рациональных построений.» [16]

Православная критика отдает отчет в реальной опасности трансгуманизма, поскольку видит растущие технические возможности реализации планов трансгуманистов. Главным противоядием против антигуманной идеологии трансгуманизма является, по мнению православной критики, православная религия. Главным субъектом, способным противостоять трансгуманизму, согласно православной критике, является православная церковь. «Только Церковь является тем пространством, в котором на земле уже открывается вечность, в котором Христос оживает нашу человеческую природу, в котором даруется нам подлинная вечная жизнь.

Если Россия будет со Христом – она может сдерживать глобалистский натиск.

Но сдерживать его будет очень трудно. Ибо нам постоянно будут говорить, что наши взгляды отжили, что они являются тормозом на пути человечества к продлению жизни, улучшению здоровья, развитию информационных возможностей человека. Существуют проблемы и внутри нашего собственного церковного сознания, ведь для многих

православных христиан прогресс, в том числе – развитие науки, являются принятой ими нормой.

Победит ли трансгуманизм? Можно предположить, что Господь не попустит надругательства над богозданной человеческой природой. Что-то должно остановить человечество на пути бесконечного прогресса, ведущего в бездну расчеловечивания.» [16]

Множество убедительных аргументов против трансгуманизма формулирует также современная философия. Во-первых, переход к постчеловеку приведет к постепенной утрате человеком своей видовой, сексуальной, социальной и духовной самоидентификации ещё до практического вмешательства в природу собственного тела. Во-вторых, попытка радикального улучшения природы человека связана с непредсказуемыми и крайне опасными побочными эффектами. В-третьих, в современном мире, где торжествует глобальное социальное неравенство, технологии совершенствования Человека, по крайней мере на начальном этапе, лишь усилят существующее неравноправие между людьми в социуме и нациями в мире, рождая новые, более жёсткие, чем до сих пор известные, формы такого неравенства.

В-четвертых, постчеловек трансгуманистов является несовершенным идеалом, поскольку речь идет лишь о его физическом совершенстве и возможностях манипулирования информацией. В нем совершенно нивелированы, уничтожены нравственные и духовные качества. Поэтому он вступает как некий духовный урод, который, имея возможность вечной жизни, не сможет ее реализовать, не имея смысла этой жизни. «Благодаря стараниям трансгуманистов вместо мира свободных и могущественных сверхчеловеков мы получим мир заурядных обывателей, которые будут регулярно увеличивать пропускную способность своих интерфейсов и искренне считать это прогрессом. Под опекой несокрушимого технобога они будут жить долго и счастливо без преступлений, без революций, без великих свершений и ужасных потерь. Возможно они даже будут жить вечно, путешествуя по безграничным электронным сетям, но тогда не сбудется предсказание Фридриха Ницше, ведь такие «последние люди» не смогут даже моргать, не говоря уже обо всем прочем.» [15]

Многие исследователи отмечают противоположность гуманизма и трансгуманизма. «Ничего трудного в квалификации соотношения гуманизма и трансгуманизма нет. Последний есть отрицание первого, о чем достаточно недвусмысленно заявляют его адепты, о чем говорит само название этого направления: транс = после, сквозь, через. Это не фаза, и не сдвиг гуманитарной парадигмы, а если считать сдвигом, то к краху... Трансгуманизм благословляет поглощение человека процессами дальнейшего технологического развития, его превращение в материал прогресса.» [7, С.10]

Кутырев справедливо утверждает, что «...идеи информационной и биотрансгуманистической де(ре)конструкции человека — это его теоретический геноцид, форма самоубийства. Гуманизм или трансгуманизм, антропология или гуманология, онтология или грамματοлогия, бытие или ничто — выбирать надо что-то одно.» [8, С.80]

Существуют и противоположные позиции, которые соглашаются с тем, что трансгуманизм – это прогрессивная современная форма гуманизма, за которой будущее. «Существующие мировоззрения и производные от них идеологии исходят из того или иного эссенциалистского понимания человека. Тупиковость эссенциализма как метафизического основания мировоззрения новой постиндустриальной, информационной эпохи многим уже очевидна.

Трансгуманизм разделяет неизбежный пафос гуманизма, но в то же время уже явно не укладывается в метафизический эссенциалистский контекст. Контуры нового трансгуманистического мировоззрения и новой трансгуманистической парадигмы в человекознании еще расплывчаты и неопределенны. Но, скорее всего, именно трансгуманизм окажется мировоззрением, наиболее созвучным новой (неметафизической, неэссенциалистской) идее человека, наиболее созвучным новой эпохе, контуры которой еще только прорисовываются.» [5]

Вряд ли, однако, возможно согласовать с действительным гуманизмом идеологию

трансгуманизма, которая за внешне привлекательной идеей бессмертия и совершенства человеческого тела скрывает фактическое самоуничтожение духовности и личности, единства души и тела, всех фундаментальных ценностей и принципов действительного гуманизма.

Анализ современного кризиса гуманизма приводит нас к естественному вопросу о его судьбе: сохранится ли гуманизм или человечество откажется от этого идеала? Произойдет ли радикальная дегуманизация общества, описанная в анти-утопиях XX века, особенно в произведениях О. Хаксли, Е. Замятина, Дж. Оруэлла и других?

Очевидно, что такая опасность велика и реальна. Силы антигуманизма велики и организованы. Однако, им противостоят силы гуманизма: гуманистическая религия православия, гуманистическая философия, гуманистические общественные и политические движения. Гуманизм выражает интересы и идеалы основной массы трудящегося населения планеты и всего человечества.

Он победит, но в жесткой и непростой борьбе. Родится новая форма гуманизма. Его рождение предполагает окончательное уничтожение капитализма в мировом масштабе и построение глобального коммунистического общества. Нам предстоит громадная борьба, точнее целая эпоха борьбы за утверждение новой формы гуманизма, в котором сохранится его основная сущность и все достижения предшествующих форм гуманизма. В связи с этим остаются актуальными слова Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день идет за них на бой.»

При этом нужно помнить, что «Итак, никто и ничто *не гарантирует* нам гуманистического будущего. Пути и возможности сил зла или мировых катаклизмов до конца неисповедимы, хотя гуманистический прогноз в целом оптимистичен, наполнен мужеством и верой в прогресс, в торжество разума, добра и справедливости. Наконец, сам гуманизм как динамическое мировоззрение, основанное на науке, здравом смысле и общечеловеческих принципах жизни может пересмотреть свои основы в свете новых открытий и вызовов человеку. Конечно же, бесчеловечность никогда не станет предпочтительней человечности. И однако этот пересмотр может оказаться столь радикальным, что на месте гуманизма в его нынешнем виде возникнет какое-то иное учение о человеке и принципах его отношений к самому себе, к другим, обществу и природе.» [2]

Несмотря на многочисленные проявления современного кризиса гуманизма, на появление многочисленных версий современного антигуманизма, идея гуманизма жива и должна победить, но победа возможна лишь в борьбе с силами антигуманизма. «Кризис общества, как кризис ценностей возникает тогда, когда ограничивается созидательная возможность культуры, но кризис будет также консолидацией новых культурных ориентиров и идеалов, специфичных для новой культурной суперсистемы.» [1]

В том, что идея гуманизма жива и сегодня и она дает надежду основной массе современного человечества убеждают нас факты. Отрицание идеи гуманизма и необходимости борьбы за гуманизацию современного общества «...плохо согласуется с тем, что реально происходит в современном мире. Разве существующие в нём разного рода общественные движения, отстаивающие демократические порядки и права человека, выступающие против загрязнения окружающей среды, борющиеся с бедностью и социальной несправедливостью, не преисполнены гуманистического смысла и содержания? Разве они не порождены потребностью людей в подлинно человеческих условиях жизни, то есть в том, что принято называть «очеловечиванием» (гуманизацией) мира?» [10]

Идея гуманизма, очевидно, будет жива, пока существует человечество, являясь идеалом всемирной истории. «Мир без войн и насилия, без эксплуатации и отчуждения, без разделения людей на господ и рабов, богатых и бедных, расово полноценных и неполноценных, очевидно, более гуманен, чем тот, в котором все это сохраняется в том или ином виде. С этой точки зрения, гуманизм — это постоянно стоящая перед человечеством задача, которую оно решает в каждый данный момент своего существования,

никогда не достигая окончательного результата. Иными словами, он оправдан в качестве цели человеческой истории, а не как уже когда-то и кем-то достигнутое общественное состояние, заключённое в определённую историческую дату.» [10]

Важно подчеркнуть, рассуждая о перспективах гуманизма в современном мире, что новый гуманизм, будучи по содержанию общечеловеческим, должен оставаться самобытным по цивилизационной форме. «В эпоху глобализации, активной экспансии западной культуры особую остроту приобретает проблема социокультурной идентичности самобытных цивилизаций. Сохранение социокультурной идентичности самобытных цивилизаций выступает в ситуации западной цивилизационной, унификаторской экспансии одним из ключевых факторов сохранения самих этих цивилизаций как самостоятельных субъектов современной истории.» [11, С.352] Новый гуманизм не должен вести к глобализаторской унификации культур.

Специфической в контексте современных трансформаций гуманизма является ситуация в современной России. «В современных условиях российских реформ наблюдается не только упадок в экономической, социально-политической и духовной сферах, но и нравственная деградация личности.» [13, С.30]

Вместе с тем, российская цивилизация на уровне архетипов сохраняет высочайший гуманистический потенциал, составляющий сущность русской души, российской духовности. «Духовность всегда составляла отличительную особенность российского народа. Приоритет духовных ценностей над материальными, гуманизм, нравственность всегда были фундаментальными основами организации российской цивилизации. Русский дух гуманизма, человеколюбия глубоко гуманистический сохранился не только в православии, он жив в народе. Лишь развращенная сверхбогатством ничтожная часть народа – новые русские, утратила фундаментальную гуманистическую русскую духовность.» [12, С.188]

Итак, кризис классического гуманизма является лишь переходным этапом к рождению нового современного гуманизма XXI века, в котором будет сохранено и расширено все содержание предшествующих форм гуманизма, и, главное, его сущность.

Литература

1. Анисимова, О.С. Кризис ценностей в культуре постсоветского общества [Текст] / О.С. Анисимова, А.Ф. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 6. - С. 901.
2. Борзенко, И.М. Основы современного гуманизма [Электронный ресурс] / И.М. Борзенко, В.А. Кувакин, А.А. Кудишина. – М., 2002. – Режим доступа: <http://nkozlov.ru/library/s132/d3959/#.WUsxJ59SA7A>
3. Гинзбург, В.Л. Гуманистический манифест [Электронный ресурс] / В.Л. Гинзбург, В.А. Кувакин. - 2000. - URL: <http://www.humanism.ru/documents/79-modern.html>
4. Гонсалес, А.Р. Бессмертие: как его достичь и избежать [Текст] / А.Р. Гонсалес. – СПб., 2006.
5. Демин, И.В. Гуманизм и трансгуманизм: проблема соотношения [Электронный ресурс] / И.В. Демин. - URL: <http://ecologyofthinking.ru/slayder-na-glavnoy/5108.html>
6. Куртц, П. Гуманистический манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму [Электронный ресурс] / П. Куртц. - URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473>
7. Кутырев, В.А. Как и куда сдвигается гуманитарная парадигма? [Текст] / В.А. Кутырев // Философия и культура. - 2010.
8. Кутырев, В.А. Философия трансгуманизма [Текст] / В.А. Кутырев. - Н. Новгород : НГУ, 2010.
9. Лихина, Н.Е. Актуальные проблемы современной русской литературы. Постмодернизм [Электронный ресурс] : учеб. пособ. / Н.Е. Лихина ; Калинингр. ун-т. -

Калининград, 1997. - 59 с. - URL: http://www.uamconsult.com/book_826_chapter_5_§2_Problema_cheloveka_v_literature_postmodernizma.html

10.Межуев, В.М. Гуманизм и современная цивилизация [Электронный ресурс] / В.М. Межуев. - URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5868>

11.Поломошнов, А.Ф. Национальный характер и социокультурная идентичность [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Н.Н. Анисимова // The modern world: experience, problems and prospects materials of the II international research and practice conference. - Scientific public organization «Professional science», 2016. - С. 352-359.

12.Поломошнов, А.Ф. Жизнеспособность российской цивилизации на рубеже тысячелетий [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Л.В. Мельникова ; под общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – Персиановский : Донской ГАУ, 2015. – 199 с.

13.Поломошнов А.Ф. Кризис культурной идентичности российской цивилизации на рубеже XX-XXI веков [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Л.В. Мельникова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. - № 4. – С.30-34.

14.Сакирко, Е.А. Идеи постгуманизма и трансгуманизма [Электронный ресурс]. - URL:<http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html>

15.Трансгуманизм и христианство [Электронный ресурс]. - URL: <https://tannarh.wordpress.com/2011/07/26/трансгуманизм-и-христианство/>

16.Уткин, В. Вызов трансгуманизма: бесконечный прогресс ведущий в бездны расчеловечивания [Электронный ресурс] / В. Уткин. - URL: <http://orthoview.ru/vyzov-transgumanizma-beskonechnyj-progress-vedushhij-v-bezdny-raschelovechivaniya/>

References

1.Anisimova, O.S. Krizis tsennostey v kul'ture postsovetskogo obshchestva [The crisis of values in the culture of the post-Soviet society] /O.S.Anisimova, A.F. Polomoshnov //Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2013. - № 6. - S. 901.

2.Borzenko I.M., Kuvakin V.A., Kudishina A.A. Osnovy sovremennogo gumanizma. [Fundamentals of modern humanism] – М.,2002. URL: <http://nkozlov.ru/library/s132/d3959/#.WU5xJ59SA7A>

3.Ginzburg V.L., Kuvakin V.A. Gumanisticheskiy manifest 2000. [Humanistic Manifesto 2000] URL: <http://www.humanism.ru/documents/79-modern.html>

4.Gonsales A.R. Bessmertie: kak ego dostich' i izbezhat'. [Immortality: how to achieve it and avoid it] – SPb., 2006.

5.Demin I.V. Gumanizm i transgumanizm: problema sootnosheniya. [Humanism and transhumanism: the problem of correlation] URL: <http://ecologyofthinking.ru/slyayder-na-glavnoy/5108.html>

6.Kurtts P. Gumanisticheskiy manifest 2000. Prizyv k novomu planetarnomu gumanizmu. [Humanistic Manifesto 2000] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473>

7.Kutyrev V.A. Kak i kuda sdvigaetsya gumanitarnaya paradigma? [How and where is the humanitarian paradigm shifting?] // Filosofiya i kul'tura. - 2010.

8.Kutyrev V.A. Filosofiya transgumanizma. [Philosophy of transhumanism] - N. Novgorod: NGU, 2010.

9.Likhina N.E. Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy literatury. Postmodernizm: Ucheb. posob. [Actual problems of modern Russian literature. Postmodernism: tutorial] / Kaliningr. un-t. - Калининград, 1997. - 59 с. URL: http://www.uamconsult.com/book_826_chapter_5_§2_Problema_cheloveka_v_literature_postmodernizma.html

10.Mezhuev V.M. Gumanizm i sovremennaya tsivilizatsiya. [Humanism and modern civilization] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5868>

11.Polomoshnov A.F. Natsional'nyy kharakter i sotsiokul'turnaya identichnost' [National character and sociocultural identity] / A.F. Polomoshnov, N.N. Anisimova //The modern world: experience, problems and prospects materials of the II international research and practice conference. - Scientific public organization «Professional science», 2016. - S. 352-359.

12.Polomoshnov A.F., Mel'nikova L.V. Zhiznesposobnost' rossiyskoy tsivilizatsii na rubezhe tysyacheletiy [Viability of Russian civilization at the turn of the millennium] /A.F. Polomoshnov, L.V. Mel'nikova; pod obshch. red. A.F. Polomoshnova. - pos. Persianovskiy: Izd-vo Donskogo GAU, 2015. – 199 s.

13.Polomoshnov A.F., Mel'nikova L.V. Krizis kul'turnoy identichnosti rossiyskoy tsivilizatsii na rubezhe XX-XXI vekov [The crisis of the cultural identity of Russian civilization at the turn of the 20th and 21st centuries] //Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. – 2012. - № 4. – S.30-34.

14.Sakirko E.A. Idei postgumanizma i transgumanizma. [The ideas of posthumanism and transhumanism] URL:<http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html>

15.Transgumanizm i khristianstvo. [Transhumanism and Christianity] URL: <https://tannarh.wordpress.com/2011/07/26/transgumanizm-i-khristianstvo/>

16.Utkin V. Vyzov transgumanizma: beskonechnyy progress vedushchiy v bezdny raschelovechivaniya. [The challenge of transhumanism: endless progress leading to the abyss of humanization] URL: <http://orthoview.ru/vyzov-transgumanizma-beskonechnyj-progress-vedushhiy-v-bezdny-raschelovechivaniya/>

Поломошнов Платон Андреевич – к.ф.н., доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета.

УДК 130.2:82.

ИСКУССТВО КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ

Морозова Э., Пойда Е.Е.

В статье авторы предприняли попытку внести ясность в определение понятие «символ» как специфической формы культуры. Символ - один из важнейших факторов, направленных на поддержание и обеспечение прогресса общества и способных регулировать процесс диалога культур. Символ – не просто онтологическая данность, это универсальный способ художественного познания.

Главная особенность символизма в искусстве, отличающая его от других – ведущая роль символов, как характерных форм, соединяющих в своем содержании абстрактно-метафизические и изобразительные, художественно-эстетические компоненты.

Ключевые слова: символ, символизм, искусство, диалог культур, философия

ART AS A SYMBOLIC FORM OF CULTURE

Morozova E., Poyda E.E.

In the article, the authors attempted to clarify the definition of the term «symbol» as a specific form of culture. A symbol is one of the most important factors aimed at maintaining and ensuring the progress of society and capable of regulating the process of dialogue of cultures. A symbol is not just an ontological given, it is a universal way of artistic cognition.

The main feature of symbolism in art, which distinguishes it from others, is the leading role of symbols as characteristic forms, which combine abstract-metaphysical and pictorial, artistic-aesthetic components in their content.

Keywords: Symbol, sign, world view, myth, religion, philosophy.

Человечество за всю историю своего существования, породило великое множество различных культур. Чтобы научиться понимать хотя бы одну из них, нужно уметь улавливать смысл ее знаков и текстов. На наш взгляд, из всех знаковых средств, более интересен символ, т.к. он передает не прямой смысл, понять который зачастую бывает непросто. Для того, чтобы понять, какую роль играет символ в науке, культуре и религии, нужно определить, что же представляет из себя это понятие, какое значение имеет в жизни человека.

В Новейшем философском словаре дается определение символа, как понятия «в широком смысле, фиксирующего способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальные содержания отличные от их непосредственного чувственного бытия». А так же понятие знака, как «материального, воспринимаемого предмета (события, действия или явления), выступающего в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования».[4] Здесь становится очевидным, что символ преподносится как понятие с более глубоким смыслом. Символ это такое выражение культуры, через которое возможно раскрытие глубинного подсознательного смысла, что и отличает понятие «символ» от «знака» и многих других понятий.

Во все времена человечество проявляло интерес к символике. С древних времен человек пользовался различного рода изображениями для передачи и сохранения информации, а так же для проведения религиозных обрядов. Эти изображения являлись знаковыми и символическими кодами. Современный человек, несмотря на научно-технический прогресс, всевозможные достижения в области науки и техники, также испытывает потребность в обращении к символам, помогающим воссоздать целостность бытия.

Актуальность предложенной статьи обусловлена тем, что одним из важнейших факторов, направленных на поддержание и обеспечение прогресса общества и способных регулировать процесс диалога культур является символ, способный вскрыть на разных уровнях скрытые, глубинные особенности видения и понимания мира, присущего разным носителям культур.

Известный французский философ, этнолог, культуролог Леви-Стросс, проводя полевые исследования в Центральной Бразилии среди племен, в которых можно увидеть теснейшую связь человека с природой, когда обозначающее еще не вполне оторвалось от обозначаемого, сделал вывод, что табу на инцест оказалось той границей, за которой природа перешла в культуру.[1]

Но, невозможно провести такую четкую границу между природой и культурой. Так, "австрийский биолог К. Лоренц, немецкий этнолог Бишоф доказали, что такое же табу существует у серых гусей, и что такая поведенческая модель обусловлена, по всей вероятности, гормональными процессами.

Знаки и символы, писал Э. Кассирер, «принадлежат двум различным дискурсивным вселенным: сигнал есть часть физического мира бытия, символ же представляет собой часть человеческого мира значения. Сигналы суть «операторы», символы —«десигнаторы»... Символ не только универсален, но и предельно изменчив... Знак или сигнал соотносятся с вещью, к которой они отсылают, фиксированным, единственным путем.»[1]

Итак, символ - одно из самых многозначных понятий в культуре. Изначальный смысл этого слова — удостоверение личности, которым служил *symbolon* — половинка черепка, бывшая гостевой табличкой. Слово «символ» (от греч.*Symbolon* - «знак, примета») — это предмет, знак, явление, которые имеют какой-то смысл, отличный от их собственного содержания. Значение символов указывает на значимость, ценность явлений, как для отдельного человека (индивидуальные символы), так и для групп людей(малых и больших), разных народов, государств, человечества в целом.

Изображение креста - как одного из важнейших символов, представленного в разных культурах, река Дон, которая может восприниматься не просто как одна из рек, но и как символ казачьего края. Символические знаки исторического достоинства государств - это гербы, гимны, государственные флаги и т.д. Дерево жизни (символ используется разных картинах мира – в религии, философии, мифологии) служит символом происхождения всего живого.

Термин «Символ» этимологически связан с греческим глаголом «соединяю, сталкиваю, сравниваю». В древней Греции слово «символ» обозначало любой вещественный знак, имеющий условное тайное значение для какой-либо группы лиц. Символы так же считались знаками отличия государственных и религиозных объединений. После возникновения христианства многие тайные религиозные общества, стали называть символами свои знаки-пароли, по которым единомышленники могли узнать друг друга. Ввиду многозначности самого термина «Символ» его часто отождествляли со «знаком», «олицетворением», «аллегорией», «метафорой», «эмблемой», что делает необходимым отделить понятие Символ от других категорий. Символ предполагает равновесие идеи и образа, что не является персонификацией или схематическим олицетворением отвлеченного понятия.

В похожем смысле термин «символ» используется и в наши дни. Во многих науках, таких как математика, логика и др. символ означает то же самое, что и условный знак. Такое обширное использование слова «символ» вызывает определенное затруднение, когда дело доходит до общего определения, и понятия того, чем же он отличается от других знаков. Лучше всего к пониманию специфики символа стоит трактовка художественных символов.

Жизнь человека изо дня в день наполнена разнообразными символами и знаками, которые очень влияют на его поведение, что-то разрешая или запрещая, олицетворяя и наполняя смыслом.

Все современные исследователи, которые серьезно занимаются расшифровкой символов, утверждают, что символ невозможно понять буквально, его недостаточно исследовать обычным рациональным способом. Символ никогда не раскрывает перед человеком всего своего содержания, открывая в зависимости от ситуации ту часть, которая для него актуальна, которую он в состоянии понять, поскольку она созвучна с происходящим в его душе, его духовным миром, поисками и стремлениями.

Когда тайное значение символа открыто, он начинает умирать, пишет в книге «Психологические типы» К.Г. Юнг: «Пока символ сохраняет жизненность, он является выражением предмета, который иначе не может быть обозначен. Символ сохраняет жизненность только до рождения смысла. Но как только его смысл родился из него, т.е. как только найдено выражение, формулирующее искомый, ожидаемый или чаемый предмет еще лучше... символ мертв...»[6]

В отечественной науке А.Ф. Лосеву принадлежит заслуга разработки теории символа в общекультурном аспекте, в частности, в работе «Диалектика мифа» (1930), признавая в символе неразделимость идеального и вещественного, Лосев обратил внимание на относительность понятия символа в зависимости от языкового, художественного или культурного контекста: «Данная выразительная форма есть символ всегда только в отношении чего-нибудь другого» «одна и та же выразительная форма, смотря по способу соотношения с другими смысловыми выразительными или вещественными формами, может быть и символом, и схемой, и аллегорией одновременно». Для Лосева характерно признание универсального значения символических форм, что позволило ему проводить прямые аналогии между символом и мифом.[2]

Понятие символа характеризуется не только многозначностью и богатым содержанием, а так же, сильной взаимной реакцией при встрече с человеком, выступая порой в роли учителя или наставника, при условии, если человек неравнодушен и нуждается в этом.

Значение символа в культуре, а особенно в искусстве, просматривается, как нельзя лучше. Особенно в его высоких достижениях грань между образом и символом трудноопределима. Это культурологическая парадигма, проявляющаяся в многообразии

разнообразных религиозно-философских и художественно - эстетических форм во все времена и во всех развитых культурах.

Символ обращен не столько к разуму, сколько к чувствам человека, зачастую порождая сложные ассоциации и аллегории. На латыни он и означает - иносказание.

Встречается термин символ у Цицерона в трактате «Оратор», у Данте в «Божественной комедии», в «Генеалогии богов» Боккаччо. Английский философ Фрэнсис Бэкон в «Мудрости древних» видит в них последствия разрушения древних мифов. Некогда царствовал Посейдон, могущественное божество морей, и люди верили в его реальность, теперь же он олицетворяет водные стихии. Такое превращение произошло со всеми божествами и героями. Более того, древние легенды стали рассматриваться как собрания всевозможных аллегорий.[5]

Впервые исследовал значение аллегорий для изобразительного искусства Иоганн Иоахим Винкельман, видный теоретик XVIII века. Он разделяет их на два типа: «возвышенный» и «простой». Возвышенный тип относится к образам, ведущим происхождение от древнегреческих мифов, простой - к обозначению явлений современности, то есть знания, истина, пороки или добродетели. Винкельман считал, что аллегории — своеобразный дописьменный язык, определённый способ мифологического мышления. Так как он настаивал на необходимости возрождения античности как основы хорошего вкуса, а именно классицизма, то видел в аллегории основу этого стиля. Идеи Винкельмана были высоко оценены Гёте и Гердером, оказали значительное влияние на представителей немецкого романтизма (Гельдерлин, Шлегель, Шиллер, Шеллинг и др.), а также на эстетическую концепцию Гегеля.

Романтизм, выступивший с критикой классицизма, скептически отнёсся к царству аллегорических образов. Больше внимания стало уделяться такому явлению, как символ. Понятие это не менее древнее, чем аллегория, происходит от греческого слова, обозначающего соединение, слияние, связь частей. Впервые оно стало употребляться в философии пифагорейцев как понятие пути познания. В дальнейшем символ указывал на образы, недоступные непосредственным наблюдениям, стихии потусторонних сил, законы космической гармонии. Гёте стал резко разграничивать аллегории и символы. Он считал, что когда поэт или художник показывает в частном всеобщее, - то это символ, а когда во всеобщем частное - аллегория. Романтики развили идеи Гёте. По их мнению, символ более органичная форма выражения представлений о высших явлениях, чем аллегория. Это духовный мост к непознаваемому. Аллегория им кажется слишком рациональной, имеющей одно значение; символ же показывает многообразие связей между тем, что доступно наблюдению, и тем, что относится к области чувств, идей и верований.[5]

После эпохи романтизма символ становится всё более употребительным. Достаточно сказать о таком художественном течении, как символизм, который появился во Франции в конце девятнадцатого века. Наибольшее развитие это направление получило в 19-ом - 20-ом веках (Россия, Франция).

Появление символизма было реакцией на кризис религии. «Бог умер», – провозгласил Ф.Ницше, выразив тем самым общее для порубежной эпохи ощущение исчерпанности традиционного вероучения.

Символисты смогли радикально изменить искусство и само отношение к нему, используя в своем творчестве загадочность, таинственность, недосказанность.

Главная особенность символизма в искусстве, отличающая его от других – ведущая роль символов, как характерных форм, соединяющих в своем содержании абстрактно-метафизические и изобразительные, художественно-эстетические компоненты. Символ – не просто онтологическая данность, это универсальный способ художественного познания.

Символизм искусства (в основном живописи и графики) крайне разнолик, лишён единой эстетической программы и стилистического единства. Символизм был тесно связан и с эсхатологическими предчувствиями, овладевшими человеком порубежной эпохи. Ожидание «конца света», «заката Европы», гибели цивилизации обостряло метафизические

настроения, заставляло дух торжествовать над материей.

В художественном символе с наибольшей полнотой реализуется тот процесс, который в свое время крупнейший русский философ Николай Лосский определил как «эстетическое созерцание», то есть осмыслил его применительно к любому эстетическому объекту. «Эстетическое созерцание требует такого углубления в предмет, при котором хотя бы в виде намеков открывается связь его с целым миром и особенно с бесконечною полнотою и свободою Царства Божия; само собою разумеется, и созерцающий субъект, отбросивший всякую конечную заинтересованность, восходит в это царство свободы: эстетическое созерцание есть предвосхищение жизни в Царстве Божием, в котором осуществляется бескорыстный интерес к чужому бытию, не меньший, чем к собственному, и, следовательно, достигается бесконечное расширение жизни. Отсюда понятно, что эстетическое созерцание дает человеку чувство счастья».[3]

Символ как глубинное завершение/совершенство образа, его сущностное художественно-эстетическое «содержание» свидетельствует о высокой значимости произведения, большом таланте или даже гениальности создавшего его мастера.

Литература

- 1.Багдасарьян, Н.Г. Культурология. [Текст] / Н.Г. Багдасарьян, А.В. Литвинцева, И.Е. Чучайкина. – М. : Высшая школа, 2007 – 709с.
- 2.Лосев, А.Ф. Диалектика мифа [Электронный ресурс] / А.Ф. Лосев. - М., 1930. - URL: <https://azbyka.ru/dialektika-mifa>
- 3.Лосский, Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики [Текст] / Н.О. Лосский. - М., 1998. - С. 109
- 4.Новейший философский словарь [Текст] / сост. А.А. Грицанов. — Мн. : Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896 с.
- 5.Религиозные аспекты Культуры [Электронный ресурс]. - URL: <http://grani.agniage.net/index.htm?article=5726>
- 6.Тукаева, Р.А. О символах в искусстве [Электронный ресурс] / Р.А. Тукаева. - URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/filos1.html>
- 7.Юнг Карл Густав Психологические типы [Электронный ресурс] / Карл Густав Юнг. - СПб., 2001. - URL: <http://lib.ru/PSIHO/JUNG/psytypes.txt>

References

- 1.Bagdasar'jan N.G. Kul'turologija. [Culturology] / N.G. Bagdasar'jan, A.V. Litvinceva, I.E. Chuchajkina. – М.: Vysshaja shkola, 2007 – 709s.
- 2.Losev A.F. Dialektika mifa. [Dialectics of myth] - М., 1930. URL: <https://azbyka.ru/dialektika-mifa>
- 3.Loskij N.O. Mir kak osushhestvlenie krasoty. Osnovy jestetiki. [The world as the realization of beauty. Fundamentals of aesthetics] М., 1998. - S. 109
- 4.Novejshij filosofskij slovar' [The newest philosophical dictionary] / Sost. A.A. Gricanov. — Мн.: Izd. V.M. Skakun, 1998. - 896 s.
- 5.Religioznye aspekty Kul'tury. [Religious aspects of Culture] URL: <http://grani.agniage.net/index.htm?article=5726>
- 6.Tukaeva R.A. O simvolah v iskusstve. [About the symbols in art] URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/filos1.html>
- 7.Jung Karl Gustav. Psihologicheskie tipy. [Psychological types] - SPb., 2001/ URL: <http://lib.ru/PSIHO/JUNG/psytypes.txt>

Пойда Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры философии и истории Донского государственного аграрного университета.

Морозова Э. – студентка Донского государственного аграрного университета.

КРИЗИС И СУДЬБА ГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Поломошнов А.Ф.

В статье анализируется сущность и статус гуманизма в современном мире. Гуманизм выступает в различных формах: как философское направление, как мировоззрение и как идеология. Причем, это развивающаяся и меняющая свои исторические формы идея, которая составляет ядро определенных философских концепций, мировоззренческих и идеологических систем. Общая сущность идеи гуманизма состоит в утверждении высшей ценности человека и возможности его свободного и всестороннего развития.

Автор рассматривает развитие идеи гуманизма в истории европейской культуры, а также кризис гуманизма в XX веке. Кризис классического гуманизма является лишь переходным этапом к рождению нового современного гуманизма XXI века, в котором будет сохранено и расширено все содержание предшествующих форм гуманизма.

Ключевые слова: гуманизм, постгуманизм, дегуманизация, кризис гуманизма, личность, права человека.

CRISIS AND THE FATE OF HUMANISM IN THE CONTEMPORARY WORLD

Polomoshnov A.F.

The article analyzes the essence and status of humanism in the modern world. Humanism appears in various forms: as a philosophical trend, as a worldview and as an ideology. Moreover, it is an evolving idea that is changing its historical forms, which forms the core of certain philosophical concepts, worldview and ideological systems. The general essence of the idea of humanism is to affirm the supreme value of man and the possibility of his free and all-round development.

The author considers the development of the idea of humanism in the history of European culture, as well as the crisis of humanism in the twentieth century. The crisis of classical humanism is only a transitional stage to the birth of a new modern humanism of the XXI century, in which the whole content of the preceding forms of humanism will be preserved and expanded.

Keywords: humanism, posthumanism, dehumanization, humanism crisis, personality, human rights.

Идея гуманизма является столь же древней, как и сам человек, но и столь же проблематической и многозначной как человек. Существует огромное количество определений гуманизма, начиная от обыденных, житейских и заканчивая научными. Чтобы разобраться в сущности гуманизма, проанализируем некоторые типичные определения. В житейском обыденном смысле гуманизмом называют добрые отношения между людьми. Однако, данный признак не является главной сущностью гуманизма. «То, что обычно называют гуманным отношением к людям — все то хорошее и доброе, что мы желаем или делаем для них — не исчерпывает смысла гуманизма как определённой философской концепции человека, отвечающей на вопрос, что значит быть человеком, в чём состоит подлинная человечность.»[4]

В истории философии гуманизм обычно связывают с эпохой Возрождения. «Гуманизмом называют мировоззрение, в центре которого — человеческая личность, понятая как особого рода реальность, заключающая в самой себе причину собственного существования. В противоположность космоцентризму Античности и теоцентризму Средневековья гуманизм утверждал антропоцентристскую картину мира, в которой человек заполняет собой все пространство между природой и Богом, землей и небом, представляя тем

самым не как сочетание двух разнородных субстанций — природной и божественной, телесной и духовной («полузверь, полуангел»), а как особая субстанция, не сводимая к двум первым. В этом, собственно, и состояло открытие гуманизма, получившее название «открытия человека.» [4]

В более широком толковании гуманизм рассматривается как некий общий принцип социальной организации, определяющий приоритет свободного и всестороннего развития личности, выработанный западной цивилизацией и в наиболее полной форме в ней реализованный. «Гуманизм – это общепризнанный философский, методологический принцип, лежащий в основе бытия современной индустриально-технологической цивилизации, образно называемой «Западом». Как известно, общепризнанного определения понятия «гуманизм» не существует. Обычно под гуманизмом понимают стремление к человечности, к созданию условий для максимального развития способностей человеческой личности, для достойной человека жизни.

В реальной жизни принципы гуманизма формулируются в трех основных категориях: 1) общечеловеческие ценности; 2) права человека; 3) идеал всемерно развитой, гармоничной личности.» [8, С.223]

Действительно широкие права и свободы человека являются одной из доминирующих ценностей современной Западной цивилизации. Другой важной стороной современного западного гуманизма является утверждение все большей свободы и автономии личности. «Чаще всего под гуманизмом понимают комплекс идей, связанных с признанием человека высшей ценностью, с защитой его фундаментальных прав и свобод, утверждением его творческого и созидательного предназначения в мире... Характерной чертой западноевропейского гуманизма является освоение и отстаивание все больших и больших человеческих возможностей, все большей и большей свободы человека перед лицом природы, богов и государства.» [1]

Многие исследователи гуманизма склоняются к признанию западного гуманизма высшей формой общечеловеческого гуманизма, не замечая его противоречий и очевидного расхождения декларируемых им идеалов с действительностью, не замечая очевидного кризиса классического западного гуманизма и трансформации его в весьма сомнительные формы.

В связи с этим сомнительным выглядит заявление Шороховой С.П. о том, что «Именно гуманизм сегодня считается самой передовой идеологией, признаком цивилизованности того или иного народа. Принципы гуманизма пропагандируются как самые передовые и прогрессивные, используются в качестве политического инструмента воздействия на другие государства и народы при решении разнообразных, в том числе экономических, социальных, политических вопросов в области международных отношений и в координации внутренней политики различных государств.» [8, С.223] Это утверждение звучит по меньшей мере спорно, если под гуманизмом понимать его классическую западную версию.

Если мы хотим выделить существенные признаки гуманизма, вначале мы должны установить его статус. И.В. Демин следующим образом ставит эту проблему: «К какому же типу духовных явлений следует отнести гуманизм и трансгуманизм? Что мы обозначаем этими терминами? Тип мировоззрения? Идеологию? Направление в философии? Общественное движение? Последний вариант, впрочем, с самого начала следует исключить из рассмотрения. Гуманизм и трансгуманизм фигурируют и могут фигурировать как общественные движения, но в этом качестве они представляют интерес не столько для философии, сколько для истории, политологии и социологии.» [2]

Гуманизм выступает в различных формах и как философское направление и как мировоззрение и как идеология. Причем, это развивающаяся и меняющая свои исторические формы идея, которая составляет ядро определенных философских концепций, мировоззренческих и идеологических систем. Для понимания сущности гуманизма необходимо, во-первых, выделить его общие, главные признаки, во-вторых, рассмотреть

развитие идеи гуманизма во всемирной истории. Общая сущность идеи гуманизма состоит в утверждении высшей ценности человека и возможности его свободного и всестороннего развития. Однако, в реальной истории человечества эта идея реализовывалась в различных, исторически конкретных и ограниченных условиях и возможностями общественного и личностного развития форм.

Проследим кратко историю развития гуманизма в ходе прогресса всемирной истории человечества. Каждая цивилизация в истории человечества создавала и развивала на протяжении своей истории свою самобытную версию гуманистического мировоззрения. Мы остановимся в основном на истории европейского гуманизма, поскольку именно эта версия гуманизма стала доминирующей в современном мире.

Рождение европейского гуманизма произошло в Античной, древнегреческой цивилизации, создавшей идеал гармонически развитой личности, в которой здоровый дух сочетался со здоровым делом, в которой сформированы высокие нравственные качества, в которой достигнута гармония разума и чувств. Наиболее полный портрет всесторонне развитой личности дал Аристотель в форме описания списка добродетелей личности, которые он делил на добродетели ума и добродетели характера.

Однако, античный гуманизм был весьма ограниченным, поскольку его прекрасный идеал распространялся лишь на небольшую часть общества – свободных людей и сочетался с оправданием рабства, со взглядом на рабов, как на вещи. Кроме того, гармонически развитая личность рассматривалась как самоцель в отрыве от ее отношений с обществом.

Следующим шагом в развитии идеи гуманизма стал средневековый религиозный гуманизм, который носил противоречивый характер. С одной стороны, он понижал статус человека, рассматривая его как творение Божье, как раба Божьего, призванного исполнять божественные предписания и подчиняться церковным установлениям. Религиозный гуманизм Средневековья обесценивал земную жизнь личности, рассматривая ее лишь как краткое временное испытание перед вечной посмертной бестелесной жизнью в потустороннем мире. Смысл жизни сводился к достижению спасения души, т.е. обретению райской жизни души после телесной смерти человека. Средневековый гуманизм также принижал статус человеческого тела, рассматривая его как темницу души, а телесные потребности как источник греховных искушений. Тело человека рассматривалось как темница души. Развитие личности сводилось к религиозно-нравственному совершенствованию души, связанному с аскетизмом и телесным самоограничением.

С другой стороны, религиозный средневековый гуманизм возвышал статус человека, рассматривая его как высшую форму божественного творения на основе принципа богоподобия, поскольку Бог создал человека подобным себе и наделил его важнейшими дарами: разумом и свободой воли, свободой выбора. Человек возвышался над природным миром и приближался к Богу. Тем самым потенциально перед человеком открывалась дорога к высшему счастью – слиянию с Богом в царстве Божьем после искупления грехов.

Новый шаг в развитии гуманизма связан с эпохой Возрождения (XV-XVI вв.) Именно в это время началось возрождение в новой форме идей античного светского гуманизма и сформировалась ключевая идея гуманистического мировоззрения – идея свободного и всестороннего развития личности. В эпоху Возрождения человек рассматривался уже не как раб Божий, а как Божий соратник и сотрудник. Была проведена реабилитация тела, которое также получило право на всестороннее развитие. Был сделан акцент на свободу человека, его творческую активность, свободную реализацию в духовном и техническом творчестве своих способностей. Однако и возрожденческий гуманизм, подчеркивая ценность каждой личности, был ограниченным. Во-первых, он распространялся лишь на небольшую часть общества, а именно, на образованные слои общества. Во-вторых, в этом гуманизме оставалась не решенной удовлетворительно проблема отношений личности и общества. Эти отношения склонялись в сторону приоритетности личности, что потенциально вело к принципу противостояния личности и общества и даже к утверждению эгоистического самоутверждения личности в оппозиции к другим личностям и обществу в целом.

В Новое время на волне буржуазных революций прекрасный, но социально абстрактный возрожденческий идеал гуманизма стал наполняться конкретным социальным содержанием. Абстрактная идея свободного развития личности приняла форму определенной либеральной идеологии, которая утверждала, во-первых, равенство всех людей перед законом, которая формулировала широкий круг прав человека и политических свобод, защищаемых законом. Тем самым гуманизм стал не отвлеченной философской идеей, а принципом социальной организации. В Новое время начались попытки сформулировать отношения между личностью и обществом на основе разумного эгоизма, как сочетания интересов личности и общества.

Однако, и эта форма гуманизма была ограниченной, поскольку в условиях частной собственности и капиталистического отчуждения трудящихся от основных социальных благ, а также социального неравенства, все права и свободы человека оказались лишь формальными, декларативными. Реального равенства прав не существовало. Возможности для свободного развития личности, а также весь комплекс прав человека был обеспечен лишь для правящих имущих классов общества, а трудящиеся класса, и, прежде всего, лишенный собственности пролетариат, не имели никаких возможностей не только для свободного и всестороннего развития личности, но и для нормального удовлетворения своих базовых материальных потребностей.

В XIX веке гуманистическая идея, с одной стороны получила дальнейший мощный импульс развития в виде новой формы – пролетарского, социалистического гуманизма. С другой стороны, с переходом западного капитализма в стадию империализма, в этом же веке родились первые формы антигуманистического мировоззрения – социальный дарвинизм, расизм, философия Ф. Ницше и некоторые другие.

Социалистический гуманизм открыто выражал интересы трудящихся классов, прежде всего, пролетариата, разоблачал социальные корни социального неравенства и несправедливости, тотального отчуждения личности при капитализме. Он выдвигал программу уничтожения капитализма и построения социалистического общества, основанного на общественной собственности на средства производства. Тем самым марксистский, социалистический гуманизм был теоретическим обоснованием путей реальной, всеобщей гуманизации общества.

Важными отличительными чертами марксистского, пролетарского социалистического гуманизма были: 1. утверждение «неразрывности связей личностей с коллективом, обществом», неприемлемости «индивидуализма и эгоизма», 2. провозглашение «пролетарского, социалистического интернационализма» в противовес «национализму, расизму, шовинизму, всем проявлениям человеконенавистничества и мракобесия», 3. признание человека труда высшей ценностью жизни, забота о его всестороннем развитии, о создании «счастливой жизни, наполненной глубоким смыслом и радостным творчеством», 4. «оптимизм, вера в силы человека, в его способность творить добро, переделывать мир по законам справедливости и красоты».

Согласно марксистской теории, только построение коммунистического общества способно решить такие великие гуманистические задачи, как освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, политического гнёта, национального порабощения, уничтожение нужды и безработицы широких народных масс, ликвидацию противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, искоренение бесправия женщин, избавление народных масс от духовного порабощения.

Социалистический гуманизм подчеркивал, что свободное и всестороннее развитие личности возможно только в обществе при гармоническом сочетании или единстве интересов личности и общества. Именно концепция социального гуманизма в наиболее глубокой и полной мере выражает социальную сущность добра, сочетая в себе ее историческую относительность и универсальность, определяя добро как универсальный общеисторический и общечеловеческий идеал и высшую ценность.

XX век стал противоречивой вехой в развитии гуманизма. С одной стороны, это

время глобального кризиса гуманизма, наиболее яркими проявлениями которого стали две кровопролитные мировые войны, рождение и массовое распространение множества человеконенавистнических идеологических антиподов гуманизма, в лице, прежде всего, фашизма, разочарование многих мыслителей, политиков и простых людей в идеалах гуманизма.

С другой стороны, в XX веке была предпринята первая успешная попытка практической реализации социалистического, действительного гуманизма в России в форме советского социалистического гуманизма в результате победы социалистической революции в России в 1917 году.

Уничтожение частной собственности и построение социализма создало реальную основу для практической реализации принципов гуманизма в советском обществе. Советский гуманизм утвердил на практике социальное равенство и гарантировал юридически, конституционно реализацию основных прав человека. Кстати сам список прав человека был существенно расширен. В отличие от буржуазного либерального набора прав человека, советская конституция гарантировала такие важные фундаментальные права человека, как право на труд, право на бесплатное медицинское обеспечение и образование, право на жилье и т.д.

Советский гуманизм, в отличие, от всех предыдущих форм ограниченного западного гуманизма был массовым, всеобщим и реальным, создавая равные возможности для развития каждого гражданина. Однако, и он имел свои недостатки, связанные с несовершенствами советского социализма и с трудностями построения социализма в условиях глобальной геополитической конкуренции с капиталистическим миром. Большую цену заплатил советский народ за социалистическую революцию и строительство социализма. Он принес огромные жертвы за Гражданскую и Великую отечественную войну, массовые репрессии 30-х годов. Однако, во второй половине XX века в СССР было построено первое в мире общество реального и цельного, массового гуманизма, которое можно рассматривать как вершину развития гуманизма во всемирно-историческом масштабе.

Хотя и в советском обществе существовали недостатки и противоречивые явления, связанные в основном с искажениями принципов социализма и гуманизма со стороны монополизировавшей власть и ставшей ей злоупотреблять в своих корыстных интересах идеологизированной касты чиновников – КПСС.

В-целом, можно утверждать, что, несмотря на недостатки, советский гуманизм оказался не только высшей исторической формой гуманизма, но и первой удачной попыткой практического воплощения действительного гуманизма.

Крах СССР и советского социализма, вызванный частично искусственными внешними причинами, частично внутренним несовершенством политической системы СССР, стал завершающим эпизодом кризиса гуманизма в XX веке и привел к резкой гигантской дегуманизации прежде всего в российском обществе, но также и во всем мире.

Итак, гуманизм прошел в своем развитии длительную и сложную историю. Каждый этап в развитии идеи гуманизма, с одной стороны, был обусловлен прогрессом в развитии общества, с другой стороны, идеалы гуманизма в значительной степени как раз и стимулировали и направляли общественный прогресс.

Какова же судьба гуманизма в современном мире? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, какие условия для развития личности существуют в современном обществе, а также какие угрозы личностному развитию существуют в современном мире. С одной стороны, прогресс науки и техники в современном мире создает предпосылки для глобальной гуманизации общества и расширяет возможности для всестороннего развития личности.

С другой стороны, в условиях глобального капитализма, этот гуманистический потенциал не реализуется в полной мере. Более того, технические факторы гуманизации используются для дегуманизации современного общества и дегуманистических искажений в развитии личности.

Создана ситуация тотального отчуждения личности, получившая философское отражение в наиболее яркой форме в экзистенциализме. «Кредо экзистенциализма в формулировке Сартра — «экзистенция предшествует «эссенции», сущности» — совпадает с главной формулой гуманизма, согласно которой человек сам творит себя, свою сущность. В процессе её обретения человек может полагаться, надеяться только на себя, ибо цивилизация, в которой протекает его жизнь, начисто лишена каких-либо гуманистических ценностей. Эти ценности создаются каждым индивидом для себя, существуют исключительно как результат его личного деяния и поступка...

У человека, как считает Сартр, нет дома в мире, в котором он мог бы укрыться от собственной судьбы, он — метафизически «бездомное» существо. Бог, общество, человечество — все это фикции, химеры, на которые нельзя опереться в поиске личного спасения.» [4] Экзистенциализм делает гуманизм достоянием одинокой личности, противостоящей глубоко чуждому и враждебно ей миру природы и общества. Такой бесперспективный про сути статус личности и гуманизма фиксировали экзистенциалисты в середине XX века.

Глубокий анализ кризиса личности в современном мире дает другой представитель экзистенциализма К. Ясперс, но «К. Ясперс, вполне четко и точно констатируя ситуацию тотального отчуждения личности в Западном обществе, предлагает личности путь спасения личной верой, опирающейся на идею трансцендентного, т.е., в конечном счете, Бога. Это, конечно, абсолютно утопический рецепт спасения личности.»[7]

Сегодня в продолжение развития тенденции глобального отчуждения личности в условиях научно-технического прогресса при господстве капиталистической социально-экономической системы возникает реальная угроза деструкции личности, которая получает философское обоснование в философии постмодернизма. «Человеческая личность, бывшая в традиционных онтологических координатах мерой всего сущего, категорией самоценной и самодостаточной, обнаруживает свою ущербность.

Сложилось мнение, что концепции личности у постмодернистов нет. Человек, скорее, воспринимается как антиличность, антигерой и своего рода персонифицированное зло.

Действительно, постмодернизм переосмыслил возможности и границы человеческой индивидуальности. При таком видении действительности, когда предметом осмысления становятся одна лишь нестабильность, хаос, фрагментарность, нелепость симуляций, когда мир раздвигается от макромира Вселенной до микромира кварков, само существование целостной личности носит проблематичный характер.

В постмодернистской интерпретации человек превращается, с одной стороны, в «негативное пространство» (Розалинда Краус), «случайный механизм» (Мишель Скресс), «фрагментарного человека» (Ж.Деррида), «человека в минусовой системе координат» и т.д. Ролан Барт, например, вообще разработал постулат о смерти субъекта.» [3]

В начале XXI века научно-технический рост в условиях господства рыночной, капиталистической экономика ситуация дегуманизации и тотального отчуждения личности лишь обостряется. Растущие технические возможности манипулирования массовым сознанием на основе современной вычислительной техники, успехи генетики и геномной инженерии создают для современной капиталистической элиты, объединенной в теневое мировое правительство реальную возможность построения на планете общества технотронного рабства на основе сокращения численности населения планеты до 1 млрд. человек. Идея золотого миллиарда, вычеркивающая из списков людей, имеющих право на существование целые народы, страны и социальные группы бедных, неимущих и обездоленных людей представляет собой по сути современную форму глобального фашизма, тщательно маскирующегося под гуманизм.

Сегодня активно подвергается критике и ревизии сама сущность гуманизма. «Практически все крупнейшие мыслители современности сходятся между собой в признании «кризиса гуманизма» в современном обществе. Они лишь расходятся в объяснении причины этого кризиса.» [4]

Классический гуманизм объявляется защитниками современного глобального антигуманизма устаревшим, изжившим себя. Так, например, подводя итоги философского осмысления кризиса гуманизма в XX веке в западной философии, В. Межуев отмечает: «Общим итогом дискуссии стал вывод о том, что гуманизму нет места ни в современном, ни в другом обществе, что любое общество антигуманно по своей сути. Гуманизм возможен либо как осознание индивидом своей связи с Богом (христианский гуманизм), либо как глубоко личное переживание им своей экзистенции, своего индивидуального бытия. Любая попытка мыслить гуманизм в качестве программы социального переустройства общества чревата утопизмом и даже тоталитаризмом.» [4]

С.П. Шорохова делает парадоксальный, но в целом справедливый вывод о том, что западный классический гуманизм исчерпал себя в XX веке. Причем причиной краха идеи философской гуманизма и гуманизма как идеологии стали трансформации капитализма, обусловленные по ее мнению, как раз, попыткой реализовать в полной мере идею западного гуманизма: «К XX столетию гуманизм в философии явно исчерпал себя, что подтверждает историческая реальность. Каких результатов достигло человечество, опираясь на философию гуманизма? Первое – это научно-технический прогресс, активное познание природы, создание многообразных, не существующих в природе технологий. Второе – мощное экономическое развитие в XIX–XX вв., приведшее человечество к созданию «постиндустриального общества». Третье – идеология и практика «правового государства» и незыблемые в своей основе «права человека».

С другой стороны, с тех пор, как гуманизм стал общепризнанным принципом бытия западной цивилизации, человечество оказалось ввергнуто в бесконечную цепь социальных конфликтов и войн. Это вполне объяснимо – человек, признав себя равным Богу, принялся бороться за лучшие условия своего существования, начал преобразовывать социальное пространство и природную среду в соответствии с собственными представлениями. В итоге XX век науки и техники, век атома и космоса, век торжества человеческого разума и философии гуманизма, принес человечеству наибольшие разрушения. Сегодня мир стоит на грани самоуничтожения. Однако вероятно не стоит утверждать, что гуманизм, как религиозно-философская, нравственная основа бытия человечества, ныне полностью исчерпал свою созидательную функцию, превратившись исключительно в фактор разрушения человеческого общества.» [8, С.227]

Шорохова права в том, что в XX веке западный либеральный гуманизм пришел к краху, но она не права в оценке причин этого краха. Причина краха не в несостоятельности идеи гуманизма как таковой, а в ограниченности буржуазного либерального гуманизма и в невозможности его реализации в условиях капитализма. В XX веке к этой причине добавился тот фактор, что научный прогресс в условиях капитализма приобретает все более антигуманное содержание и направленность.

Один из величайших мыслителей XX века П. Сорокин пытался переосмыслить судьбу гуманизма в Западной мире на основе своей концепции социокультурной динамики и альтруистического преобразования мира. «Констатировав, на зыбких основаниях абстрактного гуманизма и спекулятивно-идеалистической философии истории факт дезинтеграции западной культуры, наш самоназванный пророк поднимает знамя новой идеациональной гуманистической интеграции западной культуры. В данной ипостаси он уже открыто выступает не как ученый, а как проповедник нового гуманизма, хотя субъективно, он ощущает себя именно ученым и представляет себя как объективного и бесстрастного ученого. Вся беда или ахиллесова пята Сорокинского гуманизма заключается в социальной абстрактности его гуманизма, в несостоятельности подведенной под него спекулятивно-идеалистической философии истории. Поэтому-то наш порок никем не был понят и услышан. Кого могут заинтересовать абстрактные обличения и пророчества, заменяющие научный анализ действительного кризиса современной западной цивилизации?» [5]

Подвергается идея светского, практического гуманизма в XX веке и со стороны

религиозных мыслителей. Так, например, Н. Бердяев видит главную причину несостоятельности идеи гуманизма в ее атеистическом характере. Атеистический гуманизм, по мнению Бердяева неизбежно превращается антигуманизм, формами которого он считал в идейном плане ницшеанство, фашизм и марксизм, а в социальном плане фашистскую Германию и СССР.

Основная ложь атеистического гуманизма, по мнению Бердяева в идее состоит в признании самодостаточности человека, самообогащении человека, то есть в отрицании богочеловечности. Когда человек остается с самим собой, замыкается в человеческом, то он создает себе идолов, без которых он не может возвышаться.

Альтернативой ложному атеистическому гуманизму, обоготворяющему человека, является, по мнению Бердяева религиозный, христианский гуманизм. В христианстве заложена высшая человечность, так как оно опирается на богочеловечность и на христианский персонализм, на признание высшей ценности всякой человеческой личности.

Для христианских гуманистов причина кризиса гуманизма «...заключена в секуляризации культуры, её обезбоживании, в отрыве культуры от культа, от её христианских истоков и корней, сторонники атеистического гуманизма усматривают её в самой западной цивилизации, превратившей человеческое сообщество в обезличенную массу атомизированных индивидов, лишённую какой-либо индивидуальной автономии.» [4]

Религиозный гуманизм обладает высоким гуманистическим потенциалом, но его реализация затруднена фактическим массовым безбожием и неверием, а также плюрализмом религиозных конфессий. «Религия действительно может быть неким духовным лекарством от дегуманистических тенденций нашего времени. Однако, гуманистическое содержание религии, нередко, само по себе нуждается, в специальной экспликации.» [6, С.78]

Гуманизм в XX и особенно в XXI веке подвергается все более радикальным испытаниям, подвергается идеологической критике и всевозможным разоблачениям его несостоятельности. Однако, не существует позитивной альтернативы идее гуманизма. Очевидно, что прогрессивные мыслители нашего времени совместными усилиями выработают конструктивную форму современного гуманизма, а прогрессивные силы человечества сумеют реализовать ее на практике.

Литература

1. Борзенко, И.М. Основы современного гуманизма [Электронный ресурс] / И.М. Борзенко, В.А. Кувакин, А.А. Кудишина. – М., 2002. – URL: <http://nkozlov.ru/library/s132/d3959/#.WUsxJ59SA7A>
2. Демин, И.В. Гуманизм и трансгуманизм: проблема соотношения [Электронный ресурс] / И.В. Демин. - URL: <http://ecologyofthinking.ru/slayder-na-glavnoy/5108.html>
3. Лихина, Н.Е. Актуальные проблемы современной русской литературы. Постмодернизм [Электронный ресурс] : учеб. пособ. / Н.Е. Лихина ; Калинингр. ун-т. - Калининград, 1997. - 59 с. - URL: http://www.uamconsult.com/book_826_chapter_5_§2_Problema_cheloveka_v_literature_postmodernizma.html
4. Межуев, В.М. Гуманизм и современная цивилизация [Электронный ресурс] / В.М. Межуев. - URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5868>
5. Поломошнов, П.А. Личность и кризис культуры в социальной философии П. Сорокина [Текст] / П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. - С. 699.
6. Поломошнов, П.А. Проблема личности в исламе [Текст] / П.А. Поломошнов // Исламоведение. – 2015. – Т.6. - № 4. – С.78-88.
7. Поломошнов, П.А. Кризис личности в философии К. Ясперса [Текст] / П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. - № 6. – С.1748.
8. Шорохова, С.П. Глобализация и гуманизм в современном мире [Текст] / С.П. Шорохова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. - 2013. - № 11 (112).

References

1. Borzenko I.M., Kuvakin V.A., Kudishina A.A. Osnovy sovremennogo gumanizma. [Fundamentals of modern humanism] – M., 2002. URL: <http://nkozlov.ru/library/s132/d3959/#.WU5xJ59SA7A>
2. Demin I.V. Gumanizm i transgumanizm: problema sootnosheniya. [Humanism and transhumanism: the problem of correlation] URL: <http://ecologyofthinking.ru/slyder-naglavnoy/5108.html>
3. Likhina N.E. Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy literatury. Postmodernizm: Ucheb. posob. [Actual problems of modern Russian literature. Postmodernism: tutorial] / Kaliningr. un-t. - Kaliningrad, 1997. - 59 s. URL: http://www.uamconsult.com/book_826_chapter_5_§2_Problema_cheloveka_v_literature_postmodernizma.html
4. Mezhev V.M. Gumanizm i sovremennaya tsivilizatsiya. [Humanism and modern civilization] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5868>
5. Polomoshnov, P.A. Lichnost' i krizis kul'tury v social'noj filosofii P. Sorokina [Personality and crisis of culture in social philosophy P. Sorokin] / P.A. Polomoshnov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2014. - № 5. - S. 699.
6. Polomoshnov P.A. Problema lichnosti v islame [The problem of personality in Islam] // Islamovedenie. – 2015. – Т.6. - № 4. – S.78-88.
7. Polomoshnov P.A. Krizis lichnosti v filosofii K. Jaspersa [The crisis of personality in K. Jaspers philosophy] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. - № 6. – S.1748.
8. Shorohova S.P. Globalizatsiya i gumanizm v sovremennom mire [Globalization and humanism in the modern world] // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie. - 2013. - № 11 (112).

Поломошнов Андрей Федорович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории Донского государственного аграрного университета.

УДК 111.6; 130.2.

ВЛИЯНИЕ ФРЕЙДА И МАРКСА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ Э.ФРОММА

Винокурова И.Н.

В статье анализируется отношение Э. Фромма к З. Фрейду и К. Марксу, которые оказали больше влияние на формирование собственных взглядов мыслителя. Автор отмечает, что, отталкиваясь от идей психоанализа Э. Фрейда и гуманистической концепции личности марксизма, создал Э. Фромм собственную концепцию гуманистического психоанализа.

Автор приходит к выводу, что, хотя оригинальная концепция гуманистического психоанализа Э. Фромма сложилась под значительным влиянием фрейдизма и марксизма, она существенно от них отличается.

Ключевые слова: Э. Фромм, К. Маркс, З. Фрейд, гуманистический психоанализ, бессознательное, культура.

INFLUENCE OF FREID AND MARX ON THE FORMATION OF EFROM'S VIEWS

Vinokurova I.N.

The article analyzes the attitude of E. Fromm to Z. Freud and K. Marx, who exerted more

influence on the formation of the thinker's own views. The author notes that, starting from the ideas of psychoanalysis of E. Freud and the humanistic conception of the personality of Marxism, Ed. Fromm created his own concept of humanistic psychoanalysis.

The author comes to the conclusion that, although the original concept of the humanistic psychoanalysis of E. Fromm developed under the considerable influence of Freudianism and Marxism, it differs significantly from them.

Key words: *E. Fromm, K. Marx, Z. Freud, humanistic psychoanalysis, unconscious, culture.*

Общеизвестно, что Э. Фромм во многом был не согласен с Фрейдом и Марксом, но с огромным уважением относился и к их творчеству, считал их гениальными людьми. Безусловно следует признать влияние на формирование собственных взглядов Фромма концепций К. Маркса и З. Фрейда. В своих работах сам Э. Фромм, критически анализируя позиции З. Фрейда и К. Маркса, выясняет их потенциал и ограниченность.

Рассмотрим вначале отношение Э. Фромма к З. Фрейду. «Критическое отношение Э.Фромма к психоанализу З.Фрейда возросло после того, как в начале 1930 г. он познакомился с открытием Я.Бахофена эпохи матриархата, суть которой он изложил в опубликованной в 1861 г. книге «Материнское право». «Как раз на феномене эдипова комплекса, - писал Э.Фромм, - выступающего в качестве центрального лишь в патриархальном обществе, видно, как легко впадают в ошибку, когда считают свою собственную психическую структуру естественной для всего общества или вообще «человеческой»».[8] Теория межличностных отношений Г.Салливена, усвоенная Э.Фроммом, привела к переносу акцента с индивидуальной психологии к психологии межличностных отношений. При этом ключевая проблема психологии видится им не в удовлетворении или фрустрации отдельных влечений, а в отношении индивида к миру. В отличие от инстинктов или «органических влечений» Фрейда, потребности и стремления, возникающие из отношений индивида к другим людям, такие как любовь, ненависть, нежность, симбиоз и т.д., Фромм называет «укорененными в характере страстями», имеющими социобиологическую и историческую природу. Психоанализ, по мнению Э.Фромма, должен еще раз взглянуть на себя в зеркале своей общественной детерминированности и сделать из этого выводы, ибо аналитик, придерживающийся заповедей и запретов общества, в котором он живет, не способен снять у пациента страх перед их нарушением. Кроме того, цель психоаналитической терапии часто состоит в достижении адаптации человека к существующей реальности, в то время как психоанализ даже поверхностно не касается главной проблемы - исследования одиночества и отчуждения у человека, отсутствия у него творческого отношения к жизни.» [5, С.34]

По мнению Фромма, учение Фрейда о бессознательном - богато и плодотворно. Но его представление о сознании скудно. Согласно Фромму, не «принцип удовольствия» лежит в основе здоровой психики, а принципы разума, любви и ответственности. Фрейд понимал спонтанную, самопроизвольную деятельность психики, как «регрессивную», ориентированную в прошлое. Такая тенденция, согласно Фромму, действительно имеет место и в истории человечества и в индивидуальном развитии. Она проявляется особенно сильно в моменты крутых перемен, стремительного расширения пространства свободы, которую человек не в состоянии принять. Регрессия выглядит тогда, как бегство от свободы, как добровольный отказ людей от права и обязанности самим решать, самим строить жизнь. Здоровая и нормальная психика, по Фромму, ориентирована в будущее, а не в прошлое, на творчество, а не на традицию.

«Самые «великие» идеи Фрейда - эдипов комплекс, нарциссизм, «инстинкт смерти», - во многом спорны. Это, как выражается Фромм, «хромоногие», «уродливые детища» его гения и, лишь будучи освобождены от своей грубокустарной формы, они могут стать продуктивными и научно значимыми.» [4, С.134]

Фромм критиковал психический детерминизм Фрейда. Психика, по Фрейду, работает как термодинамическая система, основным законом которой является стремление к

равновесию. В такой системе нет места свободе, а значит, и ответственности. Фромм, вопреки Фрейд, считает, что природа человека не биологична, а социальна и духовна. С общеисторической и философской точки зрения самодетерминация человека разумом важнее, чем его зависимость от инстинктов.

Фрейд, по мнению Фромма, был скептиком и не имел ответа на вопросы: куда идет человечество и куда оно должно идти. Фромм пытался дать на них ответы. Человечество, по его мнению, идет к социализму, к мировому единству, к утверждению прав личности как основы морали. Политические и гражданские учреждения должны ориентироваться на интересы личности. Свободное бытие человека - культурное, духовное, сознательное бытие. Культура - не только инструмент выживания, но и стихия жизни.

Э.Фромм, как и З. Фрейд критически относился к западному обществу потребления. «Если З. Фрейд говорит об общей психической неудовлетворенности людей, то Э. Фромм видит конкретную опасность, грозящую человеку, в том, что внешне процветающим «обществом потребления» овладевает скука и коллективная неудовлетворенность. Если опасность прошлого, утверждает Э. Фромм, состояла в том, что люди становились рабами, то опасность будущего заключается в том, что люди могут стать роботами, утратить свою уникальность, лишившись собственно человеческого измерения.» [9, С.156]

Собственная позиция Э. Фромма гораздо глубже оценивает кризис личности в XX веке. «Э. Фромм, выражаясь о состоянии души современного ему человека пишет, что с началом промышленного прогресса, замены энергии животного и человека механической, а затем ядерной энергией до замены человеческого разума электронной машиной мы чувствовали, что находимся на пути к неограниченному производству и, следовательно, к неограниченному потреблению; что техника сделала нас всемогущими, а наука — всезнающими. Мы были на пути к тому, чтобы стать богами, высшими существами, способными создать второй мир, используя мир природы лишь в качестве строительного материала для своего нового творения. Фромм считает, что мужчины и все в большей и большей степени женщины испытывали новое чувство свободы...» [3, С.320]

Выход личности из кризиса по Фромму состоит в пересмотре природы базовых влечений человека. «Э. Фромм согласен с З. Фрейдом в том, что психическую «природу» человека образуют неизменные влечения. Однако это не докультурные стремления, а специфически человеческие, главными среди которых являются потребность в свободе и в общении с себе подобными. В сущности, это утверждение ничто иное, как возврат к дофрейдистским представлениям о человеке, который в естестве своем добр, свободен и благочинен. Несправедливое общество искажает истинную природу человека, что и является источником конфликта человека и культуры.» [9, С.200]

В целом, Фромм идет в своем политическом мышлении гораздо дальше Фрейда. Он указывает на необходимость для общества гуманистической религии, на политическую сторону задач воспитания, образования, предлагает смелые проекты социальных институтов и групп общения, в которых бы свободно удовлетворялись интеллектуальные, творческие, дружеские потребности.

Гораздо большее влияние на взгляды Э. Фромма оказала гуманистическая философия К. Маркса. Это признавал и сам Фромм. «Маркс, по мнению Фромма, был мыслителем более высокого ранга, чем Фрейд. Он сумел связать духовное наследие германского философского идеализма с экономической теорией, придал древней утопической идее коммунизма реалистические черты, соединил в своей теории элементы философии, политэкономии, антропологии и этики. Фромм не соглашался с теми критиками Маркса, которые приписывали ему узкосоциологическое видение человека. Верно, что Маркс специально не разрабатывал вопросов этики. Но нельзя не видеть, что он был защитником свободы, равноправия, социальной справедливости, всестороннего развития личности. Маркс выступал против эксплуатации потому, что она несправедлива и парализует развитие человека. Он защищал интересы труда против интересов капитала. Труд, по Марксу, это жизнь, а капитал - омертвленная форма труда. Капитализм - господство вещи, социальной

функции над человеком. Коммунизм - олицетворение свободы личности. Все эти тезисы Маркса - этические в своей основе.» [4, С.145]

Э. Фромм пытался вычленил аутентичное содержание марксизма. «Творчеству Карла Маркса Фромм посвятил несколько поздних работ - «Концепция Человека у Маркса» (1961), «Из плена иллюзий» (1962), доклад на симпозиуме о влиянии К. Маркса на современную науку «Вклад Маркса в познание Человека» (Париж, 1968). Фромм считал, что современные исследования и интерпритации творчества Маркса «искажили реальную картину того, каким представлялся человек Марксу, и помешали осмыслить вклад Маркса в психологию.» [2, С.201]

В работе «Вклад Маркса в познание Человека» Фромм утверждает, что динамическую психологию впервые изложил в своих произведениях Маркс, при этом его концепция в некотором отношении более предпочтительна, чем концепция З. Фрейда. Понимание Марксом человеческой природы, пишет Фромм, противостоит всякому бихевиористскому представлению, т.е. показывает человека как существо деятельное, влекомое страстями и стремлениями, которые сам человек может не сознавать. Главное преимущество динамической психологии Маркса перед психологией Фрейда, которая также является динамической, он выразил следующим образом: «Динамическая психология Маркса основана на первичности соотнесенности человека с миром, с другим человеком, с природой, в противоположность теории Фрейда, которая основана на представлении о человеке как обособленном *hommemachine*». [6, С.56]

Фромм защищал марксизм от некорректных обвинений в грубом экономическом материализме. «Самым распространенным заблуждением является идея о так называемом «материализме» Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной выгоде, к удобствам, к максимальному благосостоянию, «обеспеченности» своей жизни и жизни своей семьи.» [7]

Однако, Фромм доказывал, что «Марксова теория не содержит утверждения, что главным мотивом человеческой деятельности служит материальная выгода; истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономического принуждения с тем, чтобы он мог – и это главное – развиваться как человек (формировать себя как гармоничную личность). То есть главная забота Маркса – освободить человеческую личность, помочь человеку преодолеть утраченную гармонию с природой и другими людьми; философия Маркса – это скорее духовный экзистенциализм (излагаемый секуляризованным языком), и именно ввиду своей духовной сущности он не соответствует, а противостоит материалистической практике и материалистической философии нашего века.» [7]

Вместе с тем, Э. Фромм критически относился и к марксизму. Слабость Маркса в абсолютизации экономики, в недооценке духовного, личностного фактора, роли идей в истории. Маркс безосновательно отбрасывал религию, не видя ее глубокой укорененности в человеке и обществе. Он осознавал драматизм человеческого бытия, но не заметил угрозы движения вспять - от свободы к рабству под знаменем социализма и рационализма.

Итак, в марксизме Э.Фромм особенно ценил идею всестороннего развития личности. «Фромм утверждает, что философия самореализации личности как вполне гуманистическая философия оказала на него значительное влияние, тем более что идеи Маркса во многом сходны с идеями ветхозаветных пророков, И. Гёте, И. Экхарта, Д. Судзуки, которые повлияли на жизнь и творчество Фромма, по его собственному признанию.» [2, С.324]

Подводя итог, можно отметить, что оригинальная концепция гуманистического психоанализа Э. Фромма сложилась под значительным влиянием фрейдизма и марксизма, но существенно от них отличается. «Э. Фромм подчеркивает, что современный человек всегда стоит перед выбором – «Иметь или быть?». Благодаря включению личности в культуру, она приобретает определенные социальные черты и это, согласно Э. Фромму, обеспечивает человеку эффективное приспособление к требованиям общества, формирует у него чувство безопасности и защищенности. Но, отмечает исследователь, современное общество оказывает на человека двоякое воздействие. Во-первых, индивид чувствует себя более

самостоятельным и уверенным в себе. Он критически и независимо относится к окружающему миру. Но, вместе с тем, налицо одиночество человека, его изолированность, ведущая к возникновению страха и тревоги.» [9, С.187]

Э.В. Соколов, сравнивая взгляды Маркса и Фрейда, в контексте их влияния на Э. Фромма отмечает: «И Маркс, и Фрейд, были противниками догм, иллюзий, закрывающих дорогу к истине. Они не идеализировали человека. Оба критически относились к авторитетам и даже к «здравому смыслу». Для анализа и критики ложного невротического сознания Фрейд вводит идею бессознательного с его принципами репрессии и сопротивления. Маркс - понятие классовой идеологии, оправдывающей эксплуатацию и подавляющей свободу мыслящей личности. Однако ни тому, ни другому не удалось полностью преодолеть рамки классического рационализма и натуралистического понимания человека. Маркс сводил человека к его общественным функциям - ролям, Фрейд - к сексуальному инстинкту и бессознательным влечениям. Эти недостатки предопределили кризис как психоанализа, так и марксизма, их неспособность решить проблемы эпохи.» [4, С.176]

Сравнивая конструктивный потенциал марксизма и фрейдизма, Э.В. Соколов отмечает, что эти концепции послужили материалом для формирования идеала гуманистического социализма Э. Фромма. «Маркс - политический радикал. Фрейд - либеральный мыслитель. Идеи Маркса о прибавочной стоимости и кругообороте капитала помогли разработать антикризисную экономическую программу в США. Открытые Фрейдом механизмы защиты послужили хорошей службой «имиджмейкерам», теоретикам рекламы и пропагандистам буржуазного потребительского общества. Идеи Маркса и Фрейда могут быть использованы для обоснования программ гуманистического социализма, идеологом которого считал себя Фромм. Задача, по Фромму, состоит в том, чтобы использовать знание о человеке для укрепления веры в гуманистические ценности.» [4, С.123]

Литература

- 1.Добренков, В.И. Неофрейдизм в поисках «истины»: иллюзии и заблуждения Эриха Фромма [Электронный ресурс] / В.И. Добренков. – М., 1974. – 142 с. - URL: <http://www.libnvkz.ru/catalog/info/elkat14/103997>
- 2.Добренков, В.И. Психоаналитическая социология Эриха Фромма [Текст] : учебное пособие / В.И. Добренков. - М., 2006. - 448 с.
- 3.Потемкина, О.Ф. Психологический анализ рисунка и текста [Текст] / О.Ф. Потемкина, Е.В. Потемкина. – СПб., 2006. – 524 с.
- 4.Соколов, Э.В. Введение в психоанализ: Социокультурный аспект [Текст] : учебное пособие для вузов / Э.В. Соколов. - 3-е изд., стер. - Санкт-Петербург, 2002. - 320 с.
- 5.Старовойтов, В.В. Жизнь и творчество Эриха Фромма [Текст] / В.В. Старовойтов // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2007. - № 1.
- 6.Фромм, Э. Вклад Маркса в познание Человека [Текст] / Э. Фромм // Кризис психоанализа. - СПб., 2000.
- 7.Фромм Э. Марксова концепция человека [Электронный ресурс] / Э. Фромм. - URL: <http://psylib.org.ua>
- 8.Функ, Р. Эрих Фромм: Страницы документальной биографии [Электронный ресурс] / Р. Функ. - URL: http://ligis.ru/librari_5/130/1.htm
- 9.Чернышева, А.В. Генезис культурологической мысли. Концепции культуры в их исторической ретроспективе [Текст] : учебное пособие / А.В. Чернышева. - М. : МГОУ, 2008. – 324 с.

References

- 1.Dobren'kov V.I. Neofreydizm v poiskakh «istiny»: illyuzii i zabluzhdeniya Erikha

- Fromm. [Neo-Freudianism in Search of «Truth»: Erich Fromm's Illusions and Errors.] – М., 1974. – 142 с. URL: <http://www.libnvkz.ru/catalog/info/elkat14/103997>
2. Dobren'kov V.I. Psikhoanaliticheskaya sotsiologiya Erikha Fromma: uchebnoe posobie. [Psychoanalytic Sociology Erich Fromm: A Training Manual] - М., 2006. — 448 с.
3. Potemkina O.F., Potemkina E.V. Psikhologicheskii analiz risunka i teksta. [Psychological analysis of drawing and text] – SPb., 2006. – 524 с.
4. Sokolov E.V. Vvedenie v psikhoanaliz: Sotsiokul'turnyy aspekt: uchebnoe posobie dlya vuzov. [Introduction to Psychoanalysis: Socio-cultural aspect: a textbook for high schools] - 3-e izd., ster. - Sankt-Peterburg, 2002. - 320 с.
5. Starovoytov V.V. Zhizn' i tvorchestvo Erikha Fromma [Life and work of Erich Fromm // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis] // Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza. – 2007. - № 1.
6. Fromm E. Vklad Marksa v poznanie Cheloveka [The contribution of Marx to the knowledge of man // The crisis of psychoanalysis] // Krizis psikhoanaliza. - SPb., 2000.
7. Fromm E. Marksova kontseptsiya cheloveka. [Marks concept of man] URL: <http://psylib.org.ua>
8. Funk R. Erikh Fromm: Stranitsy dokumental'noy biografii. [Erich Fromm: Pages of a documentary biography] URL: http://ligis.ru/librari_5/130/1.htm
9. Chernysheva A.V. Genezis kul'turologicheskoy mysli. Kontseptsii kul'tury v ikh istoricheskoy retrospektive: Uchebnoe posobie. [Genesis of cultural thought. Concepts of culture in their historical retrospect: Textbook] - М.: МГОУ, 2008. – 324 с.

Винокурова Ирина Николаевна – соискатель кафедры философии и истории Донского государственного аграрного университета

УДК 376.7

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Поломошнов Л.А.

Статья посвящена анализу становления и развития этнопсихологии в XIX веке – начале XX века. Анализируются концепции школы психологии народов Г. Г. Штейнталя, М. Лацариуса, В. Вундта, а также взгляды Г. Лебона и Г. Шпета.

Автор формулирует основные особенности парадигмы этнопсихологии: 1. признание народной души как надиндивидуального духовного образования, характеризующего духовную специфику народа. Правда, в самом понимании сущности народной души и ее структуры, основных элементов существует большой разброс мнений; 2. Признание феноменологического проявления народной души в различных формах духовной культуры общества и в психическом складе личности – представителя определенного народа; 3. Утверждение метода описания народной души по ее феноменологическим проявлениям в духовной и материальной культуре общества; 4. Утверждение тесной связи между народной душой и историей народа, но связь эта интерпретируется по-разному; 5. Плюрализм народных душ интерпретируется в основном на основе гуманистического принципа равенства народов; 6. Признание динамизма народной души, но это признание связано с неразрешимой для этнопсихологии проблемой: соотношения динамизма и устойчивости народной души, метания от одного к другому.

Ключевые слова: этнопсихология, парадигма, Г. Лебон, Г. Штейнталь, М. Лацариус, В. Вундт, народная душа.

NATIONAL IDENTITY IN THE PARADIGM OF ETHNOPSYCHOLOGY

Polomoshnov L.A.

The article is devoted to the analysis of the formation and development of ethnopsychology in the XIX century - the beginning of the XX century. The concepts of the school of the psychology of the peoples of GG Shteyntal, M. Lazarius, W. Wundt, as well as the views of G. Lebon and G. Shpet are analyzed.

The author formulates the main features of the paradigm of ethnopsychology: recognition of the people's soul as a supra-individual spiritual formation that characterizes the spiritual specifics of the people. True, in the very understanding of the essence of the people's soul and its structure, the main elements, there is a wide range of opinions; 2. Recognition of the phenomenological manifestation of the people's soul in various forms of the spiritual culture of society and in the mental warehouse of the individual - the representative of a certain people; 3. Confirmation of the method of describing the people's soul according to its phenomenological manifestations in the spiritual and material culture of society; 4. Confirmation of the close connection between the people's soul and the history of the people, but this connection is interpreted in different ways; 5. The pluralism of the people's souls is interpreted mainly on the basis of the humanistic principle of the equality of peoples; 6. Recognition of the dynamism of the people's soul, but this recognition is associated with an intractable for ethnopsychology problem: the relationship of dynamism and the stability of the people's soul, the throwing from one to another.

Key words: *ethnopsychology, paradigm, G. Lebon, G. Steinthal, M. Lazarius, W. Wundt, people's soul.*

Формирование немецкой нации на рубеже XVIII-XIX вв. стимулировало развитие психологии народов, у истоков которой стоит Гегель с его категорией «дух народа». Школа психологии народов – эпигоны Гегеля, психологизировавшие его понятие народного духа и одновременно его мистифицировавшие, но при этом они заложили основы психологической и культурологической методологии исследования национальной самобытности народов, хотя и на идеалистической основе.

Сам термин этнопсихология ввели Г. Г. Штейнталь и М. Лацариус, которые попытались конституировать ее как специфическую научную дисциплину. В 1859 г. они опубликовали «Мысли о народной психологии». Духовная жизнь конкретного народа, по мнению основателей этнопсихологии, включающая в себя язык, религию, право, искусство, науку, быт, нравы - является некой «эманацией народного духа», как носителя коллективного разума, воли, чувств, характера, темперамента и т. п. В концепции основателей этнопсихологии «Народный дух понимается как психическое сходство индивидов, принадлежащих к одному народу и одновременно как их самосознание (народ есть некая совокупность людей, которые смотрят на себя как на один народ, причисляют себя к одному народу).» [1]

Г. Г. Штейнталь и М. Лацариус сформулировали амбициозные задачи психологии народов: 1. психологически познать сущность народного духа и его действия; 2. открыть законы, по которым совершается внутренняя духовная или идеальная деятельность народа в жизни, в искусстве и в науке и 3. открыть основания, причины и поводы возникновения, развития и уничтожения особенностей какого-либо народа. Эти задачи и попытка их теоретического решения выявили принципиальные проблемы этнопсихологии. Одна из основных проблем: проблема существования народного духа как наиндивидуального духовного целого. А отсюда вытекала и вторая проблема: соотношение индивидуального сознания и «народного духа». «В те времена активно отстаивалось субстанциональное существование «надындивидуальной души», подчиненной «надындивидуальной целостности», каковой является народ (нация). Считалось, что индивидуальный характер есть продукт этого целого, звено в некой духовной социально-психологической связи целого

и части. Предполагалось, что все индивиды одной нации имеют черты специфической природы, которая накладывает отпечаток как на физические, так и на духовные характеристики ее представителей. Считалось, что воздействия «телесных влияний» на душу вызывают появление общих социально-психологических качеств у разных представителей одной нации, вследствие чего все они обладают одним и тем же «народным духом» и национальным характером. Однако природа национального характера объявлялась метафизической, а понимание ее затруднительным.» [3]

Серьезной проблемой стал для этнопсихологии также вопрос о методах постижения и теоретического воспроизводства народного духа. Здесь первоначальная этнопсихология не смогла предложить ничего, кроме сомнительного описания проявлений фактически произвольно постулированного народного духа, обнаруживаемых в продуктах надындивидуальной деятельности.

В целом первоначальная версия этнопсихологии не смогла разработать удовлетворительное понятие «народного духа» и решить методологические проблемы. Но безусловно продуктивной оказалась сама постановка задач этнопсихологии и формулировка ее проблем. «Исходя из идеалистических философских посылок, однако, сторонники данной школы начали достаточно ценные попытки комплексного междисциплинарного изучения проблем, связанных с национальным характером и его влиянием на жизнь общества, но вскоре общие позитивистские тенденции экспериментального, а не описательного развития науки привели к их упадку. Понятно, что феномены типа национального характера и национальной психологии в целом невозможно исследовать «экспериментально», поэтому вся данная проблематика отошла в науке на задний план.» [3]

В своей психологии народов ее основоположники не справились с решением ими же сформулированных задач. «В концепции Х. Штейнталя и М. Лацаруса народный дух (психология народа) носит неконкретный, полумистический характер. Авторы не могут определить соотношение динамического и статистического в народной психологии, не могут решить проблему преемственности в ее развитии. Несмотря на это, в их взглядах много позитивного, особенно в постановке и решении методологических проблем создаваемой ими науки... Таким образом, Х. Штейнталь и М. Лацарус первыми попытались построить систему народной психологии как науки.» [4, С.10] Однако идеализация народного духа, игнорирование воздействия на него объективных, внешних, социальных факторов сделало народный дух внеисторическим образованием субстанционального характера, определяющим весь духовный и исторический процесс.

Отталкиваясь от замыслов основателей этнопсихологии, В. Вундт, опираясь на идеалистический тезис о существовании *интерсубъективной реальности* или психологической реальности, разработал свою методологию культурно-исторического познания особенностей «духа» этнокультурных общностей. «Под народным духом, который составляет предметную область новой науки, он понимал высшие психические процессы, возникающие при совместной жизни многих индивидов. То есть народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Народная душа (этническая психология), по Вундту, не имеет неизменной субстанции (как у Х. Штейнталя и М. Лацаруса). Тем самым Вундт закладывает идею развития и не приемлет сведение социально-психологических процессов к некоторому бытию (субстанции), стоящему за ними. Психические процессы, по мнению Вундта, обуславливаются активностью души, что он называет апперцепцией или коллективной творческой деятельностью.» [4, С.11]

Остановимся на отличиях между концепцией Х. Штейнталя и М. Лацаруса и В. Вундта. Во-первых, Вундт отрицает тождество индивидуальной души и народного духа. «Вундт согласен с ними, что *душа народа* вовсе не является бестелесной, независимо от индивидов пребывающей сущностью. Более того – она ничто вне последних. Но он последовательно проводит основополагающую для социальной психологии мысль, что совместная жизнь индивидов и их взаимодействие между собой должны порождать новые явления со

своеобразными законами, которые хотя и не противоречат законам индивидуального сознания, но не сводятся к ним. А в качестве этих новых явлений, иными словами, в качестве содержания души народа им рассматриваются общие представления, чувства и стремления многих индивидов.» [5] Во-вторых, Вундт вводит дисциплинарное различие в науки о народной душе. Психология народов, по его мнению должна объяснять общие законы ее развития. Описание же психических свойств отдельных народов – это задача этнологии, которая является вспомогательной дисциплиной. В-третьих, В. Вундт сужает сферу феноменального проявления народного духа. Он считает, что народный дух выражается в языке, мифах и обычаях, которые образуют тесное единство. «Язык, мифы и обычаи представляют собою общие духовные явления, настолько тесно сросшиеся друг с другом, что одно из них немыслимо без другого... Обычаи выражают в поступках те же жизненные воззрения, которые таятся в мифах и делаются общим достоянием благодаря языку. И эти действия в свою очередь делают более прочными и развивают дальше представления, из которых они проистекают.» [2, С.226]

Искусство, наука и религия, в отличие от Х. Штейнталя и М. Лацаруса, не являются по В. Вундту значимыми проявлениями народного духа и должны быть исключены из предмета психологии народов.

Т.о. с середины XIX века в Германии сложилась школа психологии народов. Основной задачей психологии народа стало изучение содержания «народного духа», которое должно быть раскрыто путём сравнительного изучения языка, мифологии, морали и культуры. Одним из наиболее значимых достижений немецкой школы психологии народов стала 10 томная «Психология народов» В. Вундта.

Определенный вклад в развитие этнопсихологии внес Г. Лебон. По оценке Ю.П. Платонова «Происхождение его системы, представляющей собой несколько вульгаризированное отражение идей предыдущих авторов, связано, скорее всего, с двумя факторами конца XIX в. — начала XX в.: развитием массового рабочего движения и колониальными устремлениями европейской буржуазии.» [4, С.12]

Народная душа по Лебону сводится к душевному строю, или психическому складу определенного народа или расы. «Из психического склада рас вытекают все понятия народов о мире и жизни, их поведение и восприятие мира. Народная душа, определяющая исторический и духовный процесс, состоит из чувств, интересов и верований индивидов и должна изучаться через элементы цивилизации: язык, учреждения, идеи, верования, искусство, литературу; все они суть проявления народной души.» [4, С.12] Лебон выдвинул перспективную идею понимания народной души как некоего «агрегата общих психологических особенностей», который образует некий средний тип (идеальный тип) определенного народа или национальный характер. Впоследствии этот принцип получает детальное развитие в американской этнопсихологии.

Лебон сделал из своего этнопсихологического подхода далеко идущие философско-исторические выводы. Во-первых, он представил народную душу как решающий фактор, определяющий историческую судьбу народа. «Целью этнопсихологических исследований Лебон считал описание душевного строя исторических рас и определение зависимости от него истории народа, его цивилизации. Он утверждал, что история каждого народа зависит от его душевного строя, преобразование души ведет к преобразованию учреждений, верований, искусства.» [4, С.12]

Во-вторых, Лебон использовал идею народной души для разделения народов и рас на первобытные, низшие, средние, высшие. Причем, к высшим расам он относит только европейские народы. Тем самым, Лебон привнес в этнопсихологию дегуманистический элемент расизма. Расистский дух проявился также в том, что в объяснении различий народных душ Лебон отдавал приоритет биологической наследственности. В этнопсихологии XX века дегуманистический, расистский элемент, введенный в нее Лебоном не получил развития, за исключением философии и идеологии фашизма.

Оригинальную концепцию психологии народов в начале XX века предложил

российский философ Г.Г. Шпет, который выступил с резкой критикой В. Вундта и Штейнталя, Лацаруса и других представителей этнопсихологии начала XX века. В своей работе «Введение в этническую психологию» Г. Шпет предлагает интерпретацию этнопсихологии не как объяснительной науки, раскрывающей сущность народной души, а как описательной науки, описывающей феноменальные коллективные психические переживания представителей определенного народа.

««Дух» в этом смысле есть собрание, «связка» характерных черт «поведения» народа; в совокупности с постоянствами «диспозиции» это есть его характер. Как предмет изучения, этот субъективный характер узнается в его объективации, как совокупность реакций народа на окружающие его вещи, на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно данные ему отношения и идеальные образования.

Поэтому «дух», будучи предметом психологии, изучается ею не в объяснительной, устанавливающей абстрактные законы психологии, но и не в индивидуально-описательной психологии, а он может быть предметом только такой «коллективной» психологии, которая лишь описывает и не идет дальше построения типических структур; в случае необходимости «объяснения» последнее почерпается из исторического целого, из расовой биологии, антропологии, социологии и все-таки не из отвлеченной психологии. Если этническая психология есть наука о «духе», то только в этом смысле.» [6, С.93]

Шпет вводит новое понимание народной души, рассматривая ее как специфическую национальную ментальность, формирующуюся в процессе совместных психических переживаний людьми их отношения к созданной ими же духовной культуре, и к социальному и природному миру в целом. Понятие коллективных переживаний Шпет «...не сводит только к эмоциям или только к когнициям. Скорее это то, что в науке наших дней называют *ментальностью*, когда понимают ее не просто как социальные представления, а как эмоционально окрашенную систему миропонимания присущую той или иной общности людей.» [5]

Рассматривая народную душу как некое надиндивидуальное психическое образование, Шпет и здесь предлагает новый, оригинальный принцип. «Пытаясь соотнести личность с миром культуры, Шпет это общее понимает не как усредненное, не как совокупность сходств, а как «тип», являющийся «репрезентантом» той или иной исторической общности (тип китайца, тип мещанина).» [5] Общее – не абстрактный набор черт, а это определенный персонифицированный тип личности, репрезентирующий в себе особенности народной души.

Отсюда следует и новое понимание методов этнопсихологии. «Г. Г. Шпет предлагает изучать не продукты культуры как таковые, а именно переживания людей по их поводу, подчеркивая, что «может быть, нигде так ярко не сказывается психология народа, как в его отношениях к им же «созданным» духовным ценностям». Он говорит о том же, к чему пришла современная наука: о необходимости изучения в психологии *субъективной культуры*.» [5]

На основе своего подхода Шпет разработал новую интерпретацию проблемы соотношения индивидуального и надиндивидуального в народной душе на основе нового принципа этнической идентичности. Каждый конкретный человек не автоматически, самим фактом национальной принадлежности или происхождения приобретает определенный национальный характер и дух, но путем самоидентификации. «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже «переменить» народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять не «произвольно», а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада.» [6, С.371]

Однако, акт этнической самоидентификации должен быть дополнен актом общественного признания. «Шпет отмечает очень важную особенность этнической идентичности, на которую не обращают внимания многие исследователи наших дней: единство человека с народом определяется обоюдным актом признания. Иными словами, чтобы быть членом этнической общности, недостаточно осознания своей к ней

принадлежности, необходимо и признание индивида группой.» [5]

Наш анализ истории развития этнопсихологии в XIX – начале XX вв. позволяет сделать некоторые обобщения. Парадигма этнопсихологии, сложившаяся в результате деятельности немецкой школы психологии народов, Г. Лебона, Г. Шпета и других сформулировала основные категории и проблемы этнопсихологии как специфической научной дисциплины, или точнее, междисциплинарного направления исследований проблемы национальной самобытности исторических субъектов.

Можно выделить общие черты этнопсихологической парадигмы: 1.признание народной души как наиндивидуального духовного образования, характеризующего духовную специфику народа. Правда, в самом понимании сущности народной души и ее структуры, основных элементов существует большой разброс мнений; 2.Признание феноменологического проявления народной души в различных формах духовной культуры общества и в психическом складе личности – представителя определенного народа; 3.Утверждение метода описания народной души по ее феноменологическим проявлениям в духовной и материальной культуре общества; 4.Утверждение тесной связи между народной душой и историей народа, но связь эта интерпретируется по разному; 5.Плюрализм народных душ интерпретируется в основном на основе гуманистического принципа равенства народов; 6.Признание динамизма народной души, но это признание связано с неразрешимой для этнопсихологии проблемой: соотношения динамизма и устойчивости народной души, метания от одного к другому.

Несмотря на разнообразие трактовок народной души разными представителями этнопсихологической парадигмы, можно выделить итоговую интерпретацию народной души в контексте этнопсихологии: это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни людей, их отношение к труду, к другим народам, к своей культуре.

Опыт этнопсихологии XIX – начале XX вв. выявил и ее главные трудности или теоретико-методологические проблемы. Главная трудность и проблема состоит в объяснении природы народной души. Является ли реальностью дух народа, какова его структура и природа?

Второй проблемой является вопрос об адекватных методах исследования народной души. Применимы ли здесь какие-то объективные методы, возможно ли избавиться от субъективизма и психологизма?

Третьей проблемой является вопрос о соотношении динамики и устойчивости народной души, об общих законах и конкретных механизмах динамики народной души.

Четвертой проблемой является вопрос о соотношении народной души, с одной стороны, и культуры и истории народа, с другой стороны.

Решение данных проблем и дальнейшее развитие парадигмы этнопсихологии на новом этапе связано, прежде всего, с американской этнопсихологической школой, ее критикой и современной этнопсихологией.

Литература

- 1.Белик, А.А. Культурология: Антропологические теории культур [Текст] / А.А. Белик. - М. : РГГУ, 1999. - URL: <http://www.countries.ru/library/ideas/pxnk.htm>
- 2.Вундт, В. Проблемы психологии народов [Текст] / В. Вундт. – М., 1998.
- 3.Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии [Текст] / Д.В. Ольшанский. - URL: http://society.polbu.ru/olshansky_psychology/ch58_i.html
- 4.Платонов, Ю.П. Психология национального характера [Текст] / Ю.П. Платонов. - М., 2007.
- 5.Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология [Электронный ресурс] / Т.Г. Стефаненко. – М., 2004. - URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/index.php
- 6.Шпет, Г.Г. Введение в этническую психологию [Текст] / Г.Г. Шпет. – СПб., 1996.

References

1. Belik A.A. Kul'turologiya: Antropologicheskie teorii kul'tur. [Culturology: Anthropological theories of cultures] - M.: RGGU, 1999. URL: <http://www.countries.ru/library/ideas/pxnk.htm>
2. Vundt V. Problemy psikhologii narodov. [Problems of the psychology of peoples] – M., 1998.
3. Ol'shanskiy D. V. Osnovy politicheskoy psikhologii. [Fundamentals of Political Psychology] URL: http://society.polbu.ru/olshansky_psychology/ch58_i.html
4. Platonov Yu.P. Psikhologiya natsional'nogo kharaktera. [Psychology of national character] - M., 2007
5. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. [Ethnopsychology] – M., 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/index.php
6. Shpet G.G. Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu. [Introduction to ethnic psychology] – SPb., 1996.

Поломошнов Лев Андреевич – магистрант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

УДК 340.1

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

Швандерова А.Р. Асташев Р.В.

Статья посвящена рассмотрению сравнительного (компаративного) метода, который, являясь частнонаучным методом исследования права и государства, применяется при сопоставлении и противопоставлении двух и более правовых и политических систем с целью выявления общих, особенных и единичных свойств.

Автор доказывает, что сравнительный метод не может дать полную картину исследуемых явлений. Он лишь упорядочивает разнообразные знания, получаемые от изучения общества, права и государства. Этот метод предлагает практически неограниченный набор решений социально-политических и экономических проблем и предоставляет пытливому исследователю возможность выбрать самое эффективное решение возникшей проблемы.

Ключевые слова. *Метод, сравнительно – правовой (компаративный) метод, алгоритм сравнительного исследования, комплексное исследование, синхронический (синхронный) диахронический (сравнительно-исторический) методы.*

**EFFICIENCY OF PRIVATE SCIENTIFIC METHODS
IN STUDYING HISTORY AND THEORY OF LAW AND STATE**

Shvanderova A.R., Astashev R.V.

The article is devoted to comparative method which, being specially scientific method of research law and the state, used for comparing and contrasting two or more legal and political systems to identify common, special and single properties.

The author proves that the comparative method can not give a complete picture of the phenomena under study. It only regulates the diverse knowledge obtained from the study of society, law and the state. This method offers an almost unlimited set of solutions to socio-political and economic problems and provides an inquisitive researcher the opportunity to choose the most effective solution to the problem.

Keywords: *Method, comparative – legal (comparative) method, the algorithm of comparative research, a comprehensive study, the synchronic (simultaneous) and diachronic (historical-comparative) techniques.*

Юридической науке всегда требовалось применение многообразных методов познания и истории и теорий права и государства, причем как рациональных так и иррациональных. В начале прошлого века Богдан Александрович Кистяковский, теоретик и социолог права, анализируя состояние правовой науки, как отечественной, так и мировой, справедливо отмечал, что ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. Так, размышляя о проблемах познания истории и теории права и государства, говорил о необходимости использования целого арсенала методов для познания сущности государственной власти и права. Ученый полагал, что решение этих задач возможно «...только тогда, когда наряду с юридико-догматическими исследованиями будут произведены историко-политические, социологические, психологические и философско-идеологические исследования...»[4, С.374].

Юриспруденция все более и охотнее привлекает методы и терминологию философии,

социологии, политологии, культурологи, логики, синергетики и других наук для познания юридических явлений.

Можно с уверенностью предположить, что одной из причин такого многообразия является проблема выбора наиболее эффективных методов познания права и государства, являющихся, по мнению одного из основателей научного подхода в познании Френсиса Бэкона, орудиями, совершенствующими саму человеческую мысль. Известное Бэконовское сравнение метода с фонарем, утверждение, что даже хромой, идущий с фонарем по дороге, опередит того, кто бежит без дороги, несколько не утратило актуальности. Метод всегда «держит в руках» судьбу исследования, вооружает познающего субъекта системой принципов, требований, правил, руководствуясь которыми он может достичь намеченной цели - выявить и объяснить закономерности процесса возникновения, развития, смены политико-правовых институтов. Очевидно, что выбрать наиболее эффективные методы исследования невозможно, не прибегнув к изучению накопленного исследовательского опыта.

Рассмотрим сравнительный (компаративный) метод, который, являясь частнонаучным методом исследования права и государства, применяется при сопоставлении и противопоставлении двух и более правовых и политических систем с целью выявления общих, особенных и единичных свойств. В научной и методической литературе справедливо отмечается, что сравнение - имманентная сторона процесса познания, один из основных логических приемов познания внешнего мира. Действительно, познание любого предмета или явления начинается с того, что мы отличаем его ото всех других предметов и устанавливаем его сходство с родственными предметами.

Сравнительно - правовой метод предполагает выявление типов правовых систем, установление связи правовых норм с конкретно-историческими условиями их подготовки и принятия, поскольку право всегда существует в конкретном времени и в реальном пространстве и имеет прошлое, настоящее и будущее. Сравнительно-правовой метод включает *синхронический* (синхронный), изучающий политику и право двух или нескольких государств одной эпохи, и *диахронический* (сравнительно-исторический), исследующий развитие объектов во времени. В этой связи уместно выделить обязательные стадии сравнительного исследования:

- 1) отдельное исследование конкретных политико-правовых институтов с целью выявления их существенных особенностей;
- 2) сравнение выявленных особенностей аналогичных институтов, установление их сходных и различных характеристик;
- 3) анализ и оценивание различий с точки зрения идеи справедливости, целесообразности, эффективности, и других;
- 4) изучение практической реализации исследуемых правовых и политических институтов.

Сравнительный метод может быть использован в различных направлениях исследования правовых и политических институтов:

во-первых, при изучении правовой культуры различных цивилизаций в прошлом и настоящем — их общих и особенных характеристик;

во - вторых, в анализе происхождения отдельных правовых принципов (например: «нельзя быть судьей в собственном деле», «договоренности должны соблюдаться») или отдельных правовых и политических институтов;

в-третьих, в целях комплексного исследования истории отечественной правовой культуры, сравнения с правовой культурой других стран, выявления положительного опыта и недостатков;

в-четвертых, при установлении преемственности и выявлении инноваций в правовых культурах разных стран.

Метод сравнительного анализа получил признание в глубокой древности, его использовали уже древнегреческие и восточные мудрецы. Например, Гомер, живописуя

странствия Одиссея, сравнивал людей, обычаи и традиции, с которыми судьба сводила его героя [8]. Геродот составил классификацию форм правления, явившуюся результатом исследования Персидского государства [8]. Платоновские «Законы» основаны на сравнительном анализе 150 законодательных актов греческих городов – полисов [11]. Аристотель в «Политике» изучил и сравнил 200 различных правовых актов, проанализировал государственное устройство 158 стран и городов-полисов [1, С.1]. Его научные заслуги в плане сравнительного анализа отметил в русский историк Ф. В. Тарановский, сравнивая научный вклад греческого философа с вкладом своих современников: «...этот великий мыслитель классического мира читал лекции по сравнительной политике. Но, к сожалению, почти две тысячи лет оставался он в этом направлении одиноким, без подражателей и продолжателей...» [14].

Римские философы Полибий и Страбон весьма успешно применяли сравнительные исследования. Так, Полибий, сравнив правовые системы современных ему государств, доказал, что право всех государств подчиняется единым законам циклического развития, естественным образом сменяя друг друга [12]. А Страбон в «Географии» сформулировал идею общего правового пространства, в котором законы и обычаи одних народов нередко заимствовались другими [13].

Сравнительный метод использовался и на Древнем Востоке, в основе политической и правовой культуры которого, как известно, доминировало мифологическое мировоззрение, с его идеей божественного происхождения государства и власти Божества или Космического Разума, а земные порядки, будучи всего лишь земным отражением космического порядка, создавались в сравнении с волей Божества или установлениями Космического Разума. Эти представления широко отражены в известном древневавилонском политико-правовом памятнике – Законах Хаммурапи Законах Ману и других источниках древнего права.

В Новое время сравнительный метод развивали и применяли такие европейские ученые, как Р. Салейль, А. Фейербах, Г. Мэн (Мейн). Так, Генри Джеймс Мэн (Мейн) – английский юрист, антрополог, историк и социолог права первым применил историко-правовой метод при сравнении различных правовых культур, находящихся на разных стадиях своего развития [9].

Как известно, сравнительно-правовой метод применяется в юридической науке в трех вариантах – по институтам (макро- и микро- сравнения, по целям (функциональный и теоретический) и по уровням (внутрисистемный, внутринациональный, межсистемный и т. д.). Для нас наибольший интерес представляет функциональный вариант сравнительного метода, поскольку именно такое сравнение является исследованием правовых средств и способов решения похожих социально-правовых проблем в разных правовых системах, поскольку логика сравнения в таком случае и движется от причины к следствию – от социального факта или процесса к его правовому урегулированию. При этом сравнение показывает, что решить одни и те же проблемы можно, комбинируя правовые средства и методы из различных правовых систем и даже разных исторических периодов и , следовательно, дает возможность найти наилучший вариант для своей страны и при этом ни в коем случае не допустить отклонения от правовых принципов национального права.

Кроме того, функциональное сравнение, имея явную социологическую составляющую, должно обязательно выяснить, какую роль в развитии правовых институтов играют помимо экономических, политических и социальных институтов национальные философские и религиозные воззрения и даже климатические и географические условия.

В России сравнительно-правовыми исследованиями и сравнительной историей права занимались П.Г. Виноградов, Ф.В. Тарановский Н.П., М.М. Ковалевский, Загоскин. Н.М. Коркунов, В.И. Сергиевич, С. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич и другие, их взгляды на сущность и эффективность названного метода, его применение в собственных исследованиях оказали огромное влияние не только на развитие историко-правовых знаний, но и на политико-правовую доктрину России, обосновывая ориентиры внутренней и внешней политики

На рубеже XIX- XX веков Российское государство переживало очень сложные перемены – прежде сложившийся правопорядок «трещал по швам», Россия должна была адаптироваться к совершенно новым социально-экономическим и политическим условиям. Осмысление складывающихся сложных социальных процессов требовало внимания ученых разных отраслей науки, в том числе и правоведов, в исследованиях которых важная роль отводилась сравнительному методу. Действительно, «история» применения сравнительного метода в России неразрывно связана с формированием национальных политических и правовых институтов, развитием капиталистических экономических отношений, меняющейся внутренней и внешней политикой. Как справедливо отмечает Г.Г.Небрятенко, «Применение сравнительно-правового метода в различные хронологические периоды... зависит от практической потребности его использования в строительстве национальной правовой системы...» [10, С.10]. При этом применение сравнительного метода требует от исследователя феноменального кругозора – одновременно быть юристом, социологом, историком и философом права.

На самом деле, чтобы подготовить и провести кардинальные правовые реформы, законодатель обязательно должен учесть правовые традиции своего народа, однако, чтобы совершенствовать их, необходимо изучить правовой опыт других стран, чтобы, сравнив, применить у себя лучшее в соответствии с национальными особенностями и создать предпосылки для совершенствования в будущем.

В этой связи несомненный интерес представляет теоретическое наследие российских правоведов конца XIX – начала XX вв.. Так, учёный, историк, юрист, социолог Максим Максимович Ковалевский давал весьма высокую оценку сравнительно-правовому методу, считал, что этот метод способен постичь закономерности социального развития, обозначить вехи истории человечества, замечая у разных народов исторические явления, сходные по экономическим, политическим, культурным, юридическим характеристикам и процессам. [5] Иными словами, учёный считал, что сравнительный метод, основываясь на признании единства, целостности и многообразия человеческой истории, указывает на существование всеобщих закономерностей развития. К сожалению, самому Ковалевскому, находившемуся под влиянием «теории солидаризма» О. Конта, не удалось вывести четкий критерий, выявления этих закономерностей, который бы позволил группировать социальные явления, выделять общие ступени развития, через которые проходят все страны и народы. У Ковалевского речь идет о скорее внешних сходствах, а не о материальных основаниях, например, не на способе производства материальных благ, производственных отношениях. Так, например, учёный считает, что «главным двигателем экономической эволюции является рост населения» [6], а возникновение государства объясняет расширением пределов «замкнутой сферы» [7]. Однако сам Максим Максимович и признавал, что сам по себе сравнительный метод, ценность которого не в открытии новых фактов, а в научном объяснении уже известных, не гарантирует успех исследования; необходимо исследовать общество, государство, право, прибегая к различным методам, синтезируя все положительные результаты.

Павел Гаврилович Виноградов, вошедший в историю науки двух стран – России и Англии, возглавлявший кафедру сравнительного правоведения в Оксфордском университете, также внес значительный вклад в развитие и применение сравнительного метода. Сама научная судьба русского историка, социолога и правоведа, эволюция взглядов ученого на сущность феодализма, сущность права, судьбу римского права после разрушения Римской империи, является убедительным аргументом в пользу применения названного метода в изучении и объяснении правовых и политических явлений

Посвятив себя правовой истории, Павел Гаврилович Виноградов признавал влияние учения Генри Мэна на свою исследовательскую позицию. В частности, в теории Мэна Виноградов выделил ключевые идеи, которые, по его мнению, должны были составить основание как сравнительно-правового метода исследования, так и концепции сравнительной юриспруденции в целом. Это, во-первых, идея о том, что «изучение права

является не только подготовкой к выполнению профессиональных обязанностей и введением в искусство разрешения профессиональных проблем. Оно может рассматриваться также как предмет науки». Во-вторых, это идея о том, что «в изучении права могут применяться два метода научного исследования: метод дедуктивного анализа на основе абстракций от настоящего состояния юридических идей и норм, и метод индуктивной генерализации на основе исторических и этнографических наблюдений». В-третьих, идея о том, что «в области индуктивной юриспруденции, право проявляет себя в качестве одного из выражений истории, и история берется в самом широком смысле всего знания относительно социальной эволюции человечества». В-четвертых, это идея о том, что «исторический метод юриспруденции является неизбежно сравнительным методом». Основываясь на этих идеях, П.Г. Виноградов, в «Очерках по теории права. Римское право в средневековой Европе» провел глубокий анализ многочисленных законодательных актов, завещаний, дарственных грамот, арендных договоров и другие документов, которые отражали характер землевладения, социальной структуры и политического строя в Лангобардском королевстве. Именно благодаря тщательному сравнительному анализу названных документов ученый выделил в феодальном порядке Лангобардии и романские, и германские элементы, определил их сходные и уникальные характеристики и сделал вывод о феодализме как о всеобщем политико-правовом явлении. Да и интерес к самому феномену феодализма Виноградов объяснял тем, что «феодализм есть не местное, случайное или мелкое, а всемирно-историческое явление (то есть, критерий для сравнения. – Прим. автора), исследование по его образованию имеет интерес не только для историков какой-либо западноевропейской страны, но и для русского, изучающего всемирно-историческое развитие.» [2, С.1]

К методу сравнительного анализа П.Г. Виноградов обращался постоянно, изучая право как социальное явление, сравнивая социальные нормы, целью которых является установление правил поведения, П.Г. Виноградов, например, пришел к выводу, что правовые нормы во все времена объединяет то, что они пребывают в тесном родстве с нормами морали. «Право не может быть оторвано от морали, поскольку оно ясно содержит, как один из своих элементов, понятие правильности, которому соответствует моральное начало справедливости. Этот принцип был признан великим римским юристом, Ульпианом, в его знаменитом определении справедливости: «Жить честно, не вредить своему ближнему, воздавать каждому должное». Более того, правовые установления выполняют такие же важные социальные функции как устройство государства или способ разделения власти в государстве, и основой права служит не принуждение, а соглашение.

Сравнение ученый использовал, сравнивая социальное устройство западноевропейских стран и России. Так, П.Г. Виноградов оценил освобождение крестьян как «мирную революцию», которая изменила экономическую структуру общества, вызвав к жизни другие реформы — политическую, административную и правовую... А проведение правовой реформы, воплотившей лучшие достижения западноевропейской правовой мысли и практики применительно к российским условиям, должно было привести к утверждению современных политических достижений. [3]

Сравнение позволило П.Г.Виноградову отчетливо увидеть и недостатки российских реформ. Так, говоря об освобожденном крестьянстве, ученый указывал на сохранившееся приниженное состояние «свободных» крестьян, а сохранение общины, по его мнению, привело к зависимости крестьян от этого древнего института.

Таким образом, сам по себе сравнительный метод, конечно, не может дать полную картину исследуемых явлений. Оно лишь упорядочивает разнообразные знания, получаемые от изучения общества, права и государства. С помощью сравнения мы устанавливаем сходства и различия социальных явлений, выделяем повторяющиеся, устойчивые последствия, воспринимаем историю права и государства как историю целостную и в то же время многообразную, несущую в себе элементы преемственности и новизны в каждом своем конкретно-историческом состоянии, включая и современное. Иными словами, сравнительный метод, предлагает практически неограниченный набор решений социально-

политических и экономических проблем и предоставляет пытливому исследователю возможность выбрать самое эффективное решение возникшей проблемы.

Литература

1. Аристотель. Политика [Текст] : Книга третья. - М., 2002.
2. Виноградов, П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии [Текст] / П.Г. Виноградов. - СПб., 1880.
3. Виноградов, П.Г. Россия на распутье. Историко – публицистические статьи [Текст] / П.Г. Виноградов. - М., 2008.
3. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права [Текст] / Б.А. Кистяковский. - М., 1916.
4. Ковалевский, М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции [Текст] / М.М. Ковалевский. - М., 1880.
5. Ковалевский, М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века [Текст] / М. Ковалевский // История нашего времени. Современная культура и ее проблемы. - СПб., 1914. - т. VII. Вып. 27.
6. Ковалевский, М.М. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии [Текст] : Т.3 Итоги науки в теории и практике / М.М. Ковалевский. - СПб., 1914.
7. Лафитский, В. Сравнительное правоведение в образах права [Текст] / В. Лафитский. - М., 2010.
8. Мэн, Г. Древнейшая история учреждений [Текст] / Г. Мэн. - Изд. 2-е. - М., 2011.
9. Небратенко, Г.Г. Хронология развития российской сравнительно-правовой науки [Текст] / Г.Г. Небратенко // Сравнительное правоведение в российском и мировом образовательном пространстве: история и современность : сборник трудов международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д, 2013.
10. Платон. Сочинения [Текст] : в 4 т. - М., 1990–1994.
11. Полибий. Всеобщая история [Текст] : кн.3. - М., 1890–1899.
12. Страбон. География [Текст] : в 17 кн. - М., 1964.
13. Цечоев, В.К. История юридической науки России [Электронный ресурс] : электронный учебник / В.К. Цечоев, Л.П. Рассказов. - Ростов-на-Дону, 2015.

References

1. Aristotel'. Politika. Kniga tret'ya. [Policy. The third book.] - M., 2002.
2. Vinogradov P.G. Proiskhozhdenie feodal'nykh otnosheniy v Langobardskoy Italii. [The origin of feudal relations in Lombard Italy] - SPb., 1880.
3. Vinogradov P.G. Rossiya na rasput'e. Istoriko – publitsisticheskie stat'i. [Russia at the Crossroads. Historical and journalistic articles] - M., 2008.
3. Kistyakovskiy B.A. Sotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchey teorii prava. [Social sciences and law. Essays on the methodology of social sciences and general theory of law] - M., 1916.
4. Kovalevskiy M.M. Istoriko-sravnitel'nyy metod v yurisprudentsii. [Historical and comparative method in jurisprudence] - M., 1880,
5. Kovalevskiy M. Ocherk istorii razvitiya sotsiologii v kontse XIX i nachale XX veka [Essay on the history of the development of sociology in the late XIX and early XX century] // Istoriya nashego vremeni. Sovremennaya kul'tura i ee problemy, t.VII, vyp.27. - SPb., 1914.
6. Kovalevskiy M.M. Proiskhozhdenie sem'i, roda, plemeni, sobstvennosti, gosudarstva i religii. (Itogi nauki v teorii i praktike, t.3). [Origin of the family, clan, tribe, property, state and religion. (The results of science in theory and practice, vol. 3)] - SPb., 1914.
7. Lafitskiy V. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazakh prava. [Comparative jurisprudence in

images of law] - М., 2010.

8. Men G. Drevneyshaya istoriya uchrezhdeniy. [The most ancient history of institutions] - Izd. 2-e. - М., 2011.

9. Nebratenko G.G. Khronologiya razvitiya rossiyskoy sravnitel'no-pravovoy nauki [Chronology of the development of the Russian comparative-legal science] // Sravnitel'noe pravovedenie v rossiyskom i mirovom obrazovatel'nom prostranstve: istoriya i sovremennost'. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Rostov n/D, 2013.

10. Platon. Sochineniya. v 4 t. [Compositions] - М., 1990–1994.

11. Polibiy. Vseobshchaya istoriya. Kn.3. [General history. Book 3.] - М., 1890–1899.

12. Strabon. Geografiya. V 17 kn. [Geography. In 17 books.] - М., 1964.

13. Tsechoev V.K., Rasskazov L.P. Istoriya yuridicheskoy nauki Rossii. Elektronnyy uchebnyk. [History of legal science in Russia. Electronic textbook] - Rostov-na-Donu, 2015.

Швандерова Алла Романовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ФГБОУ ВО Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия. **E-mail:** ashvanderova@yandex.ru

Асташев Роберт Владимирович - магистрант ФГБОУ ВО Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия.

УДК 332

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Брик А.Д., Прохорова Т., Данилова О.

Проблема фальшивомонетничества несет ряд негативных последствий для экономики государства, таких как: угроза экономической безопасности, подрыв устойчивости национальной валюты, снижение реальной стоимости денежной массы, находящейся в обращении, создание препятствий Центральному банку для регулирования денежного обращения.

В статье рассматриваются проблемы юридической квалификации фальшивомонетничества и вопросы практической борьбы с фальшивомонетничеством. Автор подчеркивает, что в уголовном праве за данное деяние ответственность наступает не только за изготовление, но и за их хранение, сбыт и перевозку.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, общественно опасное деяние, юридическая ответственность.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FALSE MATERNITY

Brik A.D., Prokhorova T., Danilova O.

The problem of counterfeiting carries a number of negative consequences for the economy of the state, such as: the threat of economic security, undermining the stability of the national currency, reducing the real value of the money supply in circulation, creating obstacles for the Central Bank to regulate monetary circulation.

The article deals with the problems of legal qualification of counterfeiting and the issues of practical struggle against counterfeiting. The author emphasizes that in the criminal law for this act the responsibility comes not only for the manufacture, but also for their storage, sale and transportation.

Key words: counterfeiting, a socially dangerous act, legal liability.

Проблема фальшивомонетничества несет ряд негативных последствий для экономики

государства, таких как: угроза экономической безопасности, подрыв устойчивости национальной валюты, снижение реальной стоимости денежной массы, находящейся в обращении, создание препятствий Центральному банку для регулирования денежного обращения. С обозначенными проблемами государство активно борется, предусматривая за это деяние уголовную ответственность.

В уголовно-правовой литературе объект преступления определяется как общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые общественно опасное деяние направлено и которым причиняется вред или создаётся реальная угроза такого вреда. [1, С. 110] Общим объектом преступления является совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Непосредственным же объектом при этом определяются те общественные отношения, на которые конкретно направлено общественно опасное посягательство. Не само изготовление фальшивых денежных знаков, а их, сбыт, ввод в обращение наносят существенный ущерб денежному обращению.

Учеными-правоведами подчеркивается многоплановость ущерба от фальшивомонетничества, имеющего социальный, политический, финансовый и хозяйственный аспекты. К ним относятся: упущенная выгода за неполученную прибыль от неосуществленной эмиссии; снижение доверия к денежным знакам на финансовом рынке; дискредитация органов государственного управления и правоохранительных органов; способствование росту инфляции; искусственное увеличение внутреннего и внешнего долга; нарушение прерогативы государства на эмиссию денежных знаков и ценных бумаг государственного займа; снижение активности частных инвесторов на рынке ценных бумаг; снижение уровня управляемости макроэкономическими процессами посредством эмиссии денежных знаков и ценных бумаг и др. [2, С. 74].

Вышеназванное деяние, по утверждению Т.В. Пинкевича, нарушает отношения, складывающиеся в сфере кредитно-денежного обращения государства [3, С. 146]. Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ являются финансовые отношения. Специфической особенностью финансовых отношений является то, что они, будучи отношениями имущественными, в то же время являются властеотношениями.

В сфере финансов современные уголовные законы охраняют сферу наличного денежного обращения, систему безналичных расчетов, сферу обращения ценных бумаг и иных финансовых инструментов, а также бюджетные отношения, прежде всего, налоговые отношения в части формирования бюджетов за счет взимания налогов и сборов. Объектом данного вида преступления выступают общественные отношения, которые возникают в сфере денежного обращения. А предметом – купюры, монеты и ценные бумаги, как Российской Федерации, так и иных иностранных государств, находящиеся в обращении в период преступления [4].

В уголовном праве за данное деяние ответственность наступает не только за изготовление, но и за их хранение, сбыт и перевозку. При этом под изготовлением понимается, как полное изготовление, так и частичное. Однако, если купюра, не походит на настоящую, то это деяние не является преступлением, наказуемым статьей 186, а рассматривается статьей 159 УК РФ «Мошенничество». Под хранением понимается, действие, связанное с нахождением поддельных денег и ценных бумаг у лиц, их изготовивших, в течение определенного времени. Перевозкой является любое перемещение фальшивых денег и ценных бумаг из одного места в другое, при участии лица их изготовивших.

Сбытом поддельных денег в уголовном праве является любая передача поддельных купюр, в качестве средства платежа. Так, если при обмене «фальшивкой» продавец и покупатель знали, что купюры не настоящие, то покупатель, будет обвиняться как пособник в сбыте фальшивых купюр, а продавец, как исполнитель в сбыте. Если же какому-то лицу попались фальшивые купюры и их уже нельзя вернуть обратно в силу каких-либо обстоя-

тельств, и при этом лицо решает сбыть данные деньги тем же способом, что и получило, то за это последует уголовная ответственность по статье 186 УК РФ. Если же попадаетея «фальшивка» и лицо не знает об этом вплоть до задержания, то это действие не является уголовно наказуемым, так как не имеет состава преступления.

Центробанк в настоящее время констатирует, что количество поддельных денег растет. Так, в России в декабре 2014 г. произошел резкий скачек инфляции, в связи с чем для поддержки государственной валюты Центробанк выпустил в обращение дополнительные средства. Именно в этот период возросла такая государственная проблема, как фальшивомонетничество. За первые 6 месяцев 2014 г. их число увеличилось, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года более чем на 7%. Номинальная стоимость выявленных фальшивок на этот период выросла на 48 %, такой рост произошел из-за увеличения количества поддельных пятитысячных купюр.

Так, например, крупнейшая подпольная сеть по производству и сбыту фальшивых пятитысячных купюр ликвидирована на западе страны. Деньги подделывали в Дагестане, а распространяли в основном в центральном федеральном округе и часть полученных незаконным образом средств шла на поддержку бандформирований на Северном Кавказе. В Хабаровске полицейские направили в суд уголовное дело в отношении организованной группы, которая занималась изготовлением и сбытом поддельных купюр. При этом качество подделок было настолько высоким, что их принимали даже банкоматы. Сейчас, по словам специалистов, встречаются фальшивки такого качества, что от подлинных их отличить можно лишь при наличии специальной достаточно сложной техники. В Ростовской области также отмечались подобные случаи сбыта фальшивых, также в основном пятитысячных купюр, (например, в городах Шахты, Новошахтинске) в 2015-2016 гг.

Таким образом, на наш взгляд, главной причиной, обозначенной проблематики является отсутствие у работников обслуживающих организаций специальных устройств, выявляющих фальшивые купюры. При наличии специальных аппаратов как показывает практика, продавцы магазинов неоднократно выявляют фальшивые купюры.

Считаем целесообразными предложения некоторых ученых-правоведов, что для единообразного применения уголовного закона, учитывая степень общественной опасности, необходимо дополнить диспозицию ст. 186 УК квалифицирующим признаком: «совершенные в особо крупном размере». В настоящее время фальшивомонетничество приобретает все более организованный характер, это значительно увеличивает его общественную опасность. В связи с этим, наряду с особо квалифицирующим признаком «совершенные организованной группой», целесообразно включить квалифицирующий признак: «совершенные группой лиц по предварительному сговору», поскольку групповой способ деяния существенно повышает его общественную опасность.

Итак, фальшивомонетничество – глобальная проблема, с которой можно и нужно бороться, что довольно успешно делает наше государство. Как показала статистика, в 1 квартале 2015 г. количество фальшивых купюр составляло 19 тыс. 881, а в 1 квартале 2016 г. уже 16 тыс. 545 штук. Это говорит о том, что государство эффективно ведет борьбу с фальшивомонетничеством, а также о том, что существующее юридическое обеспечение этой борьбы вполне достаточно.

Литература

1. Пинкевич, Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации [Текст] / Т.В. Пинкевич. - Ставрополь, 2010. - 368 с.
2. Уголовное право России. Общая часть [Текст] : учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. - М. : Юрист, 2009. - 820 с.
3. Юров, А.В. Деньги: выпуск, защита от подделки, борьбы с фальшивомонетничеством [Текст] / А.В. Юров, В.В. Лютов // Деньги и кредит. - 2012. - №4. - С. 36-38.
4. knowledge.allbest.ru

References

1. Pinkevich T.V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: ugolovno-pravovaya kharakteristika, sistema, osobennosti kvalifikatsii. [Crimes in the sphere of economic activity: criminal-legal characteristic of the system, especially qualifications] - Stavropol', 2010. - 368 s.
2. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': Uchebnik. [Criminal law of Russia. General part: the Textbook] / Otv. red. B.V. Zdravomyslov. - M.: Yurist, 2009. - 820 s.
3. Yurov A.V. Den'gi: vypusk, zashchita ot poddelki, bor'by s fal'shi-vomonetnichestvom [Money: edition, anti-counterfeiting, anti-counterfeiting] / A.V. Yurov, V.V. Lyutov // Den'gi i kredit. - 2012. - №4. - S. 36-38.
4. knowledge.allbest.ru

Брик Анна Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории экономики, менеджмента и права ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет». E-mail: brikad@mail.ru

Прохорова Т. – студентка экономического факультета Донского государственного аграрного университета.

Данилова О. – студентка экономического факультета Донского государственного аграрного университета.

УДК 340.1

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: РЕАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР

Швандерова А.Р., Асташев Р.В.

Статья посвящена проблемам и перспективам медиации как одной из технологий альтернативного решения и урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны.

Институт медиации, приобретающий сегодня все большее признание гражданского общества, может использоваться, на наш взгляд, не только как самостоятельная процедура для эффективного разрешения спора, но и как целенаправленная социальная программа формирования целевого ценностного пространства для возрождения и формирования социально-значимых ориентиров.

Главным же социальным субъектом такого формирования является образование как социально-правовая практика, осуществляемая на системной основе, заключающаяся не только в обучении молодых граждан основным положениям законодательства, но и поднимающая престиж интересной, творческой профессиональной деятельности, убеждающая в ценности общественно-политической активности, формирующая потребность и веру в социальную справедливость и имеющая направленность на формирование правомерного поведения.

Ключевые слова: гражданское общество; институт гражданского общества; институционализация; медиатор; медиация.

THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN STATE: IMPLEMENTATION OF ALTERNATIVE LEGAL PROCEDURES

Shvanderova A.R., Astashev R.V.

Article is devoted to problems and prospects of mediation as one of alternative technology solutions and dispute settlement with participation of a third neutral, impartial, not interested in

this conflict of parties.

The Institute of Mediation, which is gaining more and more recognition of civil society today, can be used, in our opinion, not only as an independent procedure for the effective resolution of a dispute, but also as a purposeful social program for the formation of a target value space for the revival and formation of socially significant landmarks.

The main social subject of such a formation is education as a social and legal practice carried out on a systemic basis, which consists not only in educating young people for the main provisions of legislation, but also raising the prestige of interesting, creative professional activity, convincing in the value of socio-political activity, And faith in social justice and having a focus on the formation of legitimate behavior.

Key words: *civil society; civil society institutions; institutionalization; mediator; mediation.*

Концепция Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 гг.» определила ряд мероприятий по внедрению примирительных процедур в сфере развития правосудия. Перспективными альтернативными юридическими процедурами, которые могут получить применение в России, в настоящее время являются медиация, третейский суд, переговоры, фасилитация.

В январе 2011 года в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. Закон создал правовые основания для становления и развития института медиации в России, определил условия и основания применимости медиации как самостоятельного способа урегулирования правовых споров, что явилось практическим шагом к реализации мероприятий по внедрению примирительных процедур, предусмотренных Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013—2020 гг.». Особенностью этого способа урегулирования правовых споров является то, что он может применяться как альтернатива существующим юрисдикционным механизмам, так и наряду с ними. В частности, если участники правового спора обратились в суд, в третейский суд с заявлением о разрешении спора, это не исключает возможности обращения к медиатору с просьбой об его урегулировании с применением процедуры медиации. Так же как и урегулирование спора посредством медиации не исключает права на обращение за судебной защитой.

В настоящее время можно подвести некоторые итоги функционирования этого института гражданского общества. Верховный Суд РФ обобщил практику применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и пришел к выводу, что «...после возбуждения производства по делу стороны используют медиацию по следующим категориям рассматриваемых судами общей юрисдикции споров:

возникающих из брачно-семейных отношений (о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества супругов, о признании брачного договора недействительным, об определении места жительства ребенка, об определении порядка общения с ребенком, об оспаривании отцовства, о возврате ребенка);

возникающих из земельных правоотношений (об определении границ земельного участка, о выделе земельного участка, об устранении нарушения прав владельца земельного участка, об устранении препятствий в пользовании земельным участком, об установлении сервитута, об определении порядка пользования земельным участком);

наследственных (о разделе наследственного имущества);

жилищных (об определении порядка пользования жилым помещением, о выселении, об устранении препятствий в пользовании жилым помещением, о соразмерном уменьшении покупной цены квартиры, о выделе доли в натуре);

о защите прав потребителей;

о взыскании суммы по договору займа, кредитному договору;

о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло- и

электроэнергию;

трудовых (об установлении факта трудовых отношений, взыскании задолженности по заработной плате, о выплате суммы по трудовому договору, о восстановлении на работе);

иных (о возмещении материального ущерба, о взыскании задолженности по договору строительного подряда, о взыскании суммы неосновательного обогащения, о возмещении ущерба, причиненного в результате пожара, о признании, прекращении права собственности, о признании строения самовольной постройкой, о возмещении вреда здоровью, о компенсации морального вреда, о возмещении вреда, причиненного преступлением, о сносе самовольной постройки, о взыскании вреда, причиненного ДТП, о признании недействительным договора дарения; об оспаривании сделок, об истребовании имущества из чужого незаконного владения). [7].

Более того, сегодня среди отечественных юристов не утихают споры о возможности применения медиации в уголовном процессе. Так, например, в УК РФ закреплена норма, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Согласно статье 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Из текста данной статьи можно предположить, что для примирения указанного лица с потерпевшим также может применяться процедура медиации. Правда, примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим возможно только по преступлениям, относящимся к категории небольшой или средней тяжести, в том числе по делам частного обвинения (ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК). При этом, как верно отмечает В.М. Лебедев, преступление небольшой или средней тяжести должно быть совершено впервые, а само примирение сочетаться с заглаживанием виновным причиненного потерпевшему вреда [2].

Столь активное обращение на практике к способам альтернативного разрешения споров свидетельствует, на наш взгляд, о последовательном и *неуклонном формировании в России институтов развитого гражданского общества* - свободного, плюралистического рыночного общества, где нет места режиму личной власти, тоталитаризму, насилию над людьми, где уважают закон и мораль, принципы гуманизма и справедливости, и где центральное место занимает человек, гражданин, личность, его права и свободы.

Правовые феномены, как и все социокультурные явления, всегда существуют и развиваются в социуме, в его пространстве и времени, и вне этих параметров не могут быть поняты. Поэтому право на альтернативную процедуру урегулирования споров, воплощающее течение времени, также необходимо рассматривать в параметрах прошлого, настоящего и будущего.

В России институты примирительных процедур и мирового соглашения начали формироваться с конца XIV века [1; 8]. Впервые в российском законодательстве об урегулировании споров путем мирового соглашения упомянуто в Новгородской берестяной грамоте (1281-1313 годы).

Затем упоминания о мировом соглашении встречаются практически во всех крупных памятниках русского права: Псковской Судной грамоте (1397 год), Судебнике Ивана III (1497 года), Соборном уложении 1649 года. В то время мировая сделка могла заключаться во всей области спорных правоотношений, включая преступления, проступки и гражданские правонарушения.

В России довольно продолжительное время (с 1775 по 1862 годы) существовали губернские совестные суды, которые были созданы по указу императрицы Екатерины Великой. Совестный суд рассматривал гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные (малолетних, невменяемых и т.п.). Споры между родителями и детьми были изъяты из подсудности обычных судов и были переданы на разбирательство совестного суда. Иные дела совестные суды рассматривали лишь в том случае, если к ним обращались сами стороны по обоюдному согласию. Совестный суд

вырабатывал условия для примирения самостоятельно или через особых посредников. Если попытка примирения не имела успеха, то стороны для разрешения спора обращались в общие суды.

Огромное значение имели примирительные процедуры и мировое соглашение в спорах крестьян. Склонность крестьян решать дела примирением, как отмечалось исследователями рубежа XIX-XX вв., глубоко коренилась в условиях жизни крестьянского сословия, его быте предшествующих и рассматриваемого периодов. Обычай решать дела мировую получил законодательное признание в Указе от 15 мая 1808 г., которым был учрежден местный суд для удельных крестьян. Судьям было вменено в обязанность склонять стороны к миру, а если мир не состоится, представлять дело в удельный приказ. Затем этот обычай был закреплен в Общем Положении о крестьянах, установленном Законом 1861 г., обязавшим судей волостных судов склонять стороны к миру.

Во второй половине XIX – начале XX века в России отмечается масштабный прорыв в понимании значения мирного урегулирования споров. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 года (Устав), принятого в ходе судебной реформы, имелась целая глава «О примирительном разбирательстве». По Уставу спорящие стороны могли прекратить процесс по взаимному соглашению. Судебная статистика второй половины XIX века свидетельствует о том, что значительное количество дел в судах оканчивались в связи с заключением сторонами мировой сделки. Русские купцы не любили судебных разбирательств: если у купца было денежное требование к коллеге по профессии, то он брал кусок угля и писал требуемую сумму на воротах у должника, чтобы о долге знала вся округа. Если потом кредитор стирал свою надпись, это означало, что либо он простил долг, либо сторонам удалось достичь в этом деле урегулирования, либо должник обанкротился.

Мировое соглашение использовалось до революции 1917 года также в отношениях, связанных с несостоятельностью (банкротством).

В СССР гражданское процессуальное право в значительной степени утратило дореволюционные традиции правового регулирования института примирения сторон. Так, в основе первого советского Гражданского процессуального кодекса РСФСР, принятого на 2 сессии ВЦИК X созыва 7 июля 1923 года лежал следственный тип гражданского процесса. И хотя ГПК 1923 года и предусматривал возможность сторонам окончить дело миром, законодательство чрезвычайно скупое регулировало данный институт, предоставляя крайне большой простор для судейского усмотрения в этом вопросе, а Пленум Верховного Суда ориентировал суды на возможность заключения мировой сделки только при разборе мелких гражданских дел.

При этом советское законодательство не возлагало на суд обязанности склонять стороны к мировому соглашению, а предписывало ему лишь разъяснять сторонам такое право и строго следить за законностью соглашения.

Однако, начиная с 60-х годов XX века, наметилась тенденция к признанию мировых соглашений принципиально лучшим способом разрешения гражданско-правового спора, чем судебное решение. А в начале 90-х годов прошлого века в российском юридическом сознании произошел качественный скачок в понимании примирительных идей в системе правосудия. Это обусловлено объективными обстоятельствами, связанными с освобождением от тоталитарной социалистической догматики и формированием нового свободного российского правосознания. Нынешний период развития России характеризуется устойчивой тенденцией к расширению самоорганизующихся начал гражданского общества и, соответственно, сокращению пределов автономности государства. Так, с принятием Конституции РФ 1993г. взаимоотношения государства и гражданского общества вышли на новый уровень, теперь они строятся на принципах законности и приоритета прав и свобод человека и гражданина, определяющих правовой статус человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах. Сложилось представление о правах индивида; с их осознанием и признанием, эволюцией параллельно возникли и развиваются представления об

альтернативных институтах защиты прав и свобод человека, одним из которых является сегодня медиация - социокультурное явление, исторически сложившаяся форма разрешения споров, с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны - медиатора, результатом которого является либо полное разрешение противоречий, либо сопоставление удовлетворительным образом интересов и намерений сторон.

Основной задачей ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г., на наш взгляд, является институционализация медиации - определение и закрепление социальных ценностей, норм, образцов поведения, статусов и ролей, приведение их в систему, т.е. создание основ для этого нового механизма и регулирование его в правовом пространстве нашей страны.

Действительно, одна из главных целей принятия настоящего федерального закона [8] заключается в создании правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица - медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений. Закон закрепляет модель частной медиации, которая позволяет формировать новый институт урегулирования правовых споров, выделяет четыре основных принципа медиации: добровольность; конфиденциальность; сотрудничество и равноправие сторон; беспристрастность и независимость.

Закон определяет социальный статус медиатора, обусловленный задачами, возложенными на него сторонами спора, - без судебных или административных тяжб привести конфликтующие стороны к взаимоприемлемому соглашению в рамках конструктивного переговорного процесса - процедуры медиации. При этом сама процедура не является состязательным процессом, а медиатор не выступает арбитром, посредником между сторонами или представителем какой-либо стороны спора, не обладающим правом принимать решение по спору. Медиатор содействует сторонам в разрешении споров; в Законе определен и правовой статус медиатора, установлены требования к медиатору, его права и обязанности. Процессуальный статус сформулирован в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2010 г. N 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [9].

Таким образом, законодатель полностью институционализировал процедуру медиации как легитимный способ урегулирования правовых споров, что является основанием для ее дальнейшего применения в различных сферах юрисдикционной деятельности: адвокатской и нотариальной практике, судебных процессах, в работе судебных приставов-исполнителей, создал условия для интеграции медиации в российскую правовую культуру. При этом законодатель подчеркивает, что предлагаемый способ урегулирования спора не подменяет собой уже существующие институты, а дополняет их, предоставляя гражданскому обществу новые возможности в мирном урегулировании возникших разногласий; в реализации закрепленных в Конституции России принципов, предоставляющих право гражданам как членам общества участвовать в осуществлении правосудия. И, несмотря на то, что гражданское общество в России в настоящее время еще находится в стадии формирования, оно в известной мере уже способно решать возникающие проблемы без обращения к силовым органам государства, используя для этого методы цивилизованного общественного саморегулирования.

Однако важной предпосылкой дальнейшего развития гражданского общества является постоянное расширение негосударственных общественных отношений (политических, экономических, социальных, культурных, нравственных, семейных, религиозных), регламентированных не только нормами права, но и иными социальными нормами, для

развития которых государство призвано создавать благоприятные условия, поскольку зрелость гражданского общества как раз и определяется разнообразием механизмов саморегулирования, возможностью субъектов общественных отношений самостоятельно устанавливать правила поведения и контролировать их соблюдение.

Поэтому институт медиации, приобретающий сегодня все большее признание гражданского общества, может использоваться, на наш взгляд, не только как самостоятельная процедура для эффективного разрешения спора, но и как целенаправленная социальная программа формирования целевого ценностного пространства для возрождения и формирования социально-значимых ориентиров.

Главным же социальным субъектом такого формирования, по нашему мнению, сегодня является образование - целевая образовательная деятельность (социально-правовая практика), осуществляемая на системной основе, заключающаяся не только в обучении молодых граждан основным положениям законодательства, но и поднимающая престиж интересной, творческой профессиональной деятельности, убеждающая в ценности общественно-политической активности, формирующая потребность и веру в социальную справедливость и имеющая направленность на формирование правомерного поведения. Поэтому программа медиации могла бы стать одной из самых эффективных интерактивных образовательных программ - внедрения в образовательных учреждениях одновременно самого старого и самого молодого способа разрешения разнообразных социальных противоречий. Сегодня имеется статистика, к сожалению, только зарубежная, подтверждающая, что внедрение программ медиации в образовательных учреждениях не только снижает уровень деструктивной девиантности, но и повышает самооценку, воспитывает осмысленную самостоятельность в выборе жизненных ориентиров у студенческой молодежи, формирует зрелую гражданскую позицию молодого поколения и во всяком случае реализует принцип разрешения социальных противоречий, сформулированный Кальдероном: «Верней побеждает тот, кто побеждает без кровопролития» [4]. Студенты – глаза и уши любого образовательного учреждения. Научив их навыкам медиации, образовательные учреждения дадут возможность молодому поколению стать позитивно активными лидерами, бороться со всякого рода негативом, выработать чувство ответственности за изменение ситуации, ведь в процессе медиативного взаимодействия его стороны самостоятельно, исходя из своих интересов, ценностных предпочтений и наличных обстоятельств, осуществляют взаимные уступки и на этой основе устанавливают границы и условия совместного существования и регулируют взаимоотношения.

Нормативной базой такой интерактивной образовательной программы, несомненно, должно стать Постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2010 г. N 969 «О программе подготовки медиаторов»[3] и ее утверждение Минобрнауки [6] что, с одной стороны, повысит социальный статус образовательного учреждения, с другой, даст возможность привлекать к сотрудничеству различных социальных субъектов, будет способствовать совершенствованию и внедрению интерактивных образовательных стандартов в сфере правовой подготовки, привлечению инновационных образовательных технологий, обеспечит финансовую поддержку.

Предложенная социальная практика, на наш взгляд, позволит качественно изменить подхода к ценностно-воспитательной деятельности образовательного учреждения; формированию позитивной социально-правовой ответственности, которая проявляется в положительном отношении личности к совершенным проступкам, основанным на чувстве долга, добросовестности, исполнении возложенных на нее обязанностей и, несомненно, явится важным фактором снижения аберрантности студенческой молодежи – готовности к девиантным и делинквентным формам поведения. Кроме того, ликвидация пробелов в познании права через внедрение в программы учебных заведений различных курсов, посвященных альтернативному разрешению споров, позволит расширить профессиональную базу будущих медиаторов.

Литература

- 1.Исаев, И.А. История государства и права России [Текст] / И.А. Исаев. - М.2001.
- 2.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Постатейный) [Текст] / Под ред. В.М. Лебедева. - Издание третье, дополненное и исправленное. - М. : Юрайт, 2004.
- 3.Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 гг.» [Текст].
- 4.Лутс, Д. Программа обучения посредничеству при конфликтах (медиации) в школе [Текст] / Д. Лутс. - Association of Universities and Colleges of Canada, 2009.
5. «О программе подготовки медиаторов» [Текст] : постановление Правительства Российской Федерации № 969 от 3 декабря 2010 г.
6. «Об утверждении программы подготовки медиаторов» [Текст] : приказ Минобрнауки РФ № 187 от 14 февраля 2011 г.
- 7.«Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
8. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Текст] : Федеральный закон РФ № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г.
9. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Текст] : Федеральный закон РФ № 194-ФЗ от 27 июля 2010 г.

References

- 1.Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. [History of the state and law of Russia] - M.2001.
- 2.Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (Postateynny) [Kommentariy to the Criminal Code of the Russian Federation (post-article)] / Pod red. V.M. Lebedeva. Izdanie tret'e, dopolnennoe i ispravlennoe. - M.: Yurayt, 2004.
- 3.Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy «Razvitie sudebnoy sistemy Rossii na 2013—2020 gg.». [The concept of the federal target program «Development of the judicial system of Russia for 2013-2020.»]
- 4.Luts D. Programma obucheniya posrednichestvu pri konfliktakh (mediatsii) v shkole. [Training program for mediation in conflicts (mediation) in school.] Assjciation of Oniversities and Colleges of Canada. 2009.
- 5.Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii. «O programme podgotovki mediatorov» [Resolution of the Government of the Russian Federation. «About the Mediator Training Program»] № 969 ot 3 dekabrya 2010 g.
- 6.Prikaz Minobrnauki RF «Ob utverzhdenii programmy podgotovki mediatorov» [The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation «On the approval of the mediator training program»] № 187 ot 14 fevralya 2011 g.
- 7.»Spravka o praktike primeneniya sudami Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2010 g. N 193-FZ «Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» za period s 2013 po 2014 god» [«Information on the practice of the application of the Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 on Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of the Mediator (mediation procedure)» for the period from 2013 to 2014 «] (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 01.04.2015) // Konsul'tantPlyus.
- 8.Federal'nyy zakon RF «Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» [Federal Law of the Russian Federation «On an Alternative Procedure for the Settlement of Disputes involving an Intermediary (Mediation Procedure)»] №

193-FZ ot 27 iyulya 2010 g.

9.Federal'nyy zakon RF «O vnesenii izmeneniy v otдел'nye zakonodatел'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» [Federal Law of the Russian Federation «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law on the Alternative Procedure for the Settlement of Disputes involving the Mediator (Mediation Procedure)»] № 194-FZ ot 27 iyulya 2010 g.

Швандерова Алла Романовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ФГБОУ ВО Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия. **E-mail:**ashvanderova@yandex.ru

Асташев Роберт Владимирович - магистрант ФГБОУ ВО Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия.

УДК 316

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Лукьянова Е.А.

В статье проанализированы результаты социологического опроса, проведенного в Донском государственном аграрном университете, посвященного оценке современного состояния России. Опираясь на полученные результаты, автор отмечает, что негативные оценки преобладают над позитивными.

К основным положительным чертам Российской Федерации студенты нашего вуза отнесли: огромный запас природных ресурсов, вооруженные силы и военную мощь, продуманную внешнюю политику и бесплатное образование. К основным негативным чертам современной России студенты отнесли: низкий уровень жизни населения, коррупцию, сложность трудоустройства и безработицу, недостаток культурного и патриотического воспитания.

Ключевые слова: социологический опрос, общественное мнение, позитивные и негативные черты современной России.

CONTEMPORARY RUSSIA BY EYES OF STUDENTS

Lukyanova E.A.

The article analyzes the results of a sociological survey conducted at the Don State Agrarian University devoted to the assessment of the current state of Russia. Based on the results, the author notes that negative evaluations prevail over positive ones.

To the main positive features of the Russian Federation, the students of our university attributed: a huge reserve of natural resources, armed forces and military power, a thoughtful foreign policy and free education. The students attributed to the main negative features of modern Russia: low living standards, corruption, the difficulty of finding employment and unemployment, and a lack of cultural and patriotic upbringing.

Key words: sociological survey, public opinion, positive and negative features of modern Russia.

Сегодня всё более популярными становятся социологические опросы. С их помощью можно выявить взгляды и настроения граждан и составить полную картину общественного мнения по тому или иному вопросу. Сферы, в которых применяются соцопросы, различны: политика, бизнес, образование, воспитание, благоустройство города и т.д. На основе опросов

составлено множество рейтингов, а по итогам анкетирований городские власти часто узнают, какие изменения в городе хотели бы видеть жители. Например, в Москве, на основе результатов голосований на сайте «Активный гражданин», были благоустроены десятки городских парков, построены детские площадки и сделаны новые дорожные развязки. Во время опросов обычно учитывается возраст респондентов, их социальный статус и род деятельности в зависимости от целей исследования.

Самая большая база данных социальных опросов российского населения содержится во Всероссийском центре исследования общественного мнения (СЦИОМ), который существует с 1987 года. Массовые социальные опросы появились в 30-е годы прошлого века в США и касались выборов президента. Сначала к респондентам приходили домой, а через несколько лет стали звонить по телефону. В России первые социальные исследования стали проводить в 50-х годах XX века. Ежегодно среди населения, особенно студентов в России проводится опрос, который помогает быстрее выявить появление новых проблем и изменение в лучшую и худшую сторону старых.

В 2017 году Донской Государственный аграрный университет провел среди учащихся социологический опрос на выяснение волнующих студентов проблем в государстве и определения состояния России. В опросе приняли участие 50 человек. Им предстояло определить положительные и отрицательные стороны Российского государства. Результаты данного опроса приведены на рисунке 1.

Рисунок 1 - «Состояние России»

Как можно заметить по результатам опроса студенты отметили больше минусов, нежели плюсов. Проанализировав опрос, были определены параметры и критерии, по которым можно определить, чем удовлетворены опрашиваемые, а чем нет. Эти данные приведены в таблице 2 «Плюсы».

К положительным чертам Российской Федерации студенты нашего вуза отнесли: 1) огромный запас природных ресурсов его указали 14 человек; второе место по большинству голосов заняли вооруженные силы и военная мощь (11 голосов); третью, последнюю позицию в тройке лидирующих факторов поделили между собой: продуманная внешняя политика и бесплатное образование (они набрали по 8 голосов). Мы считаем, что по данным этого опроса государству стоит обратить внимание на такие пункты как: свобода выбора, забота об инвалидах и малообеспеченных людях, развитие сельского хозяйства и доступность новых технологий. Это что касается положительных сторон нашего государства.

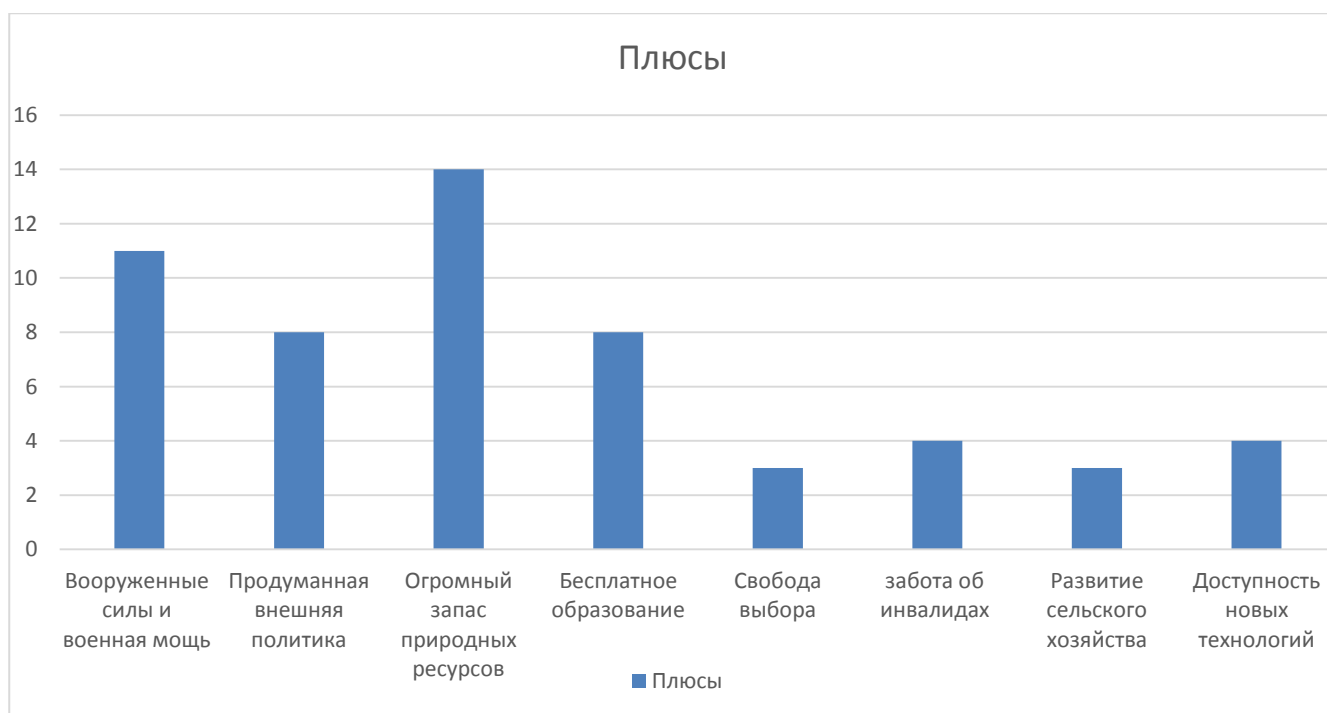

Рисунок 2

Когда проводился анализ минусов российского государства был отмечен тот факт, что государство уже фактически смирилось с этими минусами и почти ничего не пытается сделать с ними или же даже если и пытается, то ее усердия слишком малы. С учетом тех политических событий, которые пришлось на долю российского государства, вводом санкций и запретом на ввоз и вывоз отечественной продукции уровень жизни населения резко упал, что привело к ряду следующих негативных аспектов.

Рисунок 3 - «Минусы»

Как показал рисунок 3, наибольшие волнения среди населения вызывают такие аспекты как: низкий уровень жизни населения и коррупция. Эти два пункта набрали почти

50% голосов опрошиваемых студентов. Несомненно, государство пытается свести эти минусы к минимуму, но как показывает опрос, многие люди обеспокоены данными проблемами. Также к минусам, на которые стоит обратить внимание государства, относятся: сложность трудоустройства и безработица, недостаток культурного и патриотического воспитания. Людям не хватает доступных интересных развлечений, которые могли бы занять их досуг. Как сказала одна студентка: «Люди деградируют с огромной скоростью все больше погружаясь в общение с телефонами и меньше общаясь с людьми». Поэтому государству так же стоит обратить на этот аспект, ведь в молодежи будущее России, а если она деградирует, то, что же будет с государством? Многие минусы взаимосвязаны с низким уровнем жизни. Если бы люди были уверены в том, что они смогут выкормить своих детей, то можно было бы сократить демографический кризис и прекратить вымирание российской нации. Так же в категорию минусов попали неудовлетворённость медициной, в частности в том, что она платная и люди снова из-за низкого уровня постоянно откладывают поход к врачу пока «не прижмет». Опрос показал, что наибольший процент ответов отдан за вариант "Не удовлетворен" - 34%, 12% - "скорее не удовлетворены", 16% - "скорее удовлетворены", и лишь 4% - "полностью удовлетворены". Интересен тот факт, что 28% затруднились ответить.

Да, несомненно, в России есть, как и хорошее, так и плохое, но это все есть лишь для того, чтобы убрать все плохое и сделать нашу страну самой лучшей. Как сказал Н.В. Гоголь: «Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние. Нет, это ещё не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком ещё отдалённое её предвестие».

Рассмотрев итоги опроса студентов о состоянии современной России, разберем проблему значимости общественного мнения и общих жизненных, ценностных ориентаций студентов. Многие исследователи современной российской молодежи приходят к пессимистическим выводам о ее ценностных ориентациях и интеллектуальном развитии. Так, например, Елишев С. утверждает: «Молодёжная среда чётко копирует и зеркальным образом отображает в себе все наиболее значимые процессы, происходящие в нашем обществе. Системный кризис, в котором до сих пор пребывает наше общество и государство, четко и ясно не сформулировавшие национальную идею и не определившие свою стратегию развития, привёл к потере ими смысла собственного существования и сразу же сказался на молодёжной среде. В ней, как и в современном российском обществе, в целом, однозначно, отсутствует единая устоявшаяся система и иерархия ценностей. Одновременно можно наблюдать сосуществование двух процессов: как преемственности традиционных ценностей, исторически присущих нашему обществу, так и становление, массовое распространение новых либеральных (потребительских) интересов, торжество антиценностей. Оздоровление молодёжной среды, осуществляющей формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи, может быть, на наш взгляд, осуществлено посредством совершенствования системы, форм, методов осуществления молодёжной политики в Российской Федерации.»[1] О.И. Карпухин также ссылается на ценностный кризис молодежи. «Многочисленные социологические опросы последних лет выявляют общий ценностный и нормативный кризис у молодежи. В ряде таких опросов на протяжении последних десяти лет принимает участие автор этих строк. Анализ результатов убеждает, что за прошедшее десятилетие в молодёжной среде произошли сложные процессы, свидетельствующие о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта.» [2, С.124]

Карпухин также утверждает, что существует определенное взаимное отчуждение молодежи от власти и глубокое безразличие молодежи к судьбам страны. «Молодежь трезво оценивает отношение власти и общества к себе как безразличное или откровенно потребительское. 77% опрошенных полагает: "Когда нужно они вспоминают о нас". Может быть, поэтому современное молодое поколение замкнулось в собственном мирке. Молодые люди поглощены внутренней проблематикой выживания в сложное и жестокое время. Они

стремятся получить ту культуру и то образование, которые помогут выстоять и добиться успеха. Отсюда явно потребительское отношение к этим основополагающим ценностям.» [2, С.126]

Критические оценки молодежного сознания дают также Манько Ю.В. и Оганян К.М., которые указывают на следующие ориентации современной молодежи:

- преимущественно развлекательно-рекреативную направленность её жизненных ценностей и интересов;
- вестернизацию культурных потребностей и интересов, вытеснение ценностей национальной культуры западными образцами поведения и символами;
- приоритет потребительских ориентаций над творческими, созидательными;
- слабую индивидуализированность и избирательность культуры, связанную с диктатом групповых стереотипов;
- внеинституциональная культурная самореализация;
- отсутствие этнокультурной самоидентификации. [3, С.80]

Однако, по нашему мнению, эти критические оценки современной российской молодежи не вполне оправданы. Современная российская молодежь не равнодушна к судьбам страны и не утратила способности трезво оценивать ее проблемы и достижения, о чем свидетельствуют результаты нашего исследования. Конечно, положение современной российской молодежи является сложным. «Очевидно, что происходит разрушение человеческого потенциала в таких жизненно важных сферах общества, как промышленное производство и наука. Рабочие, техники, инженеры, научные работники, значительную часть которых составляет молодежь, из-за закрытия предприятий, отсутствия заказов, средств на сырье и оборудование или работают в неполную силу, или становятся безработными и переходят в другую сферу деятельности.» [2, С.127-128] Однако, вряд ли стоит переживать о ее интеллектуальном и нравственном здоровье.

Изучение общественного мнения студенческой молодежи о современном состоянии России, ее сильных и слабых сторонах, по нашему мнению, является важной задачей общества. «Проблемы российской молодёжи, по своей сути, представляют собой проблемы не только современного молодого поколения, но и всего общества в целом, от решения которых зависит не только сегодняшний, но и завтрашний день нашего общества. Эти проблемы, с одной стороны взаимосвязаны и исходят из объективных процессов, протекающих в современном мире - процессов глобализации, информатизации, урбанизации и т.д.. С другой стороны они имеют свою специфику, опосредованную современной российской действительностью и проводимой в отношении молодёжи молодёжной политикой.» [1] Общественное мнение должно учитываться при определении текущей политики и перспективных программ развития страны.

Литература

- 1.Елишев, С. Проблемы современной российской молодежи: чего хочет молодежь? [Электронный ресурс] / С. Елишев. - URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/8/17/problemu_sovremennoj_rossijskoj_molodyozhi_chego_hochet_molodezh
- 2.Карпухин, О.И. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения [Текст] / О.И. Карпухин // Социологические исследования. - 2000. - № 3.
3. Манько, Ю.В. Социология молодёжи [Текст] / Ю.В. Манько, К.М. Оганян. – СПб., 2008.

References

- 1.Elishev S. Problemy sovremennoy rossiyskoy molodezhi: chego khochet molodezh'? [Problems of modern Russian youth: what does the youth want?] URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/8/17/problemu_sovremennoj_rossijskoj_molodyozhi_chego_hochet_molodezh

2. Karpukhin O.I. Molodezh' Rossii: osobennosti sotsializatsii i samoopredeleniya [The youth of Russia: features of socialization and self-determination] // Sotsiologicheskie issledovaniya. - 2000. - № 3.

3. Man'ko Yu.V., Oganyan K.M. Sotsiologiya molodezhi. [Sociology of youth] – SPb., - 2008.

Лукьянова Е.А. – студентка Донского государственного аграрного университета

УДК 37.01

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Поломошнов А.Ф.

Российские реформы на рубеже тысячелетий и, в особенности российская реформа образования, поставили проблему гуманизма в российском образовании с предельной остротой. Автор анализирует оценки гуманистического статуса российского образования, которые варьируют от откровенно апологетического восхваления современных трансформаций российского образования и правительственных планов его дальнейшего развития, до крайне критической оценки современного состояния российского образования и всех педагогических реформ последнего времени.

Автор приходит к выводу о том, что реформы, направленные в сторону рыночной адаптации образования разрушительны и ведут к его недопустимой критически опасной дегуманизации.

В связи с этим, прогрессивное педагогическое сообщество, практически отстраненное от участия в реальной образовательной политике, должно, во-первых, организовать и консолидироваться, во-вторых, разработать программу гуманистической реконструкции современного российского образования.

Ключевые слова: реформа образования, гуманизм, дегуманизация образования, рыночные реформы, педагогическая общественность.

THE PROBLEM OF THE DEGUMANIZATION OF RUSSIAN EDUCATION

Polomoshnov A.F.

Russian reforms at the turn of the millennium and, in particular, the Russian education reform, posed the problem of humanism in Russian education with the utmost urgency. The author analyzes the assessments of the humanistic status of Russian education, which range from frankly apologetic praise for modern transformations of Russian education and government plans for its further development, to an extremely critical assessment of the current state of Russian education and all recent pedagogical reforms.

The author comes to the conclusion that reforms aimed at market adaptation of education are destructive and lead to its unacceptable critically dangerous dehumanization.

In this regard, the progressive pedagogical community, practically excluded from participation in real educational policy, must first organize and consolidate, and second, develop a program for the humanistic reconstruction of modern Russian education.

Key words: education reform, humanism, dehumanization of education, market reforms, pedagogical community.

Российские реформы на рубеже тысячелетий и, в особенности российская реформа образования, поставили проблему гуманизма в российском образовании с предельной остротой. Каковы основные ценности и ориентации современного российского образования? Каково место личности в современном российском образовании? Какие тенденции реализуются в ходе современных российских реформ образования? Вот основной круг вопросов, определяющих анализ статуса личности в социокультурном пространстве российского образования.

Эта проблематика в современном научном и публицистическом обсуждении демонстрирует широкий диапазон интерпретация: от откровенно апологетического

восхваления современных трансформаций российского образования и правительственных планов его дальнейшего развития, до крайне критической оценки современного состояния российского образования и всех педагогических реформ последнего времени. Средняя позиция пытается сочетать элементы позитивных и критических оценок в различных пропорциях.

В виду всего этого многообразия рассмотрим проблему статуса личности в социокультурном пространстве российского образования с различных позиций и проанализируем их аргументацию.

Начнем с апологетических концепций, согласно которым реформы российского образования ведут к его прогрессивному развитию и в том числе к гуманизации на качественно новом уровне.

Так, например Авербух Е.А. и Коуров В.Ф. утверждают, что «На современном этапе модернизации высшего профессионального образования социальный заказ, лежащий в основе его реформирования, ставит в качестве основной задачи формирование творчески активной эвристически мыслящей личности, способной не только быстро адаптироваться, но и изменять условия жизнедеятельности в условиях реализации концепции модернизации России.» [1, С.50] Ни на секунду не сомневаясь в искренности декларативных заявлений реформаторов образования в духе гуманистической направленности, Авербух Е.А. и Коуров В.Ф. с энтузиазмом развивают утопическую концепцию формирования творческой личности в современном российском образовательном пространстве. Однако, даже они, в итоге высказывают опасения в том, насколько возможна гуманизация образования в условиях современных образовательных реформ: «Поможет ли новый для России подход к организации интегрального образовательного пространства покажет время, а пока сомнения в полезности реформирования характерны для большинства преподавателей и руководителей учреждений высшего профессионального образования.» [1, С.52]

В списке этих сомнений, наши авторы выделяют четыре пункта: 1.сомнения в способности новой организации образования обеспечить развитие творческих компетенций личности, 2.сомнения в наличии и вузов необходимых для этого ресурсов, 3.сомнения в способности работодателей быстро переориентироваться со специалистов на бакалавров, 4.сомнения в адекватности имеющихся педагогических ресурсов задач творческого развития творческой личности. [1, С.53]

В отличие от явных утопистов, которые интерпретируют фактически дегуманистические, провальные реформы российского образования как его гуманизацию и истинную модернизацию, существуют и более реалистические взвешенные позиции. Белякова Е.Г. и Захарова И.Г. отмечают противоречивость современной ситуации в образовательном и информационном пространстве. «Наряду с экспоненциально нарастающими информационными потоками и приобретением информацией статуса важнейшей социальной ценности и условия общественного прогресса, происходит цивилизационный слом культуры, для которого характерны разрыв социальных связей, ценностная дезориентация и фрагментарность сознания современного человека. В этих условиях образование должно выступать в качестве особой медиакультурной среды, обеспечивающей систематизацию и эффективное усвоение знаний, распределение потоков информации в конкретные тематические русла, высвечивающие для развивающейся личности реальные жизненные ориентиры и духовно-нравственные ценности.» [2, С.11-12]

Белякова Е.Г. и Захарова И.Г. описывают параметры, которым должна соответствовать гуманистическая образовательная среда. «Формирование личности и обеспечение современных образовательных запросов субъектов образовательного процесса могут быть реализованы при условии формирования образовательной среды на следующих основных принципах: открытость, масштабируемость, гибкость или адаптируемость структуры и содержания, интегративность, нелинейность, структурированная избыточность, включая многоуровневость и многоаспектность содержательного и деятельностного компонентнов.» [2, С.15]

Однако, это описание носит скорее формальный характер и в выделенных параметрах никак не отражается специфика гуманистической образовательной среды. Скорее даже эти параметры способствуют не формированию цельной личности, а ее фрагментации в таком «гибком» образовательном пространстве.

Гораздо более глубокий взгляд на проблему гуманизации современного образования представлен в статье Дунаева В.Ю. и Курганской В.Д. Они отмечают противоречивость тенденций современной трансформации образовательного процесса. «Основная проблема, вставшая перед педагогикой и философией образования в XX столетии и определяющая содержание реформ, которыми сфера образования должна быть приведена в соответствие вызовам грядущего XXI века, заключается в следующем: с одной стороны, системы образования и воспитания призваны решать задачу формирования человека как личности, способствовать развитию его творческих способностей, становлению духовно-нравственного мира, мировоззренческой культуры и т.д. С другой стороны, основоположный тип современного общецивилизационного развития предполагает формирование (образование и воспитание) человека как носителя и обладателя рабочей силы вполне конкретной квалификации, т.е. специалиста, профессионала. Проблема состоит в оптимальном сочетании в системе образования этих двух направлений педагогической стратегии, активно прогрессирующая несовместимость которых является фундаментальной основой глобального кризиса образования.

В решениях этой проблемы, предлагаемых современной научно-педагогической теорией, присутствует не преодоленное и чаще всего даже не осознаваемое противоречие. Очевидная противоположность векторов профессиональной специализации и общегуманитарной культуры принимается как нечто, обоснованное самой сущностью науки, знания; нечто, коренящееся в изначальной двойственности духовно-интеллектуальной сферы. Предпринимаемые в рамках этой парадигмы попытки связать общегуманитарную направленность образовательно-воспитательного процесса с требованиями дисциплинарной формы преподавания учебного материала и задачами специализации обучения (программы так называемой гуманитаризации и гуманизации образования) остаются на уровне общих деклараций и благих пожеланий.» [5, С.291]

Действительно, рыночная трансформация образования является вызовом для гуманистической сущности педагогического процесса. Наиболее глубоко деструктивную сущность рыночной адаптации российского образования раскрывает Э. Д. Днепров. «В «конструкторских моделях» министерских утилитаристов общеобразовательная школа выступает не как признанный во всем мире фундамент нации, не как сфера становления личности, формирования демократических ценностей и национальной идентичности, не как основа системы образования, а только как поставщик «сырья» для профессиональной подготовки. Так плавно мы перешли от «сырьевой экономики» к «сырьевому образованию.» [4, С.398]

Декларированный реформаторами российского образования ориентир на формирование узкого профессионала, адаптированного к рыночной конъюнктуре на рынке труда, по мнению Днепров, является абсолютно порочным и разрушительным для образования. «Сведение задач российского образования только к подготовке специалистов – это по существу возврат к примитивному тоталитарному взгляду на образование только как на «кузницу кадров». Это современная модификация «теории» подготовки «винтика» нового образца – квалифицированного специалиста-манкурта или менеджера-манкурта, без рода и племени, без гражданского и духовного фундамента, готового обслуживать любой политический режим, любую производственную систему – от Силиконовой долины до Освенцима.

Лишенный в силу сугубо технократического образования национальной идентичности и национально-культурных основ, к тому же доведенный до крайней нищеты нашей антисоциальной политикой, такой специалист-манкурт будет работать якобы на глобализацию, а по сути дела на интересы тех держав, которые дирижируют ею. Но никак не

на национальные интересы.» [4, С.400-401]

Дегуманистическая по сути направленность российской образовательной реформы, по справедливой оценке Днепрова, разрушительна для российской системы образования и для всего российского общества. «С таким потребительски-технократическим, антисоциальным подходом к образованию, к науке, людям, стране мы стоим перед угрозой потери России. На ее месте мы будем иметь не великую державу, а безымянную, обезличенную, колониальную территорию для откачки различного рода ресурсов в пользу так называемой глобализированной экономики, т.е. в пользу тех же зарубежных стран.

Итак, примитивный образовательный технократизм, предлагаемый Минобрнауки, вкупе с общим антисоциальным, антинациональным курсом рыночных экстремистов – две мины не очень замедленного действия, подрывающие национальные интересы страны, в том числе в сфере образования и науки. А в итоге и в сфере экономики. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать, что пещерные взгляды наших либеральных фундаменталистов на образование только как на «товар», «сферу услуг», как на «средство обеспечения требований рынка» не имеют ничего общего со взглядами на этот счет в нормальном цивилизованном обществе.» [4, С.400]

Разрушительным либерально-рыночным взглядам на образование Днепрова противопоставляет гуманистическую парадигму образования. «Образование по своей гуманистической природе, по своей социальной сути как социальной нормы и всеобщего социального блага, по своему потенциальному воздействию на развитие экономики является одним из главных средств утверждения демократии, развития личности и благосостояния страны. Именно поэтому образование – это не только идеологическая, но базовая политическая, социальная и экономическая категория.

В собственно педагогическом плане – это обучение, воспитание и развитие личности, способной к самообучению, самовоспитанию, саморазвитию, к нравственному, духовному и гражданскому выбору и ответственности за этот выбор, к осознанию национальной идентичности и глобальных проблем современного мира, к профессиональному самоопределению и самостоятельной деятельности в условиях динамично меняющейся жизни для достижения личной самореализации и процветания страны.

В социальном плане – это одно из наиболее социально значимых благ, фундамент и основное средство приращения человеческого капитала нации.

В социально-политическом плане – это первейший инструмент формирования гражданских ценностей и гражданского сознания, становления гражданского, демократического общества.

В социально-экономическом плане – это источник и основной ресурс экономического роста страны, ее благосостояния и конкурентоспособности.

В цивилизационном плане – это основа преемственности культур и цивилизаций, мост, обеспечивающий сегодня переход к новому состоянию общества – «обществу знаний» и, соответственно, – к «экономике знаний.» [4, С.402]

Оценка современной образовательной политики в России, данная Днепровым, выглядит как жесткий, но совершенно точный и справедливый приговор: «Итак, общие выводы по проводимой образовательной политике очевидны.

1. Образовательная политика предельно деструктивна и непрофессиональна, что делает ее социально опасной и разрушительной.

2. Эта политика – органическая часть общей антисоциальной политики правительства, политики социального и духовного геноцида.

3. Эта политика: антинародна, так как она насаждает социальную сегрегацию населения; антинациональна, поскольку влечет за собой резкое оскудение человеческого капитала нации; антигосударственна, ибо противоречит интересам государства и к тому же провоцирует напряжение в обществе, чреватое социальным взрывом.» [4, С.404]

Критическая оценка современной направленности реформы образования дается и Шмаковой Л.Е., которая отмечает, что «В современном образовательном пространстве

господствует рыночно-технологический подход к проблемам образования и самому содержанию образовательного процесса. Приватизация и коммерциализация образования в стране крайнего социального неравенства и бедности большинства ее населения, оборачивается разрушением этой важнейшей сферы образования личности.» [9, С.193] Шмакова смотрит в корень проблемы, отмечая, что адаптация образования к требованиям рыночной экономики практически разрушает главные социальные функции образования – воспитание и формирование всесторонне развитой личности. «В сегодняшней социальной реальности классическая модель универсального академического образования, не в последнюю очередь преследующего цель воспитания личностей, нравственно достойных членов общества, кже не отвечает все более актуализирующей свое звучание прагматике социальных и индивидуальных процессов рыночно-капиталистической успешности.» [9, С.193]

В центре современных дискуссий о гуманистическом содержании образования оказывается не только проблема адаптации образования к рыночной экономике, но и проблема информатизации образования, в которой многие исследователи и вполне обоснованно видят опасность для гуманистического содержания образовательного процесса.

Гришина Е.С. и Котлова Т.Б. оценивают ситуацию противоречия между гуманистическими целями образования и рыночно-утилитарными требованиями к системе образования как кризис образования. «Основные социальные причины и признаки кризиса образовательной методики: несоответствие целей работы учебных заведений и реальных потребностей экономического развития, возникшее в силу того, что научно-технический прогресс изменил характер труда, исчезли многие традиционные профессии, появились новые производства; нарушение баланса между фундаментальными и прикладными компонентами образования; изменение пропорций между гуманитарным и естественно-научным знанием, в результате большинство специалистов ориентированы на решение прикладных задач, на поиск путей к материальному успеху вне самодостаточного духовного развития; затягивание пересмотра необходимых учебных программ, стагнация работы института повышения квалификации преподавателей; потеря единства усилий семьи, школы, вуза и общественных объединений в их общем деле образования населения; отсутствие четкости государственного заказа и его несовпадение с социальным; расхождение целей участников образовательного процесса и пр.

На этом фоне проявляют себя и методологические признаки кризиса, выраженные в невозможности выработки единой парадигмы и создания пространства совместного творческого общения.» [3]

Оценивая ситуацию в России, Гришина Е.С. и Котлова Т.Б. отмечают дополнительные проявления кризиса образования в России – нарастающее противоречие между вузами и управляющими образованием органами, прежде всего, Министерством образования и науки РФ, которое выхолащивает образовательную деятельность и гуманистические функции вузов, заменяя ее административной и технологической деятельностью. «Современная образовательная политика министерства образования и науки приводит к постепенной замене образовательной деятельности всех участников образовательного процесса на административную.» [3]

Проявлением кризиса российской системы образования является бесконечная и безрезультатная дискуссия о курсе реформы российского образования. Безрезультатность этой дискуссии обусловлена тем, что российская педагогическая общественность практически отстранена от малейшей возможности влиять на управленческие решения в образовательной политике. «Дискуссия разворачивается вокруг сохранения системы образования как целого; конкурентоспособности российского выпускника на мировом рынке труда. Участвуют в ней сторонники социального и экономического прагматизма и защитники традиций классического образования. Широкие массы собственно образовательной общественности, представители педагогической науки и философии образования остаются в стороне.» [7, С.4-5]

Левицкая И.А. дает обобщающую оценку и развернутое описание основных проявлений дегуманизации современного образования. «В современном обществе и образовании в значительной мере проявляются черты их дегуманизации. Наблюдаются утрата духовных и нравственных ценностей, отказ от мировоззрения, основанного на справедливости, отсутствие внимания и уважения к человеку, обесценивание жизни человека. В образовании на первый план вышли требования к уровню профессионально-технических знаний при забвении его гуманистических основ. Игнорирование вопросов личностного развития, формирования гражданственности человека отрицательно сказывается и на уровне профессиональных качеств молодых специалистов. Из современной школы постепенно уходит воспитательная функция, приоритет отдается обучению в самом традиционном его виде как передаче готовых знаний.» [6, С.97]

Гуманизация образования, как вполне справедливо считает И. Левицкая, является основным направлением выхода российского образования из его современного кризиса. «Гуманизация образования в современном российском обществе становится насущной потребностью и должна рассматриваться как принцип образования и как путь и средство выхода из критического состояния.» [6, С.97] Безусловно, конструктивной является и мысль Левицкой о необходимости актуализации созданного еще в античности идеала пайдейи, как образования, формирующего всесторонне развитую, зрелую, гуманную личность. «Цель, заложенная в гуманистической концепции образования, совпадает с греческим идеалом пайдейи, в котором также предполагалось формирования культурной, развитой личности, воспитание человека интеллектуального и здорового, хорошо развитого физически, сочетающего красоту тела и нравственные добродетели.» [6, С.98]

Однако, рассуждения Левицкой, как и многих других, на тему необходимости гуманизации образования носит характер прекраснотушных, абстрактных мечтаний в духе гоголевского Манилова. При всей принципиальной правильности этих мечтаний в отношении целей образования, ключевую роль играет разработка конкретной модели гуманистического образования, соответствующей современным условиям, а также разработка практических вопросов внедрения современной гуманистической модели образования на практике. К сожалению, пока что российское педагогическое сообщество, в лице прогрессивных своих представителей, еще далеко не только от решения этих ключевых задач, но даже и от осознания этих задач, а реальная образовательная политика полностью контролируется деструктивными, дегуманистическими реформаторами – чиновниками от образования и их апологетами и теоретиками – сторонниками утилитарной коммерциализации и технологизации, т.е. дегуманистического разрушения образования.

Титова Л.Г. прибегает к еще более резким оценкам ситуации в образовании в терминах гуманитарной катастрофы. Дегуманизация образования рассматривается ее в контексте общей гуманитарной катастрофы современного мира. «Гуманитарная катастрофа XXI в. — это разрушение духовного мира личности, традиционных моральных устоев, которые выработывались и проверялись тысячелетиями не одним поколением людей, среди которых не последнее место занимали сострадание к ближнему, умение чувствовать чужую боль как свою, опасение оскорбить чувства другого человека и многое другое, из которого складывалось представление о подлинном человеке, о том, что отличало его родовое состояние. Это — основа возникновения конфликтогенности между гуманизацией и дегуманизацией, человечностью и животным началом, роботизацией и примитивизацией личности, а также — доведения ее до крайности, до ее высшего состояния.» [8, С.64]

Характеризуя российское образование, Титова пользуется термином «дегуманизация», в которой и усматривает главную сущность реформ российского образования и общества в целом. «С тех пор, как Россия в 90-е годы начала путь трансформаций, делались попытки коренным образом изменить менталитет нации, создать новую систему ценностей, обсуждалась проблема формулирования новой национальной идеи, которая бы пришла на смену идее коммунистической. Это отразило характерную особенность переходного периода — начало дегуманизации социально-экономических и

политических преобразований, когда интересы личности и общества подменялись интересами узкого круга лиц, происходило невиданное манипулирование сознанием и поведением людей на фоне политической и социальной безответственности власти, дегуманизации, которая постепенно приводила к гуманитарной катастрофе образования.

Хаос социальный немедленно проник в систему образования страны, что постепенно привело к разрушению существовавшей системы образования, которая, будучи и идеологизированной, и консервативной, — тем не менее оставалась на глубоко гуманитарных позициях, формируя героический и нравственный идеал личности, ориентируя молодых людей на лучшие образцы человеческих типов, созданных российской и мировой литературной классикой.

Отделение воспитания от образования, особенно в высших учебных заведениях, — довершило процесс дегуманизации образования. Результатом стало то, что за двадцать лет выросло поколение, четко ориентированное на материальные ценности (в их прямом, денежном выражении), с «выпрямленным» прагматичным сознанием.» [8, С.64-65]

Титова, в отличие от многих критиков, акцентирует главный негативный результат дегуманизации российского образования. Главным следствием дегуманизации российского образования стало критическое падение человеческого потенциала, а именно, гуманистического, личностного потенциала интеллектуальной элиты российского общества, что чревато крайне деструктивными последствиями для страны.

Подведем краткие итоги. Реформы российского образования в контексте гуманизации оцениваются неоднозначно. Спектр оценок крайне широк: от тотальной критики до столь же тотальной апологетики. Между ними - широкий разброс промежуточных вариантов. Следует согласиться с большинством специалистов – реформы, направленные в сторону рыночной адаптации образования разрушительны и ведут к его недопустимой критически опасной дегуманизации. «Необходимость создать гуманизованную систему образования и воспитания как единого процесса — становится главной задачей современных обществ любого типа социальных отношений, политического режима, культурных ценностей, идеологий и т.д.» [8, С.64]

В связи с этим, прогрессивное педагогическое сообщество, практически отстраненное от участия в реальной образовательной политике, должно, во-первых, организовать и консолидироваться, во-вторых, разработать программу гуманистической реконструкции современного российского образования. Далее, через активную общественную, идеологическую и политическую деятельность необходимо добиться от власти радикальной коррекции курса образовательной политики.

Литература

1.Авербух, Е.А. Формирование эвристически мыслящей личности в образовательном пространстве учреждения высшего профессионального образования. [Текст] / Е.А. Авербух, В.Ф. Коуров // Проблемы высшего образования. – 2011. - №1.

2.Белякова, Е.Г. Социокультурное информационное пространство образования в контексте проблемы формирования личности [Текст] / Е.Г. Белякова, И.Г. Захарова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. - № 5.

3.Гришина, Е.С. Кризис образования в зеркале философской рефлексии [Электронный ресурс] / Е.С. Гришина, Т.Б. Котлова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. - № 2 (часть 2). - URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22791>

4.Днепров, Э.Д. Новейшая политическая история российского образования [Текст] / Э.Д. Днепров. - М. : Мариос, 2011.

5.Дунаев, В.Ю. Социокультурное информационное пространство как ресурс развития личности в системе высшего образования [Текст] / В.Ю. Дунаев, В.Д. Курганская // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2013. - № 5(13).

6.Левицкая, И.А. Проблема дегуманизации образования в современной культуре

[Текст] / И.А. Левицкая // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2013. - № 4.

7. Попов, А.А. Открытое образование: философия технологии [Текст] / А.А. Попов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 1012. - 256 с.

8. Титова, Л.Г. Гуманитарная катастрофа образования [Текст] / Л.Г. Титова // Конфликтология. – 2014. - № 5.

9. Шмакова, Л.Е. Образ образования и образование образа личности профессионала в пространстве вуза [Текст] / Л.Е. Шмакова // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2011. - №.3 (11)

References

1. Averbukh E.A. i Kourov V.F. Formirovanie evristicheski myslyashchey lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya. [Formation of a heuristically intelligent personality in the educational space of an institution of higher professional education] // Problemy vysshego obrazovaniya. – 2011. - №1.

2. Belyakova E.G. i Zakharova I.G. Sotsiokul'turnoe informatsionnoe prostranstvo obrazovaniya v kontekste problemy formirovaniya lichnosti [Sociocultural informational space of education in the context of the formation of personality] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. - № 5.

3. Grishina E.S., Kotlova T.B. Krizis obrazovaniya v zerkale filosofskoy refleksii [The crisis of education in the mirror of philosophical reflection] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. - № 2 (chast'2). URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22791>

4. Dneprov E. D. Noveyshaya politicheskaya istoriya rossiyskogo obrazovaniya. [The newest political history of Russian education] - М.: Marios, 2011.

5. Dunaev V.Yu., Kurganskaya V.D. Sotsiokul'turnoe informatsionnoe prostranstvo kak resurs razvitiya lichnosti v sisteme vysshego obrazovaniya [Sociocultural information space as a resource for the development of the personality in the system of higher education] // Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy. – 2013. - № 5(13).

6. Levitskaya I.A. Problema degumanizatsii obrazovaniya v sovremennoy kul'ture [The problem of the dehumanization of education in contemporary culture] // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. - 2013. - № 4.

7. Попов А.А. Открытое образование: философия технологии. [Open Education: the philosophy of technology] – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 1012. — 256 с.

8. Титова Л.Г. Гуманитарная катастрофа образования [Humanitarian disaster of education] // Конфликтология. – 2014. - № 5.

9. Shmakova L.E. Obraz obrazovaniya i obrazovanie obraza lichnosti professionala v prostranstve vuza [The image of education and the formation of the image of a professional in the space of the university] // Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy. – 2011. - №.3 (11)

Поломошнов Андрей Федорович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории Донского государственного аграрного университета.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Полякова Н.А.

В статье раскрывается культурологический подход к исследованию и организации педагогического процесса. Гуманистическая педагогика исходит из межсубъектного понимания детерминации психического в человеке и основана на вере в позитивный потенциал человека, в его неограниченные творческие возможности постоянного развития и самосовершенствования. Важным при этом является то, что активность личности, ее потребности в самосовершенствовании рассматриваются в условиях взаимоотношений с другими людьми, построенных по принципу диалога.

Автор доказывает, что педагогический процесс, соответствующий универсальной модели образования, ориентирован на развитие личностных способностей и учет индивидуальных особенностей обучающихся благодаря их согласованной совместной учебно-поисковой деятельности в соответствии с ценностями и целями образования.

Ключевые слова: образование, личность, принципы образования, личностный подход, гуманистическая педагогика.

EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL PROCESS

Polyakova N.A.

The article reveals the culturological approach to the research and organization of the pedagogical process. Humanistic pedagogy proceeds from the intersubjective understanding of the determination of the psychic in man and is based on the belief in the positive potential of man, in his unlimited creative possibilities of constant development and self-improvement. Important in this case is that the activity of the individual, his needs for self-improvement are considered in terms of relationships with other people, built on the principle of dialogue.

The author proves that the pedagogical process, corresponding to the universal model of education, is oriented towards the development of personal abilities and taking into account the individual characteristics of students due to their coordinated joint educational and search activity in accordance with the values and goals of education.

Key words: education, personality, principles of education, personal approach, humanistic pedagogy.

Конкретно-научная методология каждой науки и, соответственно, обслуживаемой ею практики раскрывается через специфические относительно самостоятельные подходы, или принципы. В педагогике - это целостный, личностный, деятельностный, полисубъектный, культурологический, этнопедагогический, антропологический подходы, которые и представляют ее методологические принципы.

Целостный подход в педагогике появился в противовес функциональному, при котором изучается какая-либо сторона педагогического процесса безотносительно к тем изменениям, которые происходят в это же время в нем в целом и в личности. Суть функционального подхода заключается в том, что изучение педагогического процесса осуществляется без учета его как целостности, как системы с определенной структурой, в которой каждый элемент выполняет свою функцию в решении поставленных задач, а движение каждого элемента подчинено закономерностям движения целого.

Функционализм в педагогике в значительной степени является порождением метафизического подхода традиционной педагогической науки к рассмотрению явлений действительности: обучение должно дать известную сумму знаний и умений, а воспитание -

сформировать нравственное сознание и привить социально желаемое качество. При этом учитель учит, а воспитатель - воспитывает.

Личность не формируется по частям, говорил А. С. Макаренко. [6] Тем не менее, в ряду объективных противоречий современной образовательной практики главным, на наш взгляд, является противоречие между целостностью личности и функциональным подходом к решению проблемы ее развития. Отсюда - необходимость целостного подхода, главная идея которого выражается в том, что: свойства целого не являются суммарным порождением свойств его элементов; свойства целого, проявляющиеся в своем реальном существовании, могут полностью отсутствовать у его элементов. Они являются следствием не механического сложения, а сложного взаимодействия свойств элементов. Система активно воздействует на свои компоненты, преобразуя их соответственно собственной природе; изменение одного компонента неизбежно вызывает изменения в других и во всей системе в целом; ориентация при организации педагогического процесса на интегративные (целостные) характеристики личности; личность должна пониматься как целостность, как сложная психическая система, имеющая свою структуру, функции и внутреннее строение.

Проблема выделения интегративного, целостного свойства личности в психологии до сих пор не получила своего однозначного решения. Вместе с тем исследователи едины в том, что все стороны личности тесно взаимосвязаны, взаимодействуют друг с другом, но доминирующее влияние все же всегда остается за ее социальной стороной - мировоззрением и направленностью, выражающими потребности, интересы, идеалы, стремления, моральные и эстетические качества личности. Важнейшим критериальным свойством личности считается ее направленность, которая рассматривается как ядро, духовный центр личности.

Таким образом, целостный подход ориентирует: на выделение в педагогической системе развивающейся личности прежде всего интегративных инвариантных системообразующих связей и отношений; на изучение и формирование того, что в системе является устойчивым, а что переменным, что главным, а что второстепенным. Он предполагает выяснение вклада отдельных компонентов-процессов в развитие личности как системного целого. В этом отношении он очень тесно связан с личностным подходом.

Личностный подход в педагогике вытекает из целостного. Он утверждает представления о социальной, деятельной и творческой сущности личности. Признание личности как продукта общественно-исторического развития и носителя культуры не допускает сведения личности к натуре человека, а тем самым к вещи среди вещей, к обучаемому автомату.

Представление о социально-деятельной сущности личности, обретающей свое Я в процессе совместной деятельности и общения, в процессе сотрудничества с миром людей и продуктами культуры, привлекает внимание к порождаемым в ходе жизни личности в обществе личностным смыслам и смысловым установкам, регулирующим деятельность и поступки в разных проблемно-конфликтных ситуациях нравственного выбора (А.Н.Леонтьев). [4]

Личностный подход не исчерпывается ориентацией на формирование личностных смыслов. Тем не менее, именно в них мир предстает перед человеком в свете тех мотивов, ради достижения которых он действует, борется и живет. В личностных смыслах человека открывается значение мира, а не равнодушное знание о действительности. В них рождаются ориентиры жизненного самоопределения, они определяют направленность личности, которая выделяется практически во всех подходах к структурированию личности как ее важнейший компонент.

Личностный подход вне зависимости от дискуссии относительно структуры личности означает ориентацию при конструировании и осуществлении педагогического процесса на личность как цель, субъект, результат и главный критерий его эффективности. Он настоятельно требует признания уникальности личности, ее интеллектуальной и нравственной свободы, права на уважение. Он предполагает опору в воспитании на естественный процесс саморазвития задатков и творческого потенциала личности, создание

для этого соответствующих условий.

На высшем, философском, уровне методологии с позиции материалистической диалектики было установлено, что деятельность - основа, средство и решающее условие развития личности. Этот факт обуславливает необходимость реализации в педагогическом исследовании и практике тесно связанного с личностным деятельностного подхода. Деятельность - это преобразование людьми окружающей действительности. Исходной формой такого преобразования является труд. Все виды материальной и духовной деятельности человека являются производными от труда и несут в себе его главную черту - творческое преобразование окружающего мира. Преобразуя природу, человек преобразует и самого себя, проявляясь как субъект своего развития.

Важнейшими сторонами человеческого бытия являются предметная деятельность и общение (субъект-объектные и субъект-субъектные отношения). Предметная деятельность всегда направлена на творческое созидание определенного материального или духовного продукта.

Значение деятельностного подхода аргументировано показал в своих работах А. Н. Леонтьев. «Для овладения достижениями человеческой культуры, - писал он, - каждое новое поколение должно осуществить деятельность, аналогичную (хотя и не тождественную) той, которая стоит за этими достижениями».[4, С.234] Вот почему, чтобы подготовить воспитанников к самостоятельной жизни и разносторонней деятельности, необходимо в меру возможностей вовлечь их в эти виды деятельности, т.е. организовать полноценную в социальном и нравственном отношении жизнедеятельность.

Любая деятельность имеет свою психологическую структуру: мотив, цель, действия (операции), условия и средства, результат. Если, стремясь к реализации деятельностного подхода, педагог упускает какие-то структурные моменты, организуя деятельность школьника, то он (школьник) либо вообще не является в этом случае субъектом деятельности, либо выполняет ее как иллюзорную, как отдельные действия. Ученик освоит содержание образования только тогда, когда у него есть внутренняя потребность и активно-положительная мотивация для такого освоения.

Признание факта, что в деятельности личность формируется и проявляется, как видно, еще не есть деятельностный подход. Он требует специальной работы по формированию деятельности ребенка, по переводу его в позицию субъекта познания, труда и общения. Это, в свою очередь, требует обучения его целеполаганию и планированию деятельности, ее организации и регулированию, контролю, самоанализу и оценке результатов деятельности.

Полисубъектный (диалогический) подход вытекает из того, что сущность человека значительно богаче, разностороннее и сложнее, чем его деятельность. Она не исчерпывается ею, не может быть к ней сведена и отождествлена. В этой связи необходимо акцентировать внимание на микросоциуме и отношениях между субъектами образовательного процесса как на важнейших источниках духовного развития. Именно в актах взаимодействия личность обретает свое человеческое, гуманистическое содержание. В этой связи личность в известном смысле есть продукт и результат ее общения с окружающими людьми, т.е. интерсубъектное образование.

В интериндивидуальном аспекте поэтому личность рассматривается как система характерных для нее отношений, как носитель взаимоотношений и взаимодействий социальной группы. Этот факт диалогического содержания внутреннего мира человека до недавнего времени в педагогических исследованиях учитывался явно недостаточно. Основное ядро личности, ее психологическая структура однозначно определялись структурой и характером ее предметно-практической деятельности, т.е. «объективно».

Социальный контекст, определяющий нормативы и координаты этой деятельности и создающий ее эмоционально-мотивационный фон, оказался практически вне поля научного анализа.

В разработку гуманистической методологии познания личности значительный вклад внесли М.М.Бахтин и А.А.Ухтомский, работавшие в разных областях науки и независимо

друг от друга пришедшие к единому пониманию уникальности человеческой личности, которая рождается и проявляется лишь в диалогическом общении.

М. М. Бахтин отмечал, что «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается «человек в человеке» как для других, так и для себя».[1, С.23] Диалог, по его мнению, - это не средство формирования личности, а само бытие ее.

Идея М. М. Бахтина об уникальности обучающихся личностей сближается с понятием «лица» А. А. Ухтомского, по словам которого, только там, где ставится доминанта на лицо другого, как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки.

Гуманистическая методология, таким образом, исходит из межсубъектного понимания детерминации психического в человеке и основана на вере в позитивный потенциал человека, в его неограниченные творческие возможности постоянного развития и самосовершенствования. Важным при этом является то, что активность личности, ее потребности в самосовершенствовании рассматриваются не изолированно. Они развиваются только в условиях взаимоотношений с другими людьми, построенных по принципу диалога.

Диалогический подход в единстве с личностным и деятельностным составляют сущность методологии гуманистической педагогики. Их применение позволяет образовать некое общее психологическое пространство и временную протяженность, создать психологическое единство субъектов, благодаря которому монологическое, объектное воздействие уступает место творческому процессу их взаимораскрытия и взаиморазвития, самовоздействия и саморазвития.

Культурологический подход как конкретно-научная методология познания и преобразования педагогической реальности имеет три взаимосвязанных аспекта действия: аксиологический (ценностный), технологический и личностно-творческий.

Аксиологический аспект культурологического подхода обусловлен тем, что каждому виду человеческой деятельности как целенаправленной, мотивированной, культурно - организованной присущи свои основания, оценки, критерии (цели, нормы, стандарты и т.д.) и способы оценивания. Этот аспект культурологического подхода предполагает такую организацию педагогического процесса, которая обеспечивала бы изучение и формирование ценностных ориентаций личности. Последние представляют собой устойчивые, инвариантные, определенным образом скоординированные образования («единицы») морального сознания, основные его идеи, понятия, «ценностные блага», выражающие суть нравственного смысла человеческого бытия и опосредованно - наиболее общие культурно-исторические условия и перспективы.

Технологический аспект культурологического подхода связан с пониманием культуры как специфического способа человеческой деятельности. Именно деятельность является тем, что имеет всеобщую форму в культуре. Она - ее первая всеобщая определенность. Категории «культура» и «деятельность» исторически взаимообусловлены. Достаточно проследить эволюцию человеческой деятельности, ее дифференциацию и интеграцию, чтобы убедиться в адекватном развитии культуры. Культура, в свою очередь, являясь универсальной характеристикой деятельности, как бы задает социально-гуманистическую программу и предопределяет направленность того или иного вида деятельности, ее ценностных типологических особенностей и результатов. Таким образом, освоение личностью культуры предполагает освоение ею способов практической деятельности и наоборот.

Личностно-творческий аспект культурологического подхода обусловлен объективной связью индивида и культуры. Индивид - носитель культуры. Он не только развивается на основе объективированной сущности человека (культуры), но и вносит в нее нечто принципиально новое, т.е. становится субъектом исторического творчества. В связи с этим в русле личностно-творческого аспекта культурологического подхода освоение культуры следует понимать как проблему изменения самого человека, его становления как творческой личности.

Творчество всегда выступает специфическим человеческим свойством, одновременно порожденным потребностями развивающейся культуры и формирующим саму культуру. Творческий акт и личность творца, по мнению Л. С. Выготского, должны быть вплетены в единую коммуникативную сеть и осмысливаться в тесном взаимодействии.[2] Таким образом, индивидуально-творческий аспект культурологического подхода в педагогической теории и практике требует учета связей культуры, ее ценностей с личностью и творческой деятельностью.

Человек, ребенок живет и учится в конкретной социокультурной среде, принадлежит к определенному этносу. В связи с этим культурологический подход трансформируется в этнопедагогический. В этой трансформации проявляется единство интернационального (общечеловеческого), национального и индивидуального.

В последние годы значение национального элемента в воспитании подрастающего поколения недооценивалось. Более того, прослеживалась тенденция игнорирования богатого наследия национальных культур. К настоящему времени остро обнажилось противоречие между большими воспитательными возможностями национальных культур, в частности народной педагогики, и их недостаточным использованием вследствие отсутствия научно обоснованных рекомендаций.

Между тем культурологический подход предполагает необходимость разрешения этого противоречия. Органичное сочетание «вхождения» молодежи в мировую культуру и воспитания с опорой на национальные традиции народа, его культуру, национально-этническую обрядность, обычаи, привычки - условие реализации этнопедагогического подхода к проектированию и организации педагогического процесса.

Национальная культура придает специфический колорит среде, в которой функционируют различные образовательные учреждения. Задача педагогов в связи с этим состоит в том, чтобы, с одной стороны, изучать, формировать эту среду, а с другой - максимально использовать ее воспитательные возможности.

Одним из возрождающихся является антропологический подход, который впервые разработал и обосновал К.Д.Ушинский. В его понимании он означал системное использование данных всех наук о человеке как предмете воспитания и их учет при построении и осуществлении педагогического процесса. К.Д.Ушинский к обширному кругу антропологических наук отнес анатомию, физиологию и патологию человека, психологию, логику, философию, географию (изучающую землю как жилище человека, человека как жильца земного шара), статистику, политическую экономию и историю в обширном смысле (историю религии, цивилизации, философских систем, литературы, искусств и воспитания). Во всех этих науках, как он полагал, излагаются, сравниваются и группируются факты и те отношения, в которых обнаруживаются свойства предмета воспитания, т.е. человека. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» - это положение К.Д.Ушинского[6] было и остается неизменной истиной для современной педагогики. И науки об образовании, и новые формы образовательной практики общества остро нуждаются в своем человековедческом основании.

Актуальность антропологического подхода заключена в необходимости преодолеть «бездетность» педагогики, не позволяющую ей обнаружить научные законы и проектировать на их основе новые образцы образовательной практики. Мало зная о природе своего объекта и своего предмета, педагогика не может выполнять конструктивную функцию в управлении изучаемыми процессами. Возвращение ею антропологического подхода является условием интеграции педагогики с психологией, социологией, культурной и философской антропологией, биологией человека и другими науками.

Выделенные методологические принципы (подходы) педагогики как отрасли гуманитарного знания позволяют: во-первых, вычленив не мнимые, а действительные ее проблемы и тем самым определить стратегию и основные способы их разрешения ;во-вторых, это дает возможность целостно и в диалектическом единстве проанализировать всю

совокупность наиболее значимых образовательных проблем и установить их иерархию; в-третьих, данные методологические принципы позволяют в самом общем виде прогнозировать наибольшую вероятность получения объективного знания и уйти от ранее господствовавших педагогических парадигм.

Однако существует также необходимость выявить общие основания этих подходов, привести в систему имеющиеся представления о сущности и закономерностях обучения и воспитания. Основой взаимодействия, построенного на диалоге между многообразными научно-педагогическими подходами, может служить гуманитарно-целостная стратегия образования: единство педагогического знания, различные аспекты которого раскрываются в рамках разных подходов, обусловлено его гуманитарной природой — в центре внимания сторонников каждого из научно-педагогических подходов находятся прежде всего проблемы становления целостного человека, во всем многообразии его психофизических, социальных и духовных характеристик; целостный подход предполагает принцип дополнительности, согласно которому различные взгляды не опровергают друг друга, а раскрывают разные грани целого.

Технологический уровень методологии образования. Технологический уровень методологии — это уровень методов и техники исследования. Он предполагает набор процедур, обеспечивающих получение достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он может включаться в массив научного знания. На этом уровне методологическое знание носит ярко выраженный нормативный характер, выступая как система рекомендаций по организации и проведению педагогического исследования.

Технологический уровень методологии педагогики составляют методика и техника исследования. Он обусловлен всеми предыдущими уровнями, поскольку от них зависит организация педагогического исследования и его методика.

Под исследованием в области педагогики понимается процесс и результат научной деятельности, направленной на получение новых знаний о закономерностях образования, его структуре и механизмах, содержании, принципах и технологиях. Педагогическое исследование объясняет и предсказывает факты и явления.

Педагогические исследования по их направленности можно разделить на фундаментальные, прикладные и разработки. Фундаментальные исследования своим результатом имеют обобщающие концепции, которые подводят итоги теоретических и практических достижений педагогики или предлагают модели развития педагогических систем на прогностической основе. Прикладные исследования - это работы, направленные на углубленное изучение отдельных сторон педагогического процесса, вскрытие закономерностей многосторонней педагогической практики. Разработки направлены на обоснование конкретных научно-практических рекомендаций, учитывающих уже известные теоретические положения.

Любое педагогическое исследование предполагает определение общепринятых методологических параметров. К ним относятся проблема, тема, объект и предмет исследования, цель, задачи, гипотеза и защищаемые положения. Основными критериями качества педагогического исследования являются критерии актуальности, новизны, теоретической и практической значимости.

В каждом отдельном педагогическом или психологическом исследовании должно соблюдаться требование целостности, непротиворечивости уровней методологии. Это означает, что философские взгляды автора исследования должны соответствовать принципам анализа исследуемого им феномена на общенаучном и конкретно-научном уровнях, исследовательскому инструментарию, а также характеру исследуемого образовательного феномена.

Так, если ученый исследует проблемы духовного воспитания или становление у детей ценностных отношений, вряд ли ему помогут философские установки прагматизма или диалектического материализма, поскольку исследуемые им явления относятся к области

идеального. А вот взгляд на эти явления через призму экзистенциализма будет вполне уместен. И если метод диалогического понимания при изучении проблем, связанных с духовностью и ценностями, на технологическом уровне весьма плодотворен, то, ограничившись лишь естественно - научными методами, исследователь не сможет получить достоверного «портрета» изучаемых им явлений.

В соответствии с логикой научного поиска осуществляется разработка методики исследования. Она представляет собой комплекс теоретических и эмпирических методов, сочетание которых дает возможность с наибольшей достоверностью исследовать такой сложный и многофункциональный объект, каким является образовательный процесс. Применение целого ряда методов позволяет всесторонне изучить исследуемую проблему, все ее аспекты и параметры. Методы педагогического исследования в отличие от методологии - это сами способы изучения педагогических явлений, получения научной информации о них с целью установления закономерных связей, отношений и построения научных теорий. Все их многообразие можно разделить на группы: методы теоретического исследования, методы эмпирического познания педагогических явлений (методы изучения педагогического опыта, экспериментальные методы, методы педагогического тестирования, математические и статистические методы.

Впервые в современной истории человечества процесс развития всех сфер общественной жизни становится неотъемлемой характеристикой общества. Жизнь в изменчивом, динамичном обществе зависит от личных усилий и самоопределения его граждан; оно востребует личность ответственную, способную самостоятельно прорабатывать свою жизненную стратегию. Личностный динамизм, способность к постоянному самообразованию и самосовершенствованию, конкурентоспособность становятся условиями общественного развития.

Таким образом, направления социального развития предполагают формирование личности, обладающей профессиональной мобильностью, высокой степенью свободы и ответственности, способностью самостоятельно планировать свою жизненную перспективу, умением осознавать свой интерес и согласовывать его с интересами других, способностью к компромиссам и согласию, конструктивному взаимодействию с другими. На уровне личностных психологических процессов особую значимость приобретает развитость таких способностей личности, как понимание и осмысление, рефлексия, продуктивная коммуникация, критическое мышление.

В современном динамическом обществе прежний способ развития, связанный с изменением производственной деятельности, преобразованием социальных институтов посредством традиционных схем совершенствования, является малоэффективным. Главной образовательной задачей в обществе является не усвоение прежних рецептов, технологий развития, а подготовка личности к овладению новыми методами и содержанием познания и практики. Особое значение приобретают процессы сознательного самоизменения, саморазвития личности, обеспечивающие адаптацию ее к динамично изменяющемуся социуму; формирование готовности жить и работать в новых условиях, преобразовывать окружающий мир посредством создания новой культуры, технологий, основанных на отношениях охранно-созидательного типа с природой и обществом. Система образования должна обеспечивать подготовку подрастающего поколения к овладению адекватными способами и методами мышления, познания, деятельности, а также задавать обновленные мировоззренческие ориентиры и идеалы, разрабатывать новую общественную идеологию, основанную на идеях гуманизма, демократии, плюрализма, и способствовать духовно-нравственному воспитанию людей.

Вот почему образование в современных условиях выступает механизмом развития личности, социума в целом. Сегодня общеобразовательные и другие учреждения системы образования являются стабильными социальными структурами, принимающими на себя реальную ответственность за воспитание молодежи и осуществляющими подготовку ее к самостоятельной жизни и труду в динамично меняющихся социально-экономических

условиях. Поскольку образование является важнейшим социальным институтом, способным эффективно влиять на сознание молодежи, оно должно становиться главным механизмом развития общества. Существующая система образования, традиционно реализующая функции трансляции и воспроизводства информации, опыта, культуры, должна быть преобразована в систему развития общественного сознания, а через него и всего общества. В этом смысле образование в современном мире является важнейшим средством развития личности исоциума, а также выступает общечеловеческой ценностью.

Социокультурные тенденции, оказывающие влияние на развитие образования, науки, культуры. Выделяются следующие важнейшие мировые социокультурные тенденции: 1) смена типа культурно-исторического наследования; 2) смена установки при изучении действительности от научного познания к культуре; 3) изменение роли науки в обществе, смена научных парадигм; 4) возникновение информационных технологий и мировой информационной системы; 5) стремление к национально-культурной и экономической регионализации.

Новая образовательная система ориентирована на реализацию высокого потенциала компьютерных и телекоммуникационных технологий. В качестве основной черты современного образования можно назвать его диалогичность, которая проявляется в сосуществовании как различных подходов к преподаванию, так и самих методов преподавания. Выпускнику современной школы нужны не сумма знаний и умений, а способности к их получению; не исполнительность, а инициатива и самостоятельность. Влияние мировых социокультурных тенденций на образование как в мире, так и в нашей стране направлено: 1) на формирование личности как активного субъекта всех сфер собственной жизнедеятельности; 2) ориентацию научных исследований и образовательных программ на учет культурных и общечеловеческих ценностей.

Согласно образовательной функции воспроизводства образование в обществе рассматривается как отрасль социальной практики, с которой реализуется передача подрастающему поколению культурно-исторического опыта. В соответствии же с функцией развития образование рассматривается как всеобщая форма развития личности, а через нее — всего общества. Этим подходам к роли образования в обществе соответствуют разные образовательные концепции, педагогические процессы и, соответственно им, разные конкретные проекты педагогической деятельности (технологии).

В так называемой *технократической* педагогике педагогический процесс описывается как способ взаимодействия между заданным содержанием образования и обучающимися, которые это содержание должны усвоить. Педагогический процесс определяется совокупностью технологических приемов, при этом практически не учитываются индивидуальные особенности педагогов и обучающихся, их цели, интересы, способности, возможности.

В *традиционной* парадигме педагогический процесс направлен, в основном, на усвоение обучающимися знаний, умений, навыков при этом в процессе обучения недостаточно представлены такие важнейшие компоненты, как передача способов мышления и реализации разных типов деятельности, опыта эмоционально-ценностного отношения к миру, опыта общения и др. Установка на усвоение ЗУНов утвердилась в педагогическом процессе благодаря, во-первых, технократизации педагогического сознания, во-вторых, информационно-объяснительному подходу к построению содержания образования, при котором совершенствование учебного процесса понимается как увеличение этих знаний путем расширения объема учебных дисциплин и реализации вербальных, объяснительно-иллюстративных методов обучения.

Педагогический процесс, соответствующий *универсальной* модели образования, ориентирован на развитие личностных способностей и учет индивидуальных особенностей обучающихся благодаря их согласованной совместной учебно-поисковой деятельности в соответствии с ценностями и целями образования. При этом важнейшей задачей обучения выступает не только усвоение конкретной информации (конкретного учебного материала),

но и овладение способами этого усвоения, способами мышления и деятельности, развитие интеллектуальных способностей и творческого потенциала личности. Тогда содержание образования в универсальной образовательной модели становится деятельностным. Отсюда следует еще одно название этой модели образования *деятельностная* модель. В деятельностном содержании образования один из основных его элементов - понятие - выступает не как теоретическая категория, а как обобщенный способ деятельности. В этой связи овладение деятельностным содержанием образования возможно только при восстановлении процессов происхождения знаний (понятий) и связано с включением обучающихся в моделирование и проектирование. Таким образом, универсальная образовательная модель направлена прежде всего на развитие личностных универсальных способностей к самоопределению, позволяющих человеку жить и работать с неопределенностью в постоянно меняющихся и культурно ненормированных условиях.

При реализации деятельностного подхода в педагогическом процессе особое значение приобретают так называемые активные или рефлексивно-деятельностные методы и формы обучения - формы и методы проблемного и развивающего типов обучения, исследовательские, проектные, проектно-конструкторские, игровые методы и приемы. Такой подход не исключает информационного объяснения учебного материала, использования технологий и методик программно-алгоритмического типа, но приоритет в универсальной модели образования отдается активным формам и методам обучения. Деятельностный подход к образованию предполагает групповые, индивидуальные, бригадные формы обучения, чередующийся состав учебных групп, использование форм творческой организации учебно-поисковой деятельности обучающихся, активное применение в педагогическом процессе новых технических средств обучения: персональных компьютеров с разнообразным набором обучающих программ, видеокomпьютерных информатек, способствующих организации учебно-исследовательской деятельности. Две основные функции образования в обществе (воспроизводство и развитие) и соответствующие им модели образования. Образование в обществе реализует две основные функции: 1) воспроизводства (культуры, опыта, деятельности людей); 2) развития (общества, личности). Первая функция осуществляется посредством теоретической (знаниевой) модели образования, вторая — универсальной (способностной, или деятельностной).

Теоретическая модель образования обеспечивает трансляцию культурно-исторического опыта от поколения к поколению; воспроизводство «готовых», «завершенных» знаний, умений, навыков, необходимых личности для реализации существующих в обществе функций (культурных, социальных, экономических и т. д.). Посредством теоретической образовательной модели определяется и формируется сознание личности с конкретным мировоззрением, ценностями и идеалами, принципами и образом жизни, определенными знаниями, умениями и навыками. Ярким примером такой модели образования является советская школа, которая была ориентирована на формирование у учащихся единого марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистических идеалов и ценностей. Такая теоретическая модель образования соответствует обществу традиционного типа и имеет другие названия: традиционная, или предметно-ориентированная. В заключении следует отметить, что сфера образования является также механизмом развития личности, общества в целом. Этот механизм развития реализуется посредством универсальной образовательной модели через подготовку людей к самостоятельной жизни в постоянно меняющейся ситуации, инновационной деятельности путем развития мышления, сознания личности. Универсальная модель образования направлена не столько на передачу обучающимся знаний, умений, навыков, сколько на развитие личностных способностей добывать эти знания и применять их в новых условиях. Другими словами, акцент в содержании образования должен быть смещен с освоения конкретных знаний на развитие универсальных личностных способностей. Отсюда следуют и другие названия этой модели образования - универсальная, или способностная, или инновационная, или личностно-ориентированная. Эта универсальная, или способностная, модель образования характерна

для динамического общества. Задачи развития личности учащегося в процессе образования могут быть решены преимущественно в рамках универсальной образовательной модели, в которой учебная деятельность обучающихся приобретает личностно-ориентированный характер и поисковую, исследовательскую направленность.

Поиски новых путей и способов формирования социокультурной среды высших образовательных учреждений сегодня активизировались и связаны с преобразованием их социокультурной инфраструктуры и создаваемого на ее основе социокультурного пространства, обеспечивающего свободное творческое развитие студентов, их социальную охрану и защиту; разработку программ, направленных на социальную адаптацию студентов к изменяющимся условиям жизни; формирование у них необходимых социальных навыков; координацию всех структур вуза, а также общественных формирований в области социально - воспитательной работы.

Гуманистический контекст образования может быть эффективно реализован лишь в условиях эффективной педагогической системы. А с этим у нас сегодня большие проблемы. «Наши реформаторы образования зашли в тупик: старые гуманистические качества системы образования развалены в значительной мере. Новые рыночные качества внедрены лишь на уровне деклараций, а что внедрено в практику имеет деструктивные последствия и конструктивно не работает.» [3, С.161]

Возникает вопрос, являлась ли дегуманистическая трансформация российского образования исходным замыслом реформаторов, или же это вышло вопреки их благим намерениям? Во всяком случае справедливой является следующая констатация: «Плачевное состояние современной российской системы образования, катастрофическое падение качества и доступности образования резко контрастирует с оптимистическими и внешне вполне гуманистическими принципами и целями нынешних реформаторов. Здесь мы видим главную особенность всей российской педагогической реформы, достигшую на ее третьей стадии наиболее острого состояния: противоречие между декларативной гуманистической идеологией реформы и реальной деградацией российской педагогической системы.» [5, С.47]

Гуманистическая педагогика возможна лишь при переориентации современной педагогической реформы, при преодолении ее дегуманистических последствий и тенденций.

Литература

- 1.Бахтин, М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 2000.
- 2.Выготский, Л.С. Проблема культурного развития ребенка [Текст] / Л.С. Выготский. – М., 2005.
- 3.Колосова, Н.Н. Российская реформа образования: современный тренд [Текст] / Н.Н. Поломошнов П.А., Э.Н. Янова, Е.Е. Пойда, Н.А. Полякова, М.А. Коломейцева ; под ред. А.Ф. Поломошнова. – п. Персиановский, 2013.
- 4.Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. - М., 2005. - 352 с.
5. Поломошнов, А.Ф. Проблемы модернизации российского образования [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Н.Н. Колосова, П.А. Поломошнов, Э.Н. Янова, Е.Е. Пойда, Н.А. Полякова, М.А. Коломейцева, А.Б. Габибов, О.Н. Поцелуева ; под ред. А.Ф. Поломошнова. – п. Персиановский, 2014.
- 6.Сластенин, В.А. Педагогика [Текст] : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов ; под ред. В.А. Сластенина. - М., 2002. - 576 с.

References

- 1.Bakhtin M.M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. [Author and

hero. To the philosophical foundations of the humanities] – М., 2000.

2. Vygotskiy L. S. Problema kul'turnogo razvitiya rebenka. [The problem of cultural development of the child] – М., 2005.

3. Kolosova N.N., Polomoshnov P.A., Yanova E.N., Poyda E.E., Polyakova N.A., Kolomeytseva M.A. Rossiyskaya reforma obrazovaniya: sovremennyy trend [The Russian education reform: a modern trend] / Pod red. A.F. Polomoshnova. – p. Persianovskiy, 2013.

4. Leont'ev A. N. — Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activity. Consciousness. Personality]- М., 2005. - 352 s.

5. Polomoshnov A.F., Kolosova N.N., Polomoshnov P.A., Yanova E.N., Poyda E.E., Polyakova N.A., Kolomeytseva M.A., Gabibov A.B., Potselueva O.N. Problemy modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya [Problems of modernization of Russian education] / Pod red. A.F. Polomoshnova. – p. Persianovskiy, 2014.

6. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyanov E.N. Pedagogika: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy [Pedagogy: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions] / Pod red. V.A. Slastenina. - М., 2002. - 576 s.

Полякова Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры философии и истории Отечества Донского государственного аграрного университета.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 165.74

Поломошнов П.А.

Ростовский государственный экономический университет

ПОСТГУМАНИЗМ: ВЕРШИНА ИЛИ КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА?

В статье анализируются направления современного постгуманизма. Постгуманизм рассматривается и как обобщенное определение современного общества и как система мировоззрения, отражающая кризис личности и гуманизма в современном обществе.

В составе постгуманизма можно выделяются несколько направлений. Первое - критическое направление, занимающееся обоснованием кризиса и краха классического гуманизма, но не создающее позитивной, оптимистической альтернативы или современной формы гуманизма. Это направление опирается на философские концепции постмодернизма. Второе направление - новый, или современный гуманизм (неогуманизм), который представлен достаточно широким и разнородным спектром международных и национальных гуманистических организаций. Это направление подчеркивает свою связь и преемственность с классическим западным гуманизмом и выдвигает гуманизм как высший современный идеал человечества. Третье направление - трансгуманизм, представляющий себя как радикально новую форму гуманизма, преодолевающую ограниченность классического гуманизма, но сохраняющий его сущность. На самом деле речь здесь идет о радикальной ревизии классического гуманизма, превращающей его в радикальный антигуманизм. Автор доказывает, что все три формы постгуманизма не являются не конструктивным развитием классического гуманизма, а выражением его кризиса. Кризис классического гуманизма является лишь переходным этапом к рождению нового современного гуманизма XXI века, в котором будет сохранено и расширено все содержание предшествующих форм гуманизма.

УДК 130.2:82.

Морозова Э., Пойда Е.Е.

Донской государственный аграрный университет

ИСКУССТВО КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ

В статье авторы предприняли попытку внести ясность в определение понятие «символ» как специфической формы культуры. Символ - один из важнейших факторов, направленных на поддержание и обеспечение прогресса общества и способных регулировать процесс диалога культур. Символ – не просто онтологическая данность, это универсальный способ художественного познания.

Главная особенность символизма в искусстве, отличающая его от других – ведущая роль символов, как характерных форм, соединяющих в своем содержании абстрактно-метафизические и изобразительные, художественно-эстетические компоненты.

УДК 101.1

Поломошнов А. Ф.

Донской государственный аграрный университет

КРИЗИС И СУДЬБА ГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье анализируется сущность и статус гуманизма в современном мире. Гуманизм выступает в различных формах: как философское направление, как мировоззрение и как идеология. Причем, это развивающаяся и меняющая свои исторические формы идея, которая составляет ядро определенных философских концепций, мировоззренческих и идеологических систем. Общая сущность идеи гуманизма состоит в утверждении высшей

ценности человека и возможности его свободного и всестороннего развития.

Автор рассматривает развитие идеи гуманизма в истории европейской культуры, а также кризис гуманизма в XX веке. Кризис классического гуманизма является лишь переходным этапом к рождению нового современного гуманизма XXI века, в котором будет сохранено и расширено все содержание предшествующих форм гуманизма.

УДК 111.6; 130.2.

Винокурова И.Н.

Донской государственный аграрный университет

ВЛИЯНИЕ ФРЕЙДА И МАРКСА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ Э.ФРОММА

В статье анализируется отношение Э. Фромма к З. Фрейду и К. Марксу, которые оказали больше влияние на формирование собственных взглядов мыслителя. Автор отмечает, что, отталкиваясь от идей психоанализа Э. Фрейда и гуманистической концепции личности марксизма, создал Э. Фромм собственную концепцию гуманистического психоанализа.

Автор приходит к выводу, что, хотя оригинальная концепция гуманистического психоанализа Э. Фромма сложилась под значительным влиянием фрейдизма и марксизма, она существенно от них отличается.

УДК 376.7

Поломошнов Л.А.

Южный федеральный университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Статья посвящена анализу становления и развития этнопсихологии в XIX веке – начале XX века. Анализируются концепции школы психологии народов Г. Г. Штейнталя, М. Лацариуса, В. Вундта, а также взгляды Г. Лебона и Г. Шпета.

Автор формулирует основные особенности парадигмы этнопсихологии: 1. признание народной души как надиндивидуального духовного образования, характеризующего духовную специфику народа. Правда, в самом понимании сущности народной души и ее структуры, основных элементов существует большой разброс мнений; 2. Признание феноменологического проявления народной души в различных формах духовной культуры общества и в психическом складе личности – представителя определенного народа; 3. Утверждение метода описания народной души по ее феноменологическим проявлениям в духовной и материальной культуре общества; 4. Утверждение тесной связи между народной душой и историей народа, но связь эта интерпретируется по-разному; 5. Плюрализм народных душ интерпретируется в основном на основе гуманистического принципа равенства народов; 6. Признание динамизма народной души, но это признание связано с неразрешимой для этнопсихологии проблемой: соотношения динамизма и устойчивости народной души, метания от одного к другому.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 340.1

Швандерова А.Р. Асташев Р.В.

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению сравнительного (компаративного) метода, который, являясь частнонаучным методом исследования права и государства, применяется при сопоставлении и противопоставлении двух и более правовых и политических систем с целью выявления общих, особенных и единичных свойств.

Автор доказывает, что сравнительный метод не может дать полную картину

исследуемых явлений. Он лишь упорядочивает разнообразные знания, получаемые от изучения общества, права и государства. Этот метод предлагает практически неограниченный набор решений социально-политических и экономических проблем и предоставляет пытливому исследователю возможность выбрать самое эффективное решение возникшей проблемы.

УДК 332

Брик А.Д., Прохорова Т., Данилова О.

Донской государственный аграрный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Проблема фальшивомонетничества несет ряд негативных последствий для экономики государства, таких как: угроза экономической безопасности, подрыв устойчивости национальной валюты, снижение реальной стоимости денежной массы, находящейся в обращении, создание препятствий Центральному банку для регулирования денежного обращения.

В статье рассматриваются проблемы юридической квалификации фальшивомонетничества и вопросы практической борьбы с фальшивомонетничеством. Автор подчеркивает, что в уголовном праве за данное деяние ответственность наступает не только за изготовление, но и за их хранение, сбыт и перевозку.

УДК 340.1

Швандерова А.Р., Асташев Р.В.

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: РЕАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР

Статья посвящена проблемам и перспективам медиации как одной из технологий альтернативного решения и урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны.

Институт медиации, приобретающий сегодня все большее признание гражданского общества, может использоваться, на наш взгляд, не только как самостоятельная процедура для эффективного разрешения спора, но и как целенаправленная социальная программа формирования целевого ценностного пространства для возрождения и формирования социально-значимых ориентиров.

Главным же социальным субъектом такого формирования является образование как социально-правовая практика, осуществляемая на системной основе, заключающаяся не только в обучении молодых граждан основным положениям законодательства, но и поднимающая престиж интересной, творческой профессиональной деятельности, убеждающая в ценности общественно-политической активности, формирующая потребность и веру в социальную справедливость и имеющая направленность на формирование правомерного поведения.

УДК 316

Лукьянова Е.А.

Донской государственный аграрный университет

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

В статье проанализированы результаты социологического опроса, проведенного в Донском государственном аграрном университете, посвященного оценке современного состояния России. Опираясь на полученные результаты, автор отмечает, что негативные оценки преобладают над позитивными.

К основным положительным чертам Российской Федерации студенты нашего вуза отнесли: огромный запас природных ресурсов, вооруженные силы и военную мощь, продуманную внешнюю политику и бесплатное образование. К основным негативным

чертам современной России студенты отнесли: низкий уровень жизни населения, коррупцию, сложность трудоустройства и безработицу, недостаток культурного и патриотического воспитания.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.01

Поломошнов А.Ф.

Донской государственный аграрный университет

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Российские реформы на рубеже тысячелетий и, в особенности российская реформа образования, поставили проблему гуманизма в российском образовании с предельной остротой. Автор анализирует оценки гуманистического статуса российского образования, которые варьируют от откровенно апологетического восхваления современных трансформаций российского образования и правительственных планов его дальнейшего развития, до крайне критической оценки современного состояния российского образования и всех педагогических реформ последнего времени.

Автор приходит к выводу о том, что реформы, направленные в сторону рыночной адаптации образования разрушительны и ведут к его недопустимой критически опасной дегуманизации.

В связи с этим, прогрессивное педагогическое сообщество, практически отстраненное от участия в реальной образовательной политике, должно, во-первых, организовать и консолидироваться, во-вторых, разработать программу гуманистической реконструкции современного российского образования.

УДК 316.613.

Полякова Н.А.

Донской государственный аграрный университет

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье раскрывается культурологический подход к исследованию и организации педагогического процесса. Гуманистическая педагогика исходит из межсубъектного понимания детерминации психического в человеке и основана на вере в позитивный потенциал человека, в его неограниченные творческие возможности постоянного развития и самосовершенствования. Важным при этом является то, что активность личности, ее потребности в самосовершенствовании рассматриваются в условиях взаимоотношений с другими людьми, построенных по принципу диалога.

Автор доказывает, что педагогический процесс, соответствующий универсальной модели образования, ориентирован на развитие личностных способностей и учет индивидуальных особенностей обучающихся благодаря их согласованной совместной учебно-поисковой деятельности в соответствии с ценностями и целями образования.

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

UDC 165.74

Polomoshnov P.A.

Rostov State Economics University

POSTGUMANISM: THE TOP OR THE END OF CLASSICAL HUMANISM?

In the article, the directions of modern posthumanism are analyzed. Posthumanism is viewed both as a generalized definition of modern society and as a system of worldview reflecting the crisis of personality and humanism in modern society.

In the composition of posthumanism, several directions can be distinguished. The first is a critical area that deals with the justification of the crisis and the collapse of classical humanism, but does not create a positive, optimistic alternative or a modern form of humanism. This direction is based on the philosophical concepts of postmodernism. The second direction is a new, or modern humanism (neohumanism), which is represented by a rather wide and diverse spectrum of international and national humanistic organizations. This direction emphasizes its connection and continuity with classical Western humanism and promotes humanism as the highest modern ideal of mankind. The third direction is transhumanism, representing itself as a radically new form of humanism, overcoming the limitations of classical humanism, but preserving its essence. In fact, it is a question of a radical revision of classical humanism, which turns it into radical anti-humanism. The author proves that all three forms of posthumanism are not a constructive development of classical humanism, but an expression of its crisis. The crisis of classical humanism is only a transitional stage to the birth of a new modern humanism of the 21st century, in which the entire content of the preceding forms of humanism will be preserved and expanded.

UDC 130.2:82.

Morozova E., Poyda E.E.

Don State Agrarian University

ART AS A SYMBOLIC FORM OF CULTURE

In the article, the authors attempted to clarify the definition of the term «symbol» as a specific form of culture. A symbol is one of the most important factors aimed at maintaining and ensuring the progress of society and capable of regulating the process of dialogue of cultures. A symbol is not just an ontological given, it is a universal way of artistic cognition.

The main feature of symbolism in art, which distinguishes it from others, is the leading role of symbols as characteristic forms, which combine abstract-metaphysical and pictorial, artistic-aesthetic components in their content.

UDC 101.1

Polomoshnov A. F.

Don State Agrarian University

CRISIS AND THE FATE OF HUMANISM IN THE CONTEMPORARY WORLD

The article analyzes the essence and status of humanism in the modern world. Humanism appears in various forms: as a philosophical trend, as a worldview and as an ideology. Moreover, it is an evolving idea that is changing its historical forms, which forms the core of certain philosophical concepts, worldview and ideological systems. The general essence of the idea of humanism is to affirm the supreme value of man and the possibility of his free and all-round development.

The author considers the development of the idea of humanism in the history of European culture, as well as the crisis of humanism in the twentieth century. The crisis of classical humanism is only a transitional stage to the birth of a new modern humanism of the XXI century, in which the whole content of the preceding forms of humanism will be preserved and expanded.

UDC 111.6; 130.2.

Vinokurova I.N.

Don State Agrarian University

INFLUENCE OF FREID AND MARX ON THE FORMATION OF EFROM'S VIEWS

The article analyzes the attitude of E. Fromm to Z. Freud and K. Marx, who exerted more influence on the formation of the thinker's own views. The author notes that, starting from the ideas of psychoanalysis of E. Freud and the humanistic conception of the personality of Marxism, Ed. Fromm created his own concept of humanistic psychoanalysis.

The author comes to the conclusion that, although the original concept of the humanistic psychoanalysis of E. Fromm developed under the considerable influence of Freudianism and Marxism, it differs significantly from them.

UDC 376.7

Polomoshnov L.A.

South Federal University

NATIONAL IDENTITY IN THE PARADIGM OF ETHNOPSCHOLOGY

The article is devoted to the analysis of the formation and development of ethnopsychology in the XIX century - the beginning of the XX century. The concepts of the school of the psychology of the peoples of GG Shteyntal, M. Lazarius, W. Wundt, as well as the views of G. Lebon and G. Shpet are analyzed.

The author formulates the main features of the paradigm of ethnopsychology: recognition of the people's soul as a supra-individual spiritual formation that characterizes the spiritual specifics of the people. True, in the very understanding of the essence of the people's soul and its structure, the main elements, there is a wide range of opinions; 2. Recognition of the phenomenological manifestation of the people's soul in various forms of the spiritual culture of society and in the mental warehouse of the individual - the representative of a certain people; 3. Confirmation of the method of describing the people's soul according to its phenomenological manifestations in the spiritual and material culture of society; 4. Confirmation of the close connection between the people's soul and the history of the people, but this connection is interpreted in different ways; 5. The pluralism of the people's souls is interpreted mainly on the basis of the humanistic principle of the equality of peoples; 6. Recognition of the dynamism of the people's soul, but this recognition is associated with an intractable for ethnopsychology problem: the relationship of dynamism and the stability of the people's soul, the throwing from one to another.

SOCIAL AND POLITICAL SCIENCIES

UDC 340.1

Shvanderova A.R., Astashev R.V.

Rostov Branch of the Russian State University of Justice

EFFICIENCY OF PRIVATE SCIENTIFIC METHODS IN STUDYING HISTORY AND THEORY OF LAW AND STATE

The article is devoted to comparative method which, being specially scientific method of research law and the state, used for comparing and contrasting two or more legal and political systems to identify common, special and single properties.

The author proves that the comparative method can not give a complete picture of the phenomena under study. It only regulates the diverse knowledge obtained from the study of society, law and the state. This method offers an almost unlimited set of solutions to socio-political and economic problems and provides an inquisitive researcher the opportunity to choose the most effective solution to the problem.

UDC 332

Brik A.D., Prokhorova, T., Danilova O.

Don State Agrarian University

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FALSE MATERNITY

The problem of counterfeiting carries a number of negative consequences for the economy of the state, such as: the threat of economic security, undermining the stability of the national currency, reducing the real value of the money supply in circulation, creating obstacles for the Central Bank to regulate monetary circulation.

The article deals with the problems of legal qualification of counterfeiting and the issues of practical struggle against counterfeiting. The author emphasizes that in the criminal law for this act the responsibility comes not only for the manufacture, but also for their storage, sale and transportation.

UDC 340.1

Shvandrova A.R., Astashev R.V.

Rostov Branch of the Russian State University of Justice

THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN STATE: IMPLEMENTATION OF ALTERNATIVE LEGAL PROCEDURES

Article is devoted to problems and prospects of mediation as one of alternative technology solutions and dispute settlement with participation of a third neutral, impartial, not interested in this conflict of parties.

The Institute of Mediation, which is gaining more and more recognition of civil society today, can be used, in our opinion, not only as an independent procedure for the effective resolution of a dispute, but also as a purposeful social program for the formation of a target value space for the revival and formation of socially significant landmarks.

The main social subject of such a formation is education as a social and legal practice carried out on a systemic basis, which consists not only in educating young people for the main provisions of legislation, but also raising the prestige of interesting, creative professional activity, convincing in the value of socio-political activity, And faith in social justice and having a focus on the formation of legitimate behavior.

UDC 316

Lukyanova E.A.

Don State Agrarian University

CONTEMPORARY RUSSIA BY EYES OF STUDENTS

The article analyzes the results of a sociological survey conducted at the Don State Agrarian University devoted to the assessment of the current state of Russia. Based on the results, the author notes that negative evaluations prevail over positive ones.

To the main positive features of the Russian Federation, the students of our university attributed: a huge reserve of natural resources, armed forces and military power, a thoughtful foreign policy and free education. The students attributed to the main negative features of modern Russia: low living standards, corruption, the difficulty of finding employment and unemployment, and a lack of cultural and patriotic upbringing.

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

UDC 37.01

Polomoshnov A.F.

Don State Agrarian University

THE PROBLEM OF THE DEHUMANIZATION OF RUSSIAN EDUCATION

Russian reforms at the turn of the millennium and, in particular, the Russian education reform, posed the problem of humanism in Russian education with the utmost urgency. The author

analyzes the assessments of the humanistic status of Russian education, which range from frankly apologetic praise for modern transformations of Russian education and government plans for its further development, to an extremely critical assessment of the current state of Russian education and all recent pedagogical reforms.

The author comes to the conclusion that reforms aimed at market adaptation of education are destructive and lead to its unacceptable critically dangerous dehumanization.

In this regard, the progressive pedagogical community, practically excluded from participation in real educational policy, must first organize and consolidate, and second, develop a program for the humanistic reconstruction of modern Russian education.

UDC 316.613.

Polyakova N.A.

Don State Agrarian University

EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL PROCESS

The article reveals the culturological approach to the research and organization of the pedagogical process. Humanistic pedagogy proceeds from the intersubjective understanding of the determination of the psychic in man and is based on the belief in the positive potential of man, in his unlimited creative possibilities of constant development and self-improvement. Important in this case is that the activity of the individual, his needs for self-improvement are considered in terms of relationships with other people, built on the principle of dialogue.

The author proves that the pedagogical process, corresponding to the universal model of education, is oriented towards the development of personal abilities and taking into account the individual characteristics of students due to their coordinated joint educational and search activity in accordance with the values and goals of education.

**ВЕСТНИК
ДОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2 (24.2), 2017

Часть 2

Адрес редакции:
346493, п. Персиановский Октябрьского района Ростовской области,
ул. Кривошлыкова 1. Тел. 8(86360) 36-150
e-mail: dgau-web@mail.ru